
ЛЕЙФ ХОВЕЛЬСЕН

СКВОЗЬ СТЕНУ

ПЕРЕВОД С НОРВЕЖСКОГО:
ИРИНА А. ВОГЕ

Til Julie
i takk nemlyhet, glede
og kjærlyhet
Oslo,
Okt.-06

Leif

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАВОНА»
МОСКВА
2006

Leif Hovelsen
GJENNOM MUREN

Редактор Е. Эрикссен
Художник Г. Васильев

В дизайне обложки использована репродукция работы Э.Неизвестного «Сквозь стену».

Ховельсен Л.

Сквозь стену. Послесловие Г. Померанца/Перевод с норвежского Ирины А. Воге — М.:
Навона, 2006 — 184 с., с илл.

По мнению Лейфа Ховельсена, схватка за наши мысли, чувства и волю происходит каждый день. Он цуцует ее, как целенаправленную борьбу, в которой решается вопрос — быть или не быть свободе, разобщенности народов и наций. Можно ли выиграть это сражение и как? Этому посвящена книга-размышление Л.Ховельсена.

Отпечатано в ГПП "Типография "Наука"
Тираж — 1500 экз. Заказ № 3670

ISBN 5-9732-0007-8

© Hovelsen L., 2006
© Воге И.А., перевод, 2006
© Издательство "Навона", 2006

В

ВВЕДЕНИЕ

Для этой книги я долго не мог подобрать название. Ясность наступила во время моего недавнего посещения Москвы. Я отправился в музей им. Пушкина, чтобы взглянуть на скульптуру Эрнста Неизвестного «Through the wall» («Сквозь стену»). Эту работу он посвятил падению Берлинской стены. Для меня же эта скульптура олицетворяла преодоление поистине невыносимых препятствий на пути человека, таких, которые без воли и веры одолеть нельзя.

Работа Неизвестного тронула меня до глубины души. Я сразу понял, что моя книга будет называться «Сквозь стену». Скульптура Неизвестного во многом символизирует мою собственную жизнь, мою борьбу со страхом смерти, с возведенным в систему злом нацистской диктатуры, пытавшейся поработить и контролировать мою жизнь, мою борьбу за разрушение всех стен, возводимых злом, за свободную личность, человеческое достоинство и созидательный дух. Скульптура «Сквозь стену» оставила во мне неизгладимый след, поэтому я и решил так-

же назвать свою книгу, а на обложку поместить фотографию этой символической скульптуры.

Издание книги «Сквозь стену» на русском языке получило серьезную поддержку. Мне хочется поблагодарить многих. В первую очередь Туре и Туррид Дискеруд, благодаря которым книга могла быть напечатана. Затем посла Роберта Л. Стюарта и его жену Лилиан за поддержку перевода на русский язык. Моих друзей — писателя Петера Воге за постоянную практическую помощь и его супругу Ирину Воге, выполнившую перевод, Григория Померанца и Зинаиду Миркину, принимавших участие в редактировании книги. И конечно, моего близкого друга Хуго Эрикссена и его жену Елену, возглавляющую издательство, в котором вышла эта книга. Их я благодарю за помощь и вдохновение в моей работе.

*Лейф Ховельсен
Осло, Норвегия
1 февраля 2006 г.*

II

ПРЕДИСЛОВИЕ

Д*орогие Хуго-младший и Кристина!*

Вы — самые юные из двенадцати моих крестных детей. Остальные десять намного старше вас и уже имеют свои семьи, своих собственных детей. К сожалению, вы живете так далеко, что мне не удастся видеть вас так часто, как хотелось бы.

Все мои крестники хорошо знают меня и зовут дядей Лейфом. И я, невзирая на разделяющие нас расстояния, надеюсь на такой же доверительный контакт с вами.

Увы, но все чаще я осознаю, что старею, и, наверное, мне не так долго остается жить. И вот у меня родилась идея написать книгу, которую я хотел бы посвятить прежде всего вам — самым юным и последним из всех моих крестников. Быть вашим крестным отцом для меня большая радость и привилегия.

Эта книга — не художественное произведение и даже не книга в обычном понимании, она — рассказ

о моей жизни, о том, какими предстали передо мной жизнь и современность XX века. Век этот головокружительный с точки зрения технического развития, зловещих войн и поглотивших миллионы человеческих жизней диктатур.

В моей жизни не было недостатка в испытаниях, что вовсе не соответствовало моим планам и желаниям. События развивались помимо моей воли. Прожитую мною жизнь можно понять только через пройденное и пережитое во время Второй мировой войны. Поэтому я начну повествование с того, что имело для меня наибольшее значение, оставило неизгладимый след и стало своего рода путеводной звездой на протяжении всего жизненного пути.

Содержание этих страниц, Хуго и Кристина, посвящается вам, дорогим моим крестникам, в знак благодарности и любви за то, чем вы являетесь для меня, и будете являться всегда.

Ваш Лейф

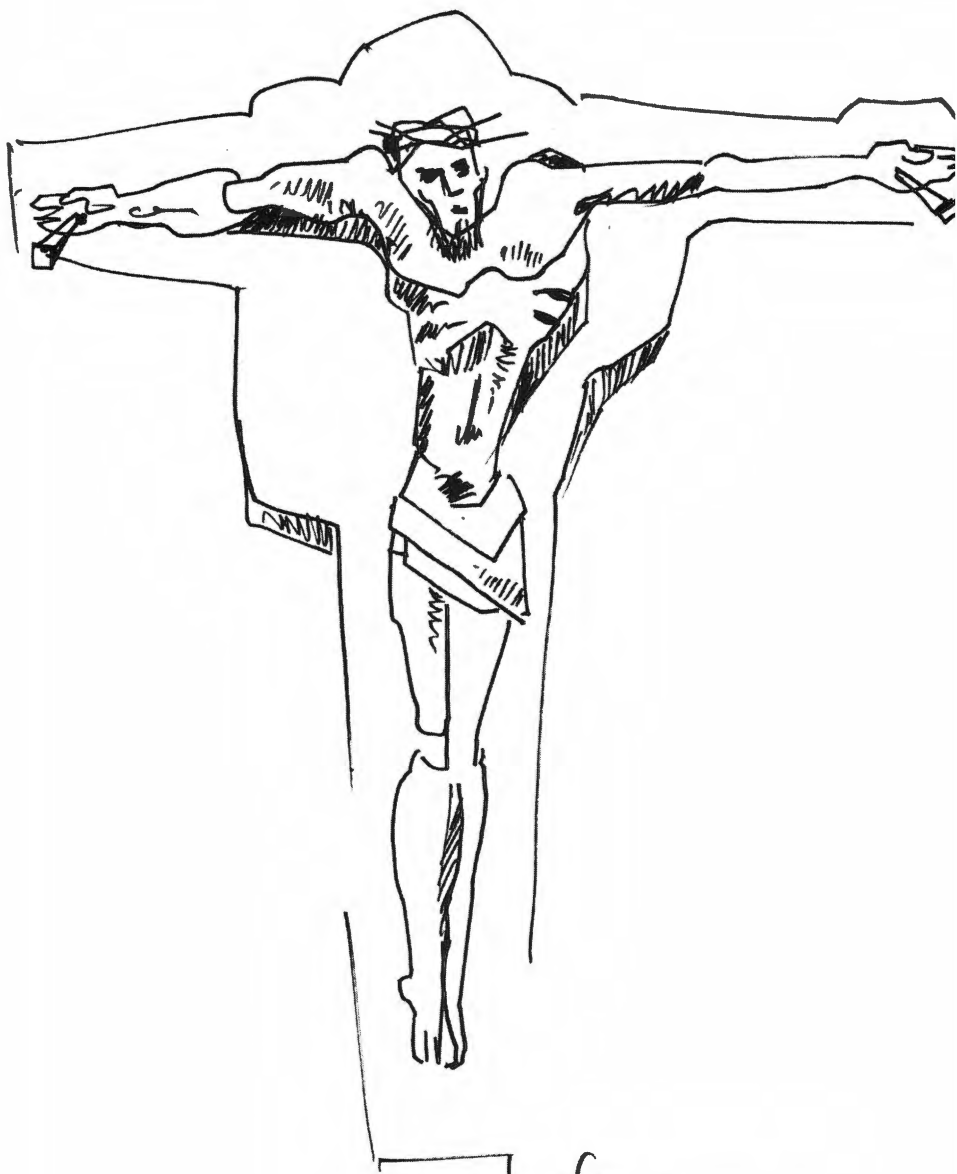
Люди, прорывающиеся сквозь Стену, лишившую их свободы, физической и духовной, всегда узнают друг друга, даже если они родились в разных странах и говорят на разных языках.

Когда я впервые познакомился с Лейфом Ховельсеном, мы сразу стали с ним друзьями. Мы сразу же поняли, что для нас обоих в этой жизни самым главным является человеческое достоинство и вера в то, что это чувство является не нашим личным достоянием и заслугой, но что оно есть указание свыше всем нам, основа нашего земного пути. Вера в справедливость и борьба с жестокостью во имя любви есть удел человечества в нечеловеческом обществе репрессий и зла.

И вот теперь, когда я прочитал рукопись книги Лейфа «Сквозь Стену», я с еще большей ясностью понял и ощутил единство наших судеб, единство судеб людей нашего поколения. Я понял, что мы проходили сквозь Стену Зла одновременно с противоположных сторон: он — человек Слова, писатель, я — человек Формы, художник. Через правду слова и правду напряженной трехмерной формы мы встретились друг с другом, обнялись и еще раз я понял — мы всегда были вместе.

Я счастлив, что моя работа в бронзе «Сквозь Стену» воспроизведена на обложке книги «Сквозь Стену» моего друга Лейфа Ховельсена.

А. Нешуе-Стену.

E. Neufang -

З

ЗЛОВЕЩАЯ НОЧЬ

Стук в дверь. Ко мне заглянула медсестра, которая жила в военное время в нашем доме.

— Там тебя кто-то спрашивает, — сказала она.

Из окна я мог различить в полумраке едва заметную фигуру, стоявшую неподвижно и наполовину скрытую за кустом сирени.

— Спускайся, — послышался тихий голос. — У меня к тебе сообщение от Нильса.

Нильс был одним из моих контактов в движении Сопротивления.

— Кто вы? — спросил я.

Ответа не последовало. Я повторил вопрос.

— Спускайся вниз! — настаивал голос.

— Если вы не скажете, кто вы такой, я позвоню в полицию, — крикнул я.

Захлопнул окно, вернулся в постель и хорошенько укутался в одеяло.

Мне стало страшно. Что-то во всем этом было не так. Вдруг послышался звон разбитого стекла, тяжелые шаги по лестнице. Дверь настежь распахнулась. Гестапо! Меня стащили с кровати, надели наручники. Мать с отцом в страхе наблюдали за происходящим.

— Что он сделал? — спросила мать.

— Много чего! — ответили ей.

Меня вывели в гостиную. Пока двое гестаповцев допрашивали меня, трое других обыскивали дом. Ничего не нашли. К счастью, никто не заглянул в подпол в прихожей, где были спрятаны четыре радиоаппарата. Я поинтересовался, не перепутали ли они дом? Возможно, все это лишь недоразумение. Тогда мне показали клочок бумаги:

— Это ведь твое имя?! Твой адрес?! Поедешь с нами в главный штаб, там тебя заставят говорить.

Я оделся, меня повели к машине. Пока меня заталкивали в нее, я вдруг услышал дрожащий голос матери, донесшийся с веранды:

— Лейф! Помни об Иисусе!

Я почувствовал, что краснею.

— Причем здесь Иисус? — подумал я. — Это только для старух и больных. — Мне стало стыдно.

Все двадцать минут, пока мы ехали к Террасе Виктории, где располагался главный штаб Гестапо в Осло, мой мозг напряженно работал:

— Откуда этот клочок бумаги с моим именем и адресом? Они сказали, что сообщение от Нильса. Неужели Нильс...?!

На улицах все было тихо, не видно ни одного человека, ни одного освещенного окна. Никого, кроме меня и гестаповцев, в эту серую летнюю ночь 9 июня 1943 года.

Мне было девятнадцать лет, я только что сдал выпускные экзамены в школе.

В машине допрос продолжился. Я притворялся простофилей, которого схватили по ошибке. Но внутри сидел страх: все-таки я знал слишком много.

В главном штабе меня привели в большой зал. Норвежские и немецкие гестаповцы громко кричали, перебивая друг друга. Они без остановки забрасывали меня, как им казалось, хитроумными вопросами, трясли перед лицом пачкой нелегальных газет.

Несмотря на все это, допрос прошел на удивление удачно. Через несколько часов в «черной марусе» меня увезли в тюрьму на улице Моллергата, 19. Здесь я мог, наконец, облегченно вздохнуть. Я даже гордился немного, что мне удалось обвести Гестапо вокруг пальца. Меня отвели в камеру Б-24, под строгий надзор.

Р РАССВЕТ

Дверь захлопнулась. Я остался один, взаперти. Попробовал всем телом навалиться на дверь. Бесплезно — слишком тяжелая. Я огляделся. Может быть, убежать через окно? Увы, оно оказалось запертым.

В камере была кровать, рядом стояла старая школьная парта. На парту заботливо положили ложку с погнутой ручкой. На полу оставили умывальный таз и кувшин с водой. В одном из ближних к выходу углов, в стене, я заметил узкую дверцу. Заглянул туда и тут же почувствовал запах нечистот.

Я стал вспоминать допрос, свои ответы. Они спрашивали про нелегальные газеты. Значит, они не знают о других делах, в которых я участвовал. Это обнадеживало.

— К Рождеству меня наверняка выпустят, — успокаивал я сам себя.

В двери с лязгом распахнулось окошко, в него просунули еду — протухшую рыбу с гнилой картошкой.

Аппетита не было, к еде с дурным запахом я не притронулся. Но позже я понял, что выбирать особенно не из чего. Это было главное блюдо дня, основное тюремное пропитание. Завтрак и ужин состояли из кофейного суррогата, пары кусков хлеба, кусочка маргарина и ломтика козьего сыра.

Чем дольше я находился в тюрьме, тем меньше замечал, какую отвратительную пищу мне предлагают. Голод способен уничтожить любые претензии к качеству блюд.

Первые дни тянулись нескончаемо долго. На фанерных ставнях для светомаскировки я обнаружил ряды коротких черточек. Это был самодельный календарь. Какой-то заключенный провел здесь сорок дней, следующий — пятьдесят, самая длинная череда состояла из девяноста палочек.

— Неужели и я так долго смогу тут выдержать?! — пронеслось у меня в голове.

Однажды я решил сделать некоторые подсчеты. Если я пробуду в этой камере год, это составит триста шестьдесят пять черточек. Если мне суждено прожить на свободе пятьдесят лет, это составит восемнадцать тысяч двести пятьдесят дней. Всего лишь триста шестьдесят пять из них пропадут даром, один из таких дней — ничто по сравнению со всеми днями на свободе. Получалось, что каждый день в заключении приближал меня к цели!

Это простое вычисление добавило мне мужества. Дни проходили монотонно, без каких-либо событий и новостей. И я все сильнее верил в благополучный конец.

Мой друг Эрленд К., с которым я учился в одном классе в гимназии, наверняка уже перебрался в Швецию, и теперь мне нечего было бояться. Вместе с ним мы распространяли по стране небольшие коротковолновые радиоприемники. Иногда я приносил их в рюкзаке в школу. Надо признаться, что последние два года мы очень рисковали. И вот теперь я оказался здесь. Я пообещал самому себе: ни при каких обстоятельствах не выдавать ни одного из моих друзей, чего бы это мне ни стоило.

Чтобы убить время, я насвистывал. Мелодии могли быть самыми разными: «Аве Мария», «Ларго» Генделя, какой-нибудь народный мотив или бодрящий марш. Однажды вечером, когда я вживался в этот мир звуков, произошло нечто странное. В момент, когда я с воодушевлением пропел в окно строчку «Выше голову, быстрый мальчик!», мелодия неожиданно вернулась ко мне откуда-то извне. Что это? Может быть, эхо? Но

нет, это чей-то ответ. Я стал насвистывать другую мелодию. Ее снова кто-то повторил. Я попробовал «Gaudeamus igitur» — гимн студентов.

Каждый раз мелодия с одинаковой быстротой кем-то подхватывалась. «Незнакомец» был студентом? Я попробовал пару песенок нашего весеннего выпуска. Оказалось, что он знал их все, даже ту, которую мы пели на нашем выпускном вечере! Мне стало не по себе. Неужели это Эрленд К.? Страшная догадка заставила меня почти машинально начать насвистывать отрывки из псалмов, которые мы в Рождество пели дома. Эрленд К. был сыном миссионера, мы состояли в одной христианской группе в гимназии. На каждый псалом безотказно следовал правильный ответ. Так это он?!

Наконец, я решил попробовать песню, сочиненную в классе. Если он ответит и на нее, то значит Эрленд К. сидит в этой же тюрьме. Но ответа не последовало. Я насвистел еще раз. Тишина. Я подпрыгнул до потолка от радости. Ура! Я мог быть уверен, что Эрленд К. все-таки перебрался в Швецию.

Неожиданно ко мне заглянул надзиратель и вручил посылку от матери. Разглядывая полученную одежду, я обнаружил, что на каждой вещи мать красивым узором, зелеными нитками — цветом надежды — вышила мои инициалы! Как это было на нее похоже. Я сразу понял, что это послание со смыслом. Такой была моя мать. Я живо представил, как она, сидя на веранде, готовила для меня эту посылку.

В последнее время во взаимоотношениях между мной и матерью что-то произошло. Ее вера не была больше моей. Я с детства помню, как мы вместе ходили в церковь и в молитвенный дом. Но в последний год в гимназии у меня появился страстный интерес ко всему, что представлялось мне «радикальным» и «революционным». Я все более критично от-

носился к нашей христианской общине. Она казалось мне слишком ограниченной. Я самозабвенно читал Гарборга и Бьернсона. Не знаю, в какой степени я мог их понимать, но меня интриговала их критика обывательского христианства, вдохновлял их разрыв со всем рутинным.

Говоря по правде, я сам чувствовал то же, что и они! Я больше не мог оставаться «правоверным» христианином. Однажды весной, выходя со школьного двора, я сказал себе:

— Хочу быть свободным. Хочу быть радикалом!

Об этом решении я не сказал ни родителям, ни кому-то еще. Но домашние почувствовали, что со мной что-то происходит.

И вот однажды я не выдержал и рассказал все как есть. Мать заплакала. Я не хотел обидеть ее, просто хотел быть честным. Мать вовсе не была ограниченной. Наоборот, она питала живой интерес ко всему, что происходило в стране и в мире, по вечерам всегда последней гасила лампу, она любила читать. Но вера была для нее всем.

К тому времени я начал заниматься психологией и философией. В один прекрасный день среди книг моего дяди я обнаружил «Коммунистический манифест» Карла Маркса, взял его домой и тайком от всех прочитал. Эта книга глубоко меня затронула, но коммунистом я не стал. Мне нужно было что-то более глубокое, и я постоянно пребывал в поиске.

Но сильнее всего в то время меня увлекала борьба за освобождение моей страны. Я чувствовал ответственность за то, что происходит. Немецкие оккупационные власти и норвежские нацисты-прислужники боялись правды. Прессе затыкали рот и по всей стране активно изымали радиоприемники.

Никогда не забуду, как тяжело было смотреть на отца, когда он, взяв наше большое новое радио, пошел сдавать его в специальный сборный пункт, по месту нашего жительства. Нацисты грозили строгим тюремным заключением всем, кто отказывался подчиняться этому приказу.

Но были люди, не желавшие признавать немецкие оккупационные власти и назначенное ими нацистское правительство,

возглавляемое изменником Видкуном Квислингом. Эти люди слушали передачи законного правительства и короля Хокона VII, находившихся в Лондоне.

Первое мое задание «от подпольщиков» казалось несложным — ежедневно слушать новости и распространять свободную информацию среди населения Осло и близлежащих районов, раздавая подпольные газеты. Дело пошло успешно.

Потом задача усложнилась. Я стал ответственным за распределение портативных коротковолновых радиоприемников между контактными лицами движения Сопротивления.

Одним из моих близких друзей, живших по соседству, был шведский радиоинженер. Он сохранял тесные контакты со Швецией и какими-то секретными путями получал оттуда все необходимые детали для сборки радиоприемников.

В моем доме, кстати, тоже имелось замаскированное радио — оно было вмонтировано в письменный стол.

Однажды после школы, когда я слишком ретиво удалился в свою комнату, чтобы «заниматься уроками» (новости передавали в 15.00), мой резко возросший усиленный интерес к школьным заданиям показался матери подозрительным. Она внезапно вошла в комнату, застав меня сидящим под столом — я слушал новости.

— Теперь все кончено, — подумал я.

Мать посмотрела на меня с укоризной, а потом вдруг спросила:

— А ты бы не мог раздобыть мне вторую пару наушников?

С этого дня мы часто слушали новости вместе, а позднее к нам присоединился и отец.

Мой отец был настоящим искателем приключений, страстно любил лыжный спорт. В начале века для строительной отрасли, в которой он работал, наступили

трудные времена, и он уехал в Чикаго, в Америку, где получил работу. Но его душе не хватало норвежских лыжных склонов, его тянуло домой, в Нордмарку.

Он завоевал почти все награды, какие только могли быть завоеваны в лыжном спорте. Пик его успеха пришелся на 1903 год, когда он стал победителем в лыжных гонках на пятьдесят километров, завоевал Королевский кубок и был награжден золотой медалью Холменколлена.

Одним летним днем, прогуливаясь по парку в Чикаго, он обратил внимание на скользящие горки, по которым съезжали вниз лодки. Лодки с брызгами падали в воду, а затем снова поднимались наверх.

— Здесь можно съезжать и на лыжах, — подумал мой отец.

Он договорился с начальством аттракциона и получил разрешение попробовать. Намазав лыжи вазелином, он оттолкнулся и начал скользить вниз. Скорость развилась такая, что прежде, чем упасть, он еще долго скользил по воде. Потом он сбросил лыжи и поплыл к берегу.

Однажды, когда мой отец развлекался таким образом, его заметил директор известного цирка «Барнум и Бейли». Он проявил интерес к оригинальному катанию по воде на смазанных вазелином лыжах и спросил отца, а не мог бы тот повторить что-то похожее в закрытом помещении цирка.

Идея понравилась отцу, и вскоре он стал «Летучим норвежцем» — сенсацией «лучшего в мире представления» цирка «Барнум и Бейли». Он выступал в Медисон Сквер Гарден и других местах Америки, куда цирк приезжал на гастроли. О реакции публики, наблюдавшей за прыжками, в газетах тогда писали: «Сильные мужчины закрывали руками белые, как их рубашки, лица, а прекрасные дамы от ужаса падали в обморок».

Между стартовой площадкой трамплина, установленной на высоте тридцать метров, и местом приземления имелась «пропасть» шириной в пятнадцать метров. Во время прыжка по дну этой «пропасти» прохаживались люди. Во время прыжка над

ними и парил мой отец. Как говорит статистика тех лет, на эти прыжки пришли посмотреть четыре миллиона зрителей.

Позднее отец переехал в штат Колорадо, где стал пионером лыжных видов спорта. Он научил ходить на лыжах тысячи американцев и получил прозвище «отца лыжного спорта в Колорадо». Он поселился в Стимбуот Спрингс и купил себе за городом ранчо. Благодаря его пионерской деятельности, город стали называть «Лыжным городом США» (Ski Town USA). Созданная им лыжная территория и трамплин известны сегодня во всем мире, и с 1918 года носят имя моего отца — Ховельсен Хилл.

В 1922 году отец приехал в Норвегию на серебряную свадьбу своих родителей. Там он встретился с моей матерью Анной-Кристиной Скарстрем, с которой познакомился еще перед отъездом в Америку в 1903 году. Старший брат моей матери был женат на одной из сестер отца. На этот раз отец и Анна-Кристина решили пожениться. Они купили деревянный дом в Хойбротене, в восточной части Осло, где прожили затем всю свою жизнь.

Отец всегда был смельчаком, хотя никогда не доходил до безрассудства. Он мог придумывать самые разные трюки. Историк лыжного спорта Яков Воге, которого я хорошо знал, много рассказывал мне об отце. Вот одна из таких историй.

«Ховельсен был большим мастером удерживать равновесие. Когда в 1890-х годах молодежь Христиании устраивала за городом прыжки с трамплина в костюмах, Ховельсен брал с собой гармонь. Перед прыжком он надевал гармонь и начинал играть марш «avs Sousa». Во время полета и приземления музыка звучала без перерывов! Прыжок же он завершал виртуозным резким разворотом, при этом умудрялся ни разу не сфальшивить и не пропустить ни одной ноты!»

Мать рассказывала, что мне было всего два года, когда отец впервые поставил меня на лыжи. Зажав меня между коленей, он съехал с крутой горы около нашего дома. Мать с замиранием сердца смотрела из окна кухни на этот аттракцион, но в душе гордилась за отца и сына.

Многие воспоминания были связаны с моим отцом. И вот теперь, когда я находился в одиночной камере, все они разом нахлынули на меня. Наши летние отпуска, когда мы вместе ловили форель в озерах и реках, и незабываемые лыжные прогулки зимой. Все это всплывало в моей памяти, сокращая мучительные дни в заключении.

Однажды вечером в коридоре послышались громкие шаги — это грохотали сапоги с железными набойками. ... В замке заскрежетал ключ, и дверь распахнулась.

— Четыре тысячи семьсот восьмой! — выкрикнул я, вытягиваясь по стойке «смирно».

— На выход! — лаконично рявкнул надзиратель.

В коридоре уже поджидали три офицера Гестапо. Они повернули меня лицом к стене. Я напрягся. Вдруг на мою левую руку надели наручники и быстро развернули спиной к стене. Передо мной стоял Эрленд К.! Я почувствовал, как пол уходит из-под ног. Мои надежды на спасение вмиг улетучились. Я был потрясен — как много они, оказывается, знают?!

Нас сковали одними наручниками и повезли в главный штаб на Террасу Виктории. Там нас развели по разным помещениям. Я еще не знал, что Эрленда К. увижу только после освобождения, когда он вернется из концлагеря Захсенхаузена.

Потрясения следовали одно за другим. Теперь передо мной выстроились уже шестеро гестаповцев, начался новый допрос. По их вопросам я понял, что они слишком хорошо информированы, видимо, среди наших людей у них был осведомитель.

Во время допроса мне скрутили руки, потом начали бить кулаками по лицу. Для разнообразия они хлестали меня по спине металлическим жгутом, с криками и руганью тыкали в лицо клочком бумаги с четырьмя фамилиями. Мне твердили, что эти четверо получили от меня радиоприемники.

И это было правдой. Как глупо, что я рассказал о них Нильсу. В Гестапо все знали. Я продолжал отказываться. Удары становились все чаще и сильнее. В конце концов, я не выдержал и подтвердил, что эти люди получили от меня радио. Мне пришлось признаться еще и в другом, о чем рассказал им Нильс — да, в моем доме действительно спрятаны еще четыре радиоприемника.

Сначала меня заставили нарисовать на бумаге план места, где находились приемники, но потом решили, что гораздо надежнее захватить на обыск и меня.

— А может, приемников там и нет? — говорили мне. — Твой отец мог их перепрятать.

— Он ничего не знает, — отвечал я. — Я не хочу ехать домой. Вы найдете приемники и без меня. Они лежат в подполе, в прихожей.

— Не хочешь домой? — хохотали мои мучители и упирались мне в затылок дулом заряженного пистолета. — Если не поедешь, мы тебя пристрелим, здесь не церемонятся со смертниками.

На меня снова надели наручники и затолкали в машину.

К счастью, радиоприемники оказались на месте. На расвете следующего утра меня отвезли обратно на Моллергата, 19. Я весь сжался от отчаяния, чувствовал себя униженным, подавленным. Я попросил у надзирателя разрешения лечь на нары, силы совсем оставили меня. Но и в этой просьбе мне отказали. И я, как собака, лег на полу.

Картины минувшей ночи прокручивались в моей голове. Вдруг в камеру влетел надзиратель:

— Запрещено! Запрещено! — заорал он и начал поднимать меня с пола.

Когда дверь снова захлопнулась, я повалился на парту.

Больше всего мое сердце ныло от того, что я вынужден был подтвердить имена тех четырех людей. Гестаповцам удалось сломить меня, а ведь я хотел быть мужественным, хотел показать, что выдержу!

Эта боль так глубоко засела во мне, что я не находил себе оправдания.

— Все из-за моего предательства! Моя вина в том, что я рассказал об этих людях Нильсу.

На протяжении всего времени, пока я находился в заключении, я очень страдал, даже когда знал уже, что Бог меня простил.

На свободу я вышел только после оккупации, в мае 1945 года. Первое, что я сделал по возвращении, так это встретил всех четверых своих друзей, чтобы рассказать им правду, сказать, как я раскаиваюсь, попросить у них прощения. Они приняли меня как друга и с радостью простили меня.

Но пока я полулежал в камере за партой, в голове всплыл и другой эпизод — его свидетелем я стал, находясь у Террасы Виктории. Когда после допроса гестаповцы заталкивали меня в машину, к ним подошел какой-то норвежец, явно поджидавший их. Небритый и неряшливо одетый, с заискивающим взглядом он протянул руку:

— Когда я получу свои деньги?

Я подумал о Нильсе... Мой товарищ Нильс предал меня и Эрленда К. Отец с матерью все-таки были правы.

— Ты слишком легковверен, Лейф, — предупреждали меня они. — Будь осторожней с Нильсом. Ему нельзя доверять.

Тогда я не хотел ничего слышать, злился на них, искренне считал, что они не понимают, что все люди хорошие! «Edel sei der Mensch, hilfreich und gut» («Благородным будь человек, отзывчивым и добрым»), — верил я. И вот теперь вся моя вера рушилась, сметалась злом, в существование которого я отказывался верить.

Хуже всего был страх перед тем, что могло произойти дальше. Допросы длились по одиннадцать часов. На одном из них мне удалось воспользоваться моментом и рассмотреть лежавшие на столе фотографии. Это были снимки моих друзей Эрленда С. и Алвина. Я думал, что они-то уж точно на свободе, но их, оказывается, тоже арестовали. Нильс выдал и их.

Что будет, если из них выбьют информацию, не соответствующую той, которую на допросе сообщил я? Эта мысль не выходила у меня из головы. Хотя мне удалось скрыть самые важные сведения, я совершенно точно знал, что если меня снова начнут пытаться, я не выдержу. А если им удастся выбить из меня сведения о тех, кто отвечает за связь со Швецией? Или о связанном Народного фронта?

Как предупредить моих друзей? Они наверняка находятся тоже здесь, в тюрьме на Моллергата, 19. Я оглядел камеру — все безнадежно.

Тут меня внезапно осенило:

— Может быть, помолиться? Помолиться?! Но я ведь не верю в молитвы. А может, стоит попробовать? Вдруг именно это и станет спасением? В любом случае молитва не повредит.

Никогда раньше я не находился в столь безнадежной ситуации.

Некоторое время я обдумывал эту идею, потом решился на эксперимент.

— Если Ты существуешь, Боже, — начал я, — то Ты присутствуешь здесь и сейчас, Ты видишь, насколько я беспомощен и что поставлено на карту. Помоги Эрленду С. и Алвину выдержать допрос и сказать только то, что нужно, Боже.

Затем я прибавил:

— Если Ты ответишь мне и дашь знак, что Ты существуешь, я всего себя полностью посвящу Тебе. Я очень хочу верить, но как верить, не зная?

Через несколько дней, в понедельник днем, дверь открылась и в камеру вошли надзиратель с тюремным парикмахером. Это показалось мне странным, я знал, что моя очередь еще не подошла. Меня отвели вниз, в коридор «А» и посадили на табурет рядом с выходом на тюремный двор.

Парикмахер, который и сам был заключенным, начал меня стричь, а надзиратель-немец наблюдал за его работой. Механически, может быть, случайно, парикмахер немного повернул табурет, и в этот момент сверху лестницы послышались шаги. Че-

тыре человека шумно спускались вниз. И я увидел Алвина и Эрленда С. в сопровождении двух охранников! Они остановились в коридоре в нескольких метрах от меня и тоже меня заметили.

Немцы о чем-то стали переговариваться между собой, и тогда Алвин, наклонившись в мою сторону, быстро и коротко передал мне, что было сказано на допросе. Не спуская глаз с надзирателя, я прошептал:

— Я сказал то же самое.

Затем несколько минут пришлось переждать. Когда снова появился шанс, я прошептал Эрленду:

— Тебя я не знаю, только твоего брата.

— Я говорил то же самое, — быстро ответил он. — Нас везут в лагерь Грини.

Потом их вывели через железные двери во двор, где уже ждала машина.

Когда я вернулся в Б-24, то торжествовал:

— Это невероятно!

И тут я вспомнил про свою спонтанную молитву.

— Но может, это счастливое совпадение? Парикмахер ведь совершенно естественно повернул мой табурет, он так всегда делает. И нет ничего странного в том, что в это время выводили моих друзей, такое тоже бывает.

Тут я задумался.

— Но как нам удалось заговорить друг с другом и успеть передать все в присутствии надзирателей?! Также счастливая случайность? Но почему из четырехсот пятидесяти заключенных именно меня вывели для стрижки в тот день и час, когда моих друзей переводили в Грини?

За окном началась гроза. Камера погрузилась в сумрак. Я вдруг ощутил, насколько я мал, и чувство благоговения наполнило меня.

— Господи, я верю! — легко и естественно вырвалось у меня.

Я плакал от счастья! В эту минуту во мне родилось нечто совсем новое — внутреннее убеждение веры, которое невозможно было поколебать.

Сколько бы потом мой ум ни пытался снова убедить меня, что все происшедшее было лишь случайностью, в глубине души я знал, что Бог сотворил чудо, и не только извне, но и внутри меня. Мир, покой, радость и терпение вошли в мою душу, и это поддерживало меня на протяжении всех последующих дней и недель. Для меня словно бы не имело больше значения, сколько еще времени я проведу в одиночной камере, неделю или год. Жизнь предстала передо мной драгоценным даром.

Каждый день приносил новые открытия. Знания, полученные мною в школе, приобрели вдруг более глубокий смысл. Так мне открылось подлинное значение слов из пьесы Ибсена «Бранд»:

*Мужайся, дух мой, — вот победа:
Оставить все, предстать нагим.
Все цепи, что за жизнь изведал,
Рассыпать в прах, развеять в дым.*

Только когда действительно все потеряно, все обретает истинную ценность. Я стал лучше понимать, что означает подлинная свобода и почему за нее надо бороться. Огромное значение имело открытие и новое понимание того, каким даром являются любящие родители, возможность учиться и благополучный дом. Теперь, когда все это было у меня отнято, все это стало более живым и значительным. В одно мгновение камера Б-24 превратилась в совсем другой мир. Во мне жили ожидания и интерес к новым открытиям!

Конечно, были и тяжелые часы, были дни, когда меня снова жестоко допрашивали в Гестапо. Но на этот раз наступающим был я. Во мне раскрылся новый источник мужества, полученный из молитвы, из того, что я делил с Богом все возникшие передо мной трудности.

Еще через месяц, проведенный в Б-24, меня стали выводить на новые допросы, где допрашивающим был гестаповец-норвежец. Однажды он был пьян. Сначала он хотел знать имя и адрес

одного моего школьного друга. У него, очевидно, была какая-то информация, и он дал мне понять, что я единственный, от кого они могут узнать его имя и адрес. Я не знал, как выйти из положения. Хорошо понимая, чего хотел от меня гестаповец, я твердо решил, что ничего ему не скажу, чего бы это мне ни стоило. Я разыгрывал невинного. В конце концов, он сдался. Затем он стал добиваться от меня сведений об одной коммунистической группе, поставившей новости для нашей подпольной типографии.

— Нам известно, что ты знаком с ними, — сказал он. — У тебя есть шанс все рассказать, и мы больше не будем считать тебя коммунистом.

— Я не коммунист, — ответил я.

— На это мне наплевать, — сказал он. — Ты замешан в деле коммунистов. Если ты расскажешь все, что знаешь о них, я обещаю, что тебя не расстреляют. Если нет — тебе конец.

Ситуация была ясной: или я рассказываю им все, что мне известно, и этим подвергаю опасности членов коммунистической группы, или я молчу, и это будет стоить мне жизни. На меня как будто сошла какая-то сила свыше. Я продолжал разыгрывать незнающего. И выдержал. Меня снова отвезли в Б-24, так ничего и не добившись.

За несколько дней до допроса, который проводил норвежский гестаповец, ко мне в Б-24 на минуту зашел гестаповец-немец (он вел наше дело), чтобы сообщить, что я занесен в список приговоренных к смертной казни.

— Хотя окончательное решение будет принято в полицейском суде, — подчеркнул он, — мы сделаем все возможное, чтобы казнь состоялась.

Он улыбнулся и вышел из камеры.

Только теперь я осознал, насколько серьезнее мое положение, чем мне поначалу казалось. Для Гестапо, конечно, было поражением, что им не удалось найти остальных пятьдесят шесть участников Народного фронта, получивших от меня радио. Я называл только тех, о ком точно знал, что они в Швеции. Мне все удалось. Больше они ничего не смогли от

меня добиться. К счастью, я рассказал Нильсу только о четырех радио.

Размышляя над своим положением, я все больше убеждался, что казнь неизбежна. Но почему? Почему теперь, когда я только начал открывать жизнь?! Все во мне жаждало жизни. Я не мог смириться с мыслью, что все кончится.

Я знал, что молитва — мой единственный шанс, я испытал это два месяца назад. «Какой бы ни была воля Твоя, Боже, — молился я, — пусть она будет исполнена. Но если моя жизнь будет подарена мне, и я когда-нибудь выйду на свободу, я полностью посвящу ее Тебе, чтобы Ты мог распоряжаться ею по воле Твоей».

Теперь в Б-24 я часто ходил по воображаемой восьмерке и размышлял. Иногда в душе всплывали образы детства. Я вспоминал, как мальчиком ходил с матерью в церковь. Обычно я делал это, чтобы угодить ей. Мне было трудно следить за проповедью. Я думал о других вещах. Но мне нравились орган и пение псалмов. Больше всего меня трогало таинство причастия, хотя я мало понимал его значение. В нашей церкви причастие сопровождалось пением старинного псалма, и это сочетание навсегда отпечаталось в моем сознании. И теперь внутри себя я мог слышать пение священника: «В ночь, когда Он был предан, Он взял хлеб и, возблагодарив, преломил его»... Я сам запел этот псалом, и вдруг, каким-то чудесным образом во мне произошло своего рода отождествление с Христом:

— Христос был предан Иудой. Меня предал Нильс. Христа избивали и мучили римляне. Меня били и мучили немцы. Христа распяли. И я приговорен к казни, — думал я.

В этот же момент я ощутил, что Христос находится рядом со мной. Я физически почувствовал Его присутствие и услышал голос в душе:

— Не бойся, Лейф. Я твой Господь. Следуй за Мной.

Во мне снова что-то произошло. Страх перед возможной казнью и Гестапо исчез. Меня наполнили тихая внутренняя ра-

дость и благодарность к Богу за то, что я живу. Я был свободен в подлинном, глубоком смысле этого понятия. Только когда ты все потерял, а последнее, что у меня оставалось — это моя жизнь, ты по-настоящему свободен. И я это пережил.

Иногда по вечерам я чувствовал одиночество. Тогда я пел: «Веди, тихий свет, сквозь мрак, веди меня!» Я был вместе с Богом. Чего еще мне было желать?

Каждый раз, когда я слышал грохот кованых сапог и звон ключей около моей двери, меня трясло:

— А вдруг это за мной?!

Однажды утром, прохаживаясь по Б-24, я услышал шаги надзирателя в коридоре и подумал:

— Этот немец — несчастный человек. Может быть, он чувствует себя рабом и должен служить здесь против своей воли. Он вынужден быть частью «системы зла» и не может из нее вырваться.

И еще:

— Германия проиграет войну не из-за союзников, а потому что обернулась против Бога, и для достижения своих целей использует злые методы. Это никогда ни к чему хорошему не приведет. Не важно, сколько пройдет времени, исход известен. И когда настанет день падения гитлеровской Германии, и ее национальная гордость будет разбита, у немцев появится новая возможность найти Бога и начать новую жизнь как народ и нация, — размышлял про себя я.

День проходил за днем. Как-то утром, прохаживаясь по воображаемой восьмерке, я начал вслух цитировать Шекспира:

— Быть или не быть? — вот в чем вопрос.

Тут я остановился и начал хохотать. Действительно, мое подсознание само нашло поразительно уместную цитату. И это меня рассмешило.

Прошел еще один месяц. А я все еще жил.

Едва я успел закончить завтрак, как за мной пришел надзиратель. В конце коридора я увидел одного из старших по званию гестаповских офицеров — он несколько раз присутствовал на допросах, но каждый раз держался отстраненно.

Он сделал мне знак рукой, и я прошел за ним в одно из помещений. Он был почти дружелюбен, предложил мне сесть за стол напротив себя. Я с интересом посмотрел на него. Высокий, худой, белокурый немец, наверное, принадлежит к тем, кого они называют «чистыми арийцами». Почти привлекательный человек, с правильными чертами лица и холодным расчетливым взглядом.

Я заговорил первым:

— Четыре месяца я провел в одиночной камере без права на чтение, переписку или выхода на прогулку. Я хотел бы попросить разрешения читать. До ареста я собирался поступать в университет, но пока время уходит впустую.

Он только рассмеялся в ответ:

— Ты впустую тратишь время?! Но в этом виноват ты сам. Зачем ты вступил в это движение — в Сопротивление?

Он говорил больше получаса, рассказал о нацистской идеологии, представив ее очень привлекательной. Он говорил о том, какое значение для Германии имеет Гитлер, с вдохновением описал успехи немецкого оружия по всей Европе.

— Эта война скоро кончится. Мы уже завоевываем Италию, — сообщил он.

О боях в Италии я слышал впервые. Это означало, что союзники открыли там фронт.

— Когда Германия одержит победу над союзными войсками, — продолжал он, — мы объединим континенты и создадим союз европейских государств, аналогичный американским штатам.

Затем он описал жизнь Гитлерюгенда. С жаром говорил о сотнях тысяч молодых людей, которые с радостью заняли свои места в борьбе за новую Европу. Каждое его слово, каждый жест убеждали меня в том, что он полностью и безоговорочно верил в то, о чем столь пылко рассуждал. Я ощущал магнетическую силу его слов и боролся с тем, чтобы не поддаться его идеологическому напору.

Вдруг он резко переменял тему:

— Если через два года мы освободим тебя, и к тебе подойдет один из твоих друзей с просьбой помочь напечатать нелегальные газеты, что ты ему ответишь?

— В этой тюрьме я потерял столько времени, что собираюсь, прежде всего, заняться учебой, — ответил я.

— И ты думаешь, что я тебе поверю? — усмехнулся он.

Я молчал.

— Ты давно уже в одиночной камере, — продолжил он. — Тебе хотелось бы, чтобы тебя перевели к другим, где ты сможешь общаться?

— Да, конечно! — вырвалось у меня.

— Представь, что один из сокамерников вернулся с допроса и сказал, что ему удалось нас обмануть. Ты мог бы сообщить нам об этом?

Я молчал. Передо мной сидел гестаповец, от которого зависела моя судьба. И я чувствовал собственное бессилие перед ним. Но помимо моей воли вырвался ответ:

— НЕТ! Это против моей совести!

— Совести?! — с ироничной издевкой переспросил он. — Доносить — это норма. На тебя самого донесли. Но послушай, — продолжил он увлеченно, — если мы выпустим тебя, ты сможешь учиться в университете и делать то, что захочешь. Согласился бы ты тогда сообщать нам обо всем, что происходит в Сопротивлении?

И снова, как пушечный выстрел, из меня вырвалось:

— НЕТ! Это против моей совести!

Он продолжил с новым вдохновением:

— А если мы выпустим тебя прямо сейчас, и ты даже сможешь закончить учебу? Но при одном условии — ты станешь информировать нас обо всем, что происходит в Народном фронте. При этом мы гарантируем, что об этом не узнает ни один человек. Так согласен?

Последовала пауза. Но потом я просто прокричал:

— НЕТ! Не могу. Это против моей совести!

Гестаповец с удивлением посмотрел на меня.

— Подумай над моим предложением, — сказал он. — Мы встретимся через неделю, и тогда, надеюсь, сумеем договориться.

Последовавшая неделя была для меня настоящим испытанием. Может быть, это была самая важная неделя в моей жизни. Каждый день я боролся с собою. Были минуты, когда я почти готов был согласиться. Я думал об отце с матерью. Я был их единственным ребенком, больше всего им хотелось, чтобы я остался в живых.

Наверное, они смогли бы понять меня, если бы я согласился. Но пока я размышлял, шагая по воображаемой восьмерке, мне становилось все очевиднее, что согласие на сотрудничество будет означать потерю души и внутренней свободы.

Если я соглашусь, говорила мне совесть, я предам свою страну. Именно в этот момент я принял решение, что скажу «нет». В полном сознании и от всего сердца я выбрал казнь вместо освобождения из тюрьмы.

Когда решение было принято, я испытал нарастающее, почти взрывное чувство свободы, подтверждавшее правильность моего выбора. Я мог смотреть в лицо смерти с полным спокойствием.

Еще я постоянно думал о Нильсе. Позже я узнал, что он был арестован незадолго до меня. Те же предложения о сотрудничестве с Гестапо были сделаны и ему. Он клюнул на эти обещания. За свою свободу он обязался сообщать о нас все, что знал. Я был одним из шестерых, кого забрали в ту ночь по его доносу.

Нильса отпустили, но свободнее он не стал. Гестапо никогда не выпускало его из вида. Он выдал еще нескольких людей, участвовал в допросах на Террасе Виктории, находился рядом, когда пытали его соотечественников.

Я верил Нильсу. Он был моим другом. Он сам выбрал свой путь. Я категорически против того, что он сделал. Но я не могу осуждать его. Разве я сам не чувствовал, насколько был мал и беспомощен перед теми, кто делал все возможное для того, чтобы сломить, а затем использовать нас? И я знал, что в са-

мый критический момент даже не я сам, а моя совесть заставила меня сказать решающее «НЕТ»! Хотя я пытался освободиться от веры моих родителей, от христианской нравственности, именно эти ценности ожили во мне тогда, когда я оказался в безвыходном положении и одиночестве.

...Прошла неделя, отпущенная мне на размышления. Гестаповский офицер так и не пришел. Я никогда больше его не видел. Это удивило меня, я не мог понять причины.

В один прекрасный день меня осенила простая мысль, что господа из Гестапо просто поняли, что им не удастся взять меня под контроль. Когда я понял, что это именно так, я стал прыгать от радости по своей Б-24, повторяя, как заклинание:

— Я победил нацистов! Само Гестапо со всей их властью оказалось бессильно! Они не знают, что со мной делать! Конечно, они могут лишить меня жизни, но они не властны над моей душой, мыслями, внутренней свободой!

Это оказалось очередным прозрением в камере Б-24! Голос совести одержал победу над властью диктатуры и зла!

Но глобальные вопросы — идеологические — по-прежнему оставались без ответа.

— Вот я устоял перед попыткой нацистов использовать меня в своей борьбе за власть, — рассуждал я. — Но как преодолеть идеологию нацистской диктатуры?

Интуитивно я чувствовал, что это касается и коммунистической идеологии. Как преодолеть идеологию, которая порабощает человека и поддерживает власть диктатуры? Как сделать демократию эффективной, чтобы она могла защищать добро и побеждать зло?

Эти мысли не покидали меня в последующие дни. На основе пережитого в тюрьме, я пришел к выводу, что свобода и демократия, в конце концов, зависят от нашего выбора. Если я уступаю бесчеловечной системе, то через короткий срок сдамся ей окончательно, и она полностью меня поработит.

Это касается не только отдельного человека, но и целого народа, и каждой нации. Я пришел к неизбежному выводу, что

борьба за свободу, демократию и человеческое достоинство, в которой мы одерживаем победу или терпим поражение, происходит внутри нас. Нельзя принимать свободное общество за данность и верить, что оно всегда будет оставаться таким же демократичным. Его необходимо защищать, углублять и отстаивать заново, каждый день, внутри каждого из нас. Если мы выбираем свободу, верим в демократию, в достоинство и права человека, как основополагающие ценности общества, мы должны защищать их постоянно, без напоминания, и даже без видимых опасностей.

В ходе подобных размышлений у меня родилась мысль, ставшая впоследствии своего рода моей путеводной звездой: «Демократия — это не просто государственный строй, а это соответствующий образ жизни».

Мое открытие о природе демократии (что она имеет нравственное и духовное ядро) с годами находило все больше подтверждений. Кстати, и по сей день я об этом размышляю.

Чтобы лучше понять мою вполне обоснованную приверженность этой теме, предлагаю из камеры Б-24 перенестись в Париж, в начало 1977 года. Благо, что литературные мемуары позволяют это делать так же легко, как и машина времени.

Итак, я остановился в Париже у русского писателя Владимира Максимова, который вместе с семьей жил в центре города. Он в то время являлся редактором международного журнала «Континент». Редакция располагалась в этом же доме, в нескольких комнатах двумя этажами выше квартиры Максимова. Эта редакция становилась моим «домом» всякий раз, когда я приезжал в Париж. Я прекрасно располагался среди книг и беспорядочно раскиданных повсюду газетных стопок.

В 1973 году Максимова исключили из Союза писателей СССР, обвинив в антисоветской пропаганде. Две его книги

*Мы с профессором Эливом Скардом
в концентрационном лагере
Грини во время войны*

*Вот так выглядел концлагерь Грини, когда я там
находился в 1943-1945 годах*

С моим отцом во время лыжной прогулки,
1959 год

*Беру интервью у скульптора Эрнста Неизвестного
в Швеции*

*С профессором Григорием Померанцем
и его женой Зинаидой в Осло*

*Как всегда интересная беседа с Сергеем Ковалевым
и Андреем Мироновым*

*Писатель Владимир Буковский умеет прекрасно
рассказывать анекдоты*

*С писателем Владимиром Максимовым
в Брюсселе*

Подписываю свою книгу читателям

Билл Кид — чемпион по лыжам штата Колорадо

*В горах Норвегии
с Эрнстом и Ольгой Аметистовыми*

*Опять мы вместе с Эрнстом Аметистовым.
На этот раз в одном из самых красивых фьордов
Норвегии — Гейрангерфьорде*

были изданы на Западе. В том же году он получил разрешение на годичное проживание в Париже вместе с семьей. Но почти сразу же после приезда у них изъяли советские паспорта, а еще через два года, в 1975-ом, Максимова лишили советского гражданства.

Журнал «Континент» быстро превратился в рупор преследуемой интеллигенции, писателей, художников, других представителей советского культурного мира.

В январе 1977 года, когда я фактически жил в редакции, в Париж приехал Владимир Буковский. Он был изгнан из Советского Союза всего несколько недель назад. Для него было важно наладить контакт с Максимовым и «Континентом». Буковский был одним из наиболее активных диссидентов в 60-70 годах. Еще студентом его исключили из московского университета, а в 1971 году он был арестован и приговорен к двенадцати годам заключения. Он составил документальный сборник о психиатрическом воздействии на политических заключенных в Советском Союзе. Книга привлекла большое внимание на Западе.

Буковский обличал ложь и боролся с диктатурой, даже находясь в тюрьмах и лагерях. Используя существующий закон советской тюремно-лагерной системы о праве обращения заключенных к властям, он вместе с другими заключенными вполне законным образом организовал акцию писем протеста, которые рекой потекли в КГБ.

Для советской власти это оказалось неприятным испытанием, а в КГБ Буковского откровенно ненавидели. В конце концов, его выдворили из Советского Союза. Официально это случилось в декабре 1976 года, когда Буковского обменяли на лидера компартии Чили Луиса Корвалана. Чилийского лидера, как известно, переправили в Москву.

Буковский, доставленный прямо из Владимирской тюрьмы, был посажен в самолет и отправлен на Запад. В самолете, расположившись между двумя офицерами КГБ, он попросил снять наручники, причинявшие ему боль.

— Мы их снимем, когда покинем советское воздушное пространство! — ответил один из конвоиров.

Когда наручники наконец-то сняли, Буковский заметил на них надпись: «Сделано в США».

Я несколько раз участвовал в акциях в поддержку Буковского. И теперь с радостью ждал встречи с ним. Мы несколько часов проговорили в редакции «Континента». Нас сближали, увывы, опыт жизни в тюрьме и концлагере. Я старался как можно точнее записать его слова, а также записал наш разговор на пленку. Помощь переводчика облегчала общение. Переводила беседу доктор Корнелия Герштенмайер — редактор журнала «Континент» в Германии. Я приведу главные, на мой взгляд, выдержки из этой беседы и умышленно воздержусь от комментариев. Слова Буковского говорят сами за себя. Я могу лишь преклоняться перед его умом и мужеством.

Владимир Буковский:

◆ Политическая реальность в Советском Союзе такова, что выжить можно, только приспособившись. Надо принимать действительность такой, какова она есть, говорят приспособившиеся. Они считают себя единственными людьми, которые реально смотрят на вещи. На самом деле, это люди, потерявшие свою личность и человеческое достоинство. Это отнюдь не способ выживания.

◆ Каждый человек может быть самостоятельным и внутренне свободным. Если он осознает это, то его личность будет проявляться сильнее, а свобода — возрастать.

◆ Я думаю, что многие люди на Западе забыли, в чем истинная суть свободы и демократии. Ведь для многих эти понятия означают, прежде всего, комфортный и ни к чему не обязывающий образ жизни. Люди тре-

буют благополучия, хорошей жизни и развлечений. Но большинство из них забывают, как мне кажется, что демократия и свобода – это право на борьбу.

◆ Мы вынуждены были научиться бороться. Может быть, наша особенность состоит в том, что подсознательно у каждого советского человека есть уверенность в бесполезности борьбы с господствующей властью. Корни этого, возможно, надо искать в нашей истории.

◆ Постепенно идея бесполезности борьбы охватывает практически всех порядочных и здравомыслящих людей. Они уже и, правда, начинают верить, что ничего невозможно изменить. А значит, и предпринимать что-либо бесполезно.

◆ Когда всеми овладевает такой взгляд на жизнь, тогда действительно невозможно что-либо сделать или изменить. Может быть, это типично русская черта, или черта всех тех, кто живет в тоталитарном обществе. В преодолении такой позиции, которая в реальности основана на ложном восприятии действительности, решается вопрос: «Быть или не быть?».

◆ Теперь-то мы знаем, что даже если все выглядит совершенно безнадежным, то любое противостояние правящей власти открывает новые возможности. Это показал Солженицын, это показал Сахаров, и я пережил это на своем опыте.

◆ Страх играет намного более важную роль, чем это кажется на первый взгляд. Часто страх перед опасностью во много раз превосходит саму эту опасность. Это наиболее ярко проявляется при диктатуре. Но мы из опыта знаем, что там, где власть лишена возможности использовать страх, она становится беспомощной.

◆ Аппарат власти в Советском Союзе хорошо вооружен. Правящие круги в состоянии сломить любую конспирацию и справиться с любой попыткой восста-

ния. Возможно, что они обладают самой крупной в мире военной мощью. К их услугам секретные службы, где задействованы миллионы людей как внутри страны, так и за границей. Но они совершенно беспомощны, когда оказываются лицом к лицу со свободными людьми, отказывающимися им подчиняться.

◆ КГБ может пускать в ход угрозы, устраивать преследования с агентами и инфильтрацией, но все это бесполезно. Они не доходят до сути. Система власти и аппарат подавления выходят из строя, когда сталкиваются с оппозицией, состоящей из свободных людей, никем не купленных и наделенных духовной силой. Тогда правители бессильны, несмотря на всю свою власть.

◆ Такого опыта, какой есть сегодня у нас, ни у кого нет. Хотя многие страны находятся под тоталитарным режимом, пока еще не было ни одного примера выхода из-под власти коммунизма. Может быть, этот путь будет найден в России. Мы должны стать первопроходцами в этом деле. Но несомненно, что если такой путь будет найден, по сути, он будет означать своего рода духовную революцию общества.

◆ Разделение в сегодняшнем мире проходит не между правыми и левыми, а между силами, отстаивающими свободу и силами, стремящимися ее подавить. Лучшее оружие свободы, и демократии – это люди, которые своей личной позицией и действиями осуществляют свободу на практике, когда они живут, как полноценные свободные и ответственные личности.

К

КОГДА ЗАПЕЛ ПЕТУХ

Нас было двадцать пять человек, мы сидели в большом автобусе защитного цвета, увозившем нас с Моллергата, 19, за город.

Был чудесный осенний вечер. Я смотрел из окна автобуса на все, что меня окружало, с каким-то несвойственным мне умилением.

— Вот стоит этот дом, а вокруг деревья, и человек сидит на скамейке. Все так обыденно, если знаешь, что увидишь все это еще сто раз. А вдруг я уже никогда не увижу этого простенького пейзажа? — размышлял я.

По прибытии в лагерь Грини мне присвоили номер 8231 и направили в десятый барак. Из окон барака просматривалась колючая проволока (она была под напряжением), за ней простирался лес.

Помещение барака было небольшим, но после Б-24 показалось мне в первый момент едва ли не просторным. Нары были двухъярусные, рассчитанные человек на двенадцать.

Своих товарищей по бараку я встретил только вечером. Они очень тепло меня приняли, расспросили обо мне и моем деле. Впервые за четыре месяца я мог с кем-то поговорить. Компания состояла из приличных людей. Среди них были два радикальных интеллектуала, рыбак, шкипер — все как один закаленные, бывалые мужчины.

Концлагерь Грини занимал небольшую территорию. В центре находилась бывшая женская тюрьма, построенная весной 1930 года. 14 июня 1940 года тюрьма попала под немецкий контроль. На ее территории выстроили пару десятков дополнительных бараков, обнесли ограждением из колючей проволоки, проложили по периметру двухметровую минную полосу и поставили несколько охранных вышек с автоматчиками из СС и СД. С этого момента женская тюрьма превратилась в страшный концлагерь Грини.

Во время моего заключения в лагере находилось около двух тысяч политических заключенных. Ко времени освобождения, а это случилось в мае 1945 года, через Грини прошло около двадцати тысяч человек. Той же осенью, когда меня перевели в Грини, фашисты вместе с отрядами полиции провели массовую облаву в университете Осло, в результате многие профессора и студенты оказались в этом печально известном концлагере.

Мы легко знакомились друг с другом. Нас объединяли общая судьба, нужда и незащищенность. Здесь, как ни странно, завязывалась пожизненная дружба.

В Грини я близко сошелся с Мадсом В. Нугордом, который попал в лагерь несколькими днями позже меня. Мадс получил номер 8486, а в мирной жизни имел степень магистра и был директором издательства «Аскехауг».

Мы познакомились в отряде по заготовке дров — перетаскивали их с дальней территории лагеря в подвал большого корпуса тюрьмы. Со временем мы научились делать в поленницах укромные ниши, где можно было сидеть и свободно разговаривать. Дрова в подвал мы переносили на носилках.

В декабре пошел снег, работать стало сложнее. Из-за гололедицы мы часто теряли равновесие, и дрова вываливались из носилок в снег. Чтобы облегчить положение, профессор Рагнар Фриш, работавший вместе с нами, предложил соорудить санки. Мы это восприняли, как настоящее научное открытие: его санки стали незаменимыми при транспортировке дров.

Знакомство с директором издательства Нугордом имело для меня большое значение. В теплые осенние дни мы укрывались в дровяных нишах и беседовали. Мы оказались настолько разными людьми, что сначала я решил, что нам просто не суждено подружиться.

Я жил в восточной части Осло, а он — в западной. Окружающие меня в Хойбротене люди придерживались социалистических идей. Я никогда не бывал в западной части Осло, кроме тех дней, когда на Холменколлене проходили зимние лыжные соревнования. В среде, где я вырос, было принято считать западную часть города кварталами для буржуазного общества. Там жили люди, с которыми предполагалось вести классовую борьбу. Во всяком случае, таким был идеологический дух первомайских речей в Хойбротене.

Нугорд оказался первым представителем высшего класса, с которым я познакомился лично. И главное, он совсем не соответствовал тем стереотипным представлениям, которые у меня сложились.

Это был благородный, достойный человек. Говорил тихо, правильно, вел себя предельно скромно. Нугорд искренне интересовался моими мыслями, взглядами на жизнь. Он умел слушать, умел убеждать, если был в чем-то уверен. Дружба с ним, возникшая благодаря продолжительным беседам, существенно изменила мое мировоззрение.

Однажды он спросил меня о моих планах на будущее, поинтересовался, кем бы я хотел стать. Я ответил, что люблю книги, что у моего дяди есть книжный магазин и букинистический отдел на улице Акерсгата, где я часто помогал ему упаковывать книги. Возможно, я стану лектором, буду преподавать историю в гимназии, но также хотел бы изучать в университете историю и английский язык.

Выслушав меня, он сказал:

— Здесь, в Грини, находится один мой близкий друг. Он может дать тебе несколько хороших советов по изучению истории. Я представлю тебя ему.

Так я познакомился с профессором Эиливом Скардом. И эта встреча сыграла важную роль в моей жизни.

Мы повстречались в воскресенье — это был единственный день недели, когда разрешалось свободно передвигаться по территории лагеря. Мы прогуливались вдоль электрического ограждения. Эилив оказался человеком среднего роста и хрупкого телосложения. Сначала я воспринимал его, как строгого и неприступного собеседника, но со временем обнаружил в нем горячее сердце и превосходное чувство юмора.

Воскресные интеллектуальные прогулки по лагерю вскоре стали неотъемлемой частью моей жизни в Грини.

Спустя время я стал замечать, что профессора интересовали не только мои мысли, он также хотел знать, чем живет мое сердце. Я интересовал его, как личность.

Однажды он рассказал мне о себе. За несколько лет до войны он познакомился с группой людей, встреча с которыми резко изменила его жизнь. Они принадлежали к Оксфордскому движению. Его пригласили на одну из значимых встреч. Он выбрал себе роль слушателя и наблюдателя, укрывшись в зале за колонной.

Выступавшие ораторы рассуждали о четырех абсолютных нравственных нормах: о честности, о чистоте, о бескорыстии и любви. Говорили о духовном развитии человека, о преображении наций. О том, что социальные системы сами по себе не в состоянии совершенствоваться, если природа человека не будет претерпевать изменений в лучшую сторону.

Слушая выступающих, Эилив почувствовал, насколько он далек от этих людей, невзирая на все свои академические познания. Он понимал, что все они внутренне свободны, а он — нет. И ему очень нравились эти люди!

Собственно, с этого началась его дорога к Богу.

Он признался мне:

— Иногда нужна такая тихая пауза, чтобы расслышать Бога, принять Его водительство. Молитва многих из нас чаще всего похожа на монолог. Это как разговаривать по телефону с самим собой.

Элиив сделал для себя первое важное открытие. Бог, оказывается, тоже может рассказать нам кое-что о жизни, например, о тех задачах, которые предстоит решить каждому конкретному человеку.

— А как я могу услышать голос Бога? — с изумлением спросил я.

— Проведи эксперимент, — ответил он. — Постарайся услышать свой внутренний голос. Это можно делать где угодно и когда угодно. И когда расслышишь его, — добавил он с улыбкой, — запиши посетившие тебя мысли. Может быть, они тебя удивят. Но если они отвечают четырем абсолютным нравственным нормам, можешь быть уверенным, что эти мысли от Бога.

Такой эксперимент показался мне нетрудным. Но я провел его лишь через некоторое время. Я все не мог поверить, что с Богом можно общаться столь простым способом.

Однажды мне все стало ясно. Было раннее зимнее утро, я стоял около электрического ограждения и всматривался в заснеженное пространство. Вдруг меня пронзила мысль: «Ты соврал!» — «Соврал?» — «Да, в последнем разговоре с Тригве ты не сказал ему всей правды».

Тригве спрашивал меня, не говорил ли я чего-нибудь о нем на допросах, и я ответил, что нет. Затем последовала такая же ясная мысль: «Что ты будешь с этим делать?». — И, наконец, с беспрекословной ясностью: «Иди и скажи правду». Может быть, именно это подразумевал профессор, рассказывая мне о возможном диалоге с внутренним голосом?

— Нет, это слишком просто, — сомневался я. — Мне всего лишь навсего стыдно.

Но все-таки мысль о состоявшемся внутреннем диалоге не оставляла меня.

Тригве работал в переплетной мастерской. Я уже пошел к нему, но на полпути вернулся. Всего я предпринял три попытки, и все три раза так и не мог заставить себя зайти к Тригве. Хотя знал, что мне не удастся избежать этого.

Как-то в воскресенье мы с Тригве прогуливались вместе. Прежде, чем расстаться, я все ему рассказал. Тригве крепко пожал мне руку и ответил:

— Ничего, Лейф, я знал об этом.

Мое откровенное признание сильно сблизило нас. Меня охватило чувство сердечной радости.

С Олавом я познакомился весной, в мае. Думаю, это произошло после причастия — некоторые из нас тайно принимали его в дезинфекционном бараке. Мы приходили и уходили по одному, чтобы не привлекать внимания. Как самый молодой, я дежурил у входа в барак.

Олав был всего на пару месяцев старше меня и учился в университете. Он был высокого роста, с правильными чертами лица, носил очки, которые делали его старше.

Мы много бродили вместе по лагерю, размышляя о будущем, об учебе, о том, что будем делать, когда выйдем на волю. Надежду и страх, радость и ожидание, тревоги и неуверенность — все эти чувства мы делили друг с другом.

Однажды утром, в начале лета все резко оборвалось. Олав рассказывал мне, что он и четверо его друзей участвовали в деле, при выполнении которого был застрелен нацистский полицейский. Теперь дело раскрыли и все подозрения пали на них. Секретная полиция требовала вынесения сурового приговора. Олава и других обвиняемых забрали в полицейский суд в Осло, на котором они были приговорены к смертной казни. В тот же вечер их поместили в отдельную камеру в Грини. Эта новость сразу же облетела весь лагерь.

Перед вечерней переключкой я подошел к окну камеры, где сидели приговоренные. Мне хотелось всем им, четверым — Олаву, Томасу, Каю и Яну — сказать хоть что-нибудь ободряющее.

Вокруг в ожидании переключки беспорядочно бродили заключенные. Около меня оказались двое товарищей. Я кивнул им. Они ответили одобряющим кивком. Мы позвали Олава. Он, схватившись руками за решетку, подтянулся и выглянул из окна. Его глаза лучились, взгляд охватил всех нас, потом остановился на мне.

Олав ясным и уверенным голосом произнес:

— Спасибо за дружбу, Лейф. Никогда не сдавайся в борьбе за Христа.

Я посмотрел на стоявших рядом со мной товарищей. Они были радикальными интеллектуалами, я жаждал их признания. И я, испытывая смущение от слов Олава, промолчал в ответ.

После вечерней переключки, направляясь в барак, я подумал об апостоле Петре, когда тот услышал крик петуха. Меня захлестнуло отчаяние, я лихорадочно искал место, где бы мог остаться один.

Единственным таким местом оказалась уборная. Там я заперся и горько заплакал. И вдруг я опять почувствовал присутствие Христа. Почувствовал Его руку на своем плече, услышал его спокойный голос:

— Не отчаивайся, Лейф. Я люблю тебя. Встань и следуй за Мной!

Боль поражения показала мне, насколько велики милость и милосердие Бога.

В них есть два аспекта. Это и незаслуженный дар прощения, любви, свободы. Но это и призыв: «Встань и следуй за Мной!»

В тот вечер я решил никогда больше не отказываться от того откровения, которое Бог послал мне в камере Б-24. Отблеск этого божественного огня я видел во взгляде Олава в тот последний вечер.

И я сдержал свое обещание. Дальнейшая жизнь показала, что вопреки слабой и тщеславной человеческой природе, следовать Ему может и слабый, и сильный, и тот, кто многое понял и испытал, и тот, кто еще в пути... Это вообще не вопрос об успехах и поражениях в жизни, это вопрос о милости и долге.

В ту ночь приговоренных узников увезли из лагеря и расстреляли.

Утром мне рассказали, что Олав, перед тем, как их повели на казнь, читал друзьям отрывок из Евангелия: «Кто отлучит нас от любви Божьей: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? ...Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем». (Рим.8.35; 8.28-39)

Олав и его друзья остались навсегда моими друзьями в моем сердце...

Как продвигалось дело, в котором я был замешан? Большинство из тех, кто имел к нему отношение, находились в Грини. Мы держались вместе, насколько это было возможно. Ходили слухи, что в Берлине наше дело решили отложить, о предстоящем суде тоже ничего не было слышно.

Но в сентябре 1944 года некоторых из нас неожиданно снова стали забирать на Террасу Виктории, хотя допрашивали не всех. Я также побывал там, сидел в подвале, дожидаясь своей очереди. Но вечером нас отвезли обратно в Грини. На следующий день я был переведен в «желтый» барак, где находились евреи. На куртке у каждого из них спереди и сзади был нашит желтый треугольник — знак, показывающий, что у этой категории заключенных есть особые запреты.

Тригве в то же утро вместе с двумя товарищами посадили в камеру, в которой находились перед расстрелом Олав и его друзья. Я боялся, что это означало казнь. С тяжелым сердцем я встретился с профессором и рассказал ему о том, что случилось. Мы нашли спокойное место за десятым баракком.

Осенний день был ясным, спокойным и приятно прохладным. Сквозь густые ветви деревьев, прямо за электрическим ограждением просвечивал красный бревенчатый дом. Он тоже был окружен деревьями, их листья уже начали желтеть, и отливали под лучами заходившего солнца насыщенным золотом цветом.

В этом прекрасном и спокойном безмолвии мы молились вместе с профессором за Тригве и его друзей.

Днем мне удалось мельком увидеть Тригве в окно. Он выглядел спокойным, хотя знал, что это, возможно, последний день в его жизни.

— Я приду вечером, перед переключкой, — успел крикнуть ему я.

Мне удалось раздобыть кусочек копченого сала, ломтик козьего сыра и пару сигарет. Я написал Тригве записку и перед переключкой подошел к окну. Оттуда беззвучно упала веревка, я поспешно привязал к ней пакет.

На следующее утро Тригве и его друзей увезли.

Позднее один из наших общих друзей рассказал, что же произошло на самом деле. В нашей группе был коммунист, который попытался секретно передать письмо со списком всех членов партии, обвиняемых по одному и тому же делу. Это письмо было перехвачено нацистами. Через короткое время всех, кто числился в списке, включая Тригве, забрали и увезли в грузовике. Мы знали, что на расстрел. Так как я не состоял в партии, ни моего имени, ни имен еще троих товарищей в списке не значилось.

На следующий день, на переключке меня вызвали из строя вместе с тридцатью девятью другими заключенными, которые проходили по такому же делу, что и я. Нам сообщили, что всех нас отправляют в Германию. Ходили слухи, что все мы попадем в концлагерь массового уничтожения.

Я написал письмо родителям, которое мне удалось передать. Чтобы поддержать их, я не без черного юмора начал с эпиграфа: «Norrønafolket, det vil fare, det vil føre kraft til andre»

(«Викинг-норвежец, устремись вперед! Вдохни мужества в тех, кто рядом». Бьернсон).

В сентябре 1944 года все приготовления перед отправкой в лагерь были завершены. Но в последний момент четверых из нас, тех, кто не числился в списке членов партии в перехваченном письме, вдруг оставили. Нас отвезли на Террасу Виктории, где мы провели ночь в подвале.

Мне казалось, что это будет последняя ночь в моей жизни. Но на следующий день нас снова отправили в Грини. Мы так никогда и не узнали, зачем нас привозили в подвал.

Через несколько дней до лагеря дошла весть, что корабль «Вестфален», на котором переправляли заключенных из Грини, подорвался на mine и затонул в Северном море. Спаслись только четверо, их подобрала шведские рыбаки. Это известие настолько меня потрясло, что мысленно я попытался разделить судьбу погибших. Я не мог понять, почему я вместе с тремя товарищами до сих пор еще жив.

Н НА СВОБОДУ

В начале весны 1945 года, после переключки были вызваны триста шестьдесят человек. Лагерь охватило волнение. Нам приказали собраться и быть готовыми к отправке на рассвете.

Нас перевели в особый лагерь СС в Мисене. Там мы должны были построить новый концлагерь прямо на месте ипподрома в Мумарке. По распоряжению коменданта лагеря строительство началось с возведения газовой камеры. Дело в том, что этот комендант несколько лет проработал в польском Освенциме, и у него уже был страшный опыт массового умерщвления людей. Но, к счастью, через несколько месяцев нам суждено было выйти на свободу.

По лагерному «телефону» я передал родителям, что еду домой.

Было совсем поздно, когда я подходил к дому. Мать с отцом знали о моем приезде. На флагштоке развевался норвежский флаг, дом был празднично украшен.

В первые минуты я бегал по всему дому, как ребенок. Заглядывал во все комнаты, рассматривал знакомые вещи, трогал их с особой радостью. Из сада я поднимался на чердак, после чердака бежал в подвал. Увидев в гараже машину, я едва не поцеловал ее.

В эти удивительные дни по всей стране на каждом флагштоке развевались флаги. Люди испытывали праздничную эйфорию. Они избежали смерти, снова увидели своих близких... Такие исторические мгновения вряд ли одному поколению суждено пережить дважды.

В день возвращения в Норвегию кронпринца Олава я случайно оказался в Осло. Эта новость передавалась из уст в уста: приезжает кронпринц Олав! Казалось, что все население Осло собралось в порту, чтобы встретить его. Все напряженно вглядывались в даль, пытаясь разглядеть приближающийся корабль. Когда, наконец, кронпринц ступил на берег, его приветствовали с неистовым ликованием.

Эта эмоциональная встреча была вызвана не только популярностью принца среди народа. Просто он оказался живым символом освобождения Норвегии. Мы снова были свободными людьми!

Но для меня самые большие переживания были связаны с Тригве. Ходили невероятные слухи, что он все-таки жив. И вот однажды, в июне мы встретились с ним в поезде, который следовал в Осло.

Входя в вагон, я увидел его — он сидел в самом дальнем углу. Он практически сразу заметил меня, мы бросились навстречу друг другу и, не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих, радостно обнялись.

Как случилось, что он остался в живых?

Через несколько часов после того, как Тригве получил мой пакет через окно камеры в Грини, их отвезли на Террасу Виктории. Там им приказали снять куртки и обувь, разбили по парам и привязали друг к другу веревками за запястья. Затем повели к грузовику, кузов которого был прикрыт плотным брезентом. Вместе с заключенными в кузов сели вооруженные охранники. В сопровождении двух полицейских машин грузовик выехал из Осло.

Тригве вдруг вспомнил о складном ноже, который тайно передала ему жена, когда он сидел в Грини. С большим трудом

ему удалось незаметно выудить нож из кармана и раскрыть. Пока машины ехали в темноте, Тригве начал перепиливать веревку на запястье.

Неожиданно машина остановилась. Послышались злые крики, охранники фонарями прошлись по лицам заключенных.

Неужели так быстро приехали? Оказывается, у замыкающей машины заглох мотор. Она остановилась, а две другие тронулись дальше.

Тригве продолжил пилить веревку. Он почувствовал, как теплая жидкость потекла на ладони. Боли он не ощущал, хотя запястье было порезано.

Наконец, веревка порвалась.

— Не хочешь рискнуть? — спросил Тригве у сидевшего рядом напарника и протянул нож. Тот ответил отказом, потеряв всякую надежду на освобождение.

Когда машина начала круто поворачивать и снижать скорость, Тригве встал и, держа нож перед собой, навалился всем телом на брезент. Через образовавшуюся дыру в брезенте он на ходу вывалился из машины.

Удачно приземлившись, бросился в лес. Раздался визг тормозов, крики, затем последовала автоматная очередь. Тригве упал, споткнувшись о выпиравший из земли корень.

Когда машины уехали, он практически на ощупь стал искать дорогу. Вскоре наткнулся на высокий забор. Попробовал перелезть его, но из-за слабости не смог.

Он шел по краю леса, босой, без куртки, продрогший насквозь. Но сдаваться не хотел.

Наконец, показались какие-то дома. Он остановился в раздумье. Выбрав один из них, постучал в дверь. Хозяева тепло приняли Тригве, накормили, дали одежду и денег на дорогу. Они также связались с его женой и договорились о встрече. Тригве на поезде доехал до вокзала в Осло, где его уже ждала жена. Оттуда они сразу уехали в Швецию.

После освобождения Тригве попробовал разыскать место своего побега. И узнал его по крутому повороту. Когда он по-

нял, что высоченный забор, через который он не смог перелезть, ограждал немецкую авиабазу, мурашки прошли по его коже. А дом, в котором его так тепло приняли, оказался одним из центров местного движения Сопротивления. В соседнем же доме жил районный нацистский лидер.

После первых опьяняющих дней победы у меня начались трудности. Все складывалось иначе, чем я себе представлял. Окружавшая меня действительность расходилась с моими представлениями о ней.

Когда меня арестовали, я был подростком. Теперь же я чувствовал себя мужчиной. А родители принимали меня за прежнего мальчика, который нуждался в чрезмерной опеке. Чтобы укрыться от всего этого, я искал одиночества.

Совершая одиночные прогулки по лесу, я обретал душевный покой. После пережитого я не мог постоянно наслаждаться праздным существованием.

Однажды я встретил жену одного из товарищей Тригве — они были расстреляны в Трандуме. Она об этом ничего не слышала и спросила, не знаю ли я, когда вернется домой ее Петер. Я ничего не смог ей ответить.

Радость и торжество, горе и боль утрат, гордость победителей и желание отомстить — все это разнообразие эмоций и чувств захлестывало послевоенное общество. Так, во всяком случае, казалось мне.

Вскоре после капитуляции движение Сопротивления направило меня и Эрленда С. в качестве охранников в крепость Акершус, которая находилась в Осло. Во время войны здесь действовала тюрьма для политических заключенных, где их жестоко пытали. Большинство было приговорено к смертной казни и расстреляно. Теперь сюда поместили гестаповцев, офицеров СС и СД, норвежских нацистов. В нашу обязанность вхо-

дила охрана внутренней территории крепости и тюремного двора. Нам выдали оружие.

И здесь я встретил Нильса. Решив открыто поговорить с ним обо всем, я подошел к нему и сказал:

— Нильс, я против того, что ты сделал, но ничего не имею против тебя самого.

Он внимательно посмотрел на меня. И ответил после долгой паузы:

— Я не знаю, кто вы такой. Никогда не встречал вас раньше.

— Нильс, но ты отлично меня знаешь, мы больше года работали вместе! — продолжал настаивать я.

Он отрицательно покачал головой и повторил, что мы не знакомы.

Это была наша последняя встреча.

Я также узнал, что в одиночной камере тюрьмы сидел Отто Шур — гестаповец, избивавший меня на допросах. От его ударов по голове мой слух был навсегда испорчен. Ночью, после одного из продолжительных допросов, я никак не мог остановить носовое кровотечение. Крови было так много, что она насквозь пропитала тюремную подушку. Утром я вызвал в камеру врача, но он, услышав о допросе, побоялся помочь мне, только оставил втихаря пару таблеток болеутоляющего.

Неожиданные события случились и в крепости Акершус. Норвежское правительство и король все еще оставались в Лондоне. Крепость находилась под командованием британского полковника. Англичане прибыли в Норвегию для участия в разоружении немецкой оккупационной власти, а также для выявления среди немцев тех, кто, применяя пытки и насилие, нарушал права человека.

Как-то во время моей вахты, в крепость привезли около двадцати фашистских военнопленных, одетых в форму наземного персонала Люфтваффе. Они сказали коменданту, что служили в немецкой авиации и никаких жестоких преступлений не совершали. Выполняли приказ, как солдаты. Они просили разрешения вернуться в Германию.

Увидев их, я испытал шок — передо мной стояли ненавидимый всеми комендант Грини и его бесчеловечные подчиненные из СС и СД.

— Все, что они тут рассказывают, бессовестная ложь! — обратился я к английскому коменданту. — Эти люди руководили лагерем в Грини!

Комендант пришел в бешенство:

— Делай с ними, что хочешь! — сказал он мне.

Я позвал Эрленда С., дежурившего вместе со мной, и мы устроили «урок воспоминаний». Начали делать то, что они проделывали с нами в Грини.

— Achtung! Achtung! Hinlegen! Kriechen!.. Los Mensch, laufen, schnell laufen, — мы не стеснялись в выражениях.

Я заставил коменданта Цейделя пропеть сентиментальный марш о Марианне — именно это музыкальное произведение он заставлял петь нас.

— Achtung laufen! Achtung laufen! — повторяли мы снова и снова.

С немцев градом тек пот. Один из них попросил у меня воды. У него пересохло горло. Я набрал полное ведро воды и выплеснул ему в лицо. Мои норвежские товарищи, наблюдавшие за сценой, одобрительно засмеялись.

Вечером того же дня я зашел к своему другу в Хардхаузен. Я не мог не рассказать ему о событиях в тюрьме. Он был одним из моих товарищей по десятому бараку, а теперь снова занимался своим магазином в Осло. Он с большим интересом меня выслушал и все одобрил. На мою долю выпало то, о чем мечтали тысячи бывших пленников — отплатить своим палачам по заслугам.

— Надо было задать им еще больше! — сокрушался он.

Мне даже показалось, что он почти завидовал мне.

Эта история принесла мне популярность, я пересказывал ее всем моим товарищам по заключению, когда их встречал. Но, несмотря на внешнюю браваду, в душе моей радости не было. Поступок, которым я, в сущности, хвастался, оставил неприятный осадок.

И я постоянно размышлял об этом, пытаюсь понять, что же все-таки было не так. Как-то в поезде, по дороге домой, во мне заговорила совесть:

— Тебе нет никакого оправдания. Ты поступил подло, — говорил мой внутренний голос.

Я был с ним согласен. Невзирая на оправдания, что я христианин, патриот, борец за права человека, я чувствовал, что вел себя с фашистами также отвратительно, как и они, когда издевались над заключёнными в лагере Грини. Выходило, что и моя собственная человеческая природа пустила ростки того же зла, которое я столь яростно осуждал в этих мучителях. Честно говоря, я вынужден был сознаться самому себе в горькой правде — на этот раз нацисты одержали победу надо мной. Все произошло с точностью до наоборот: тогда, в Б-24, они не могли сломить меня, хотя я был беззащитен. А теперь победили, потому что я глумился пусть над негодьями, но беззащитными, уже побежденными!

Подобные мысли постоянно занимали меня во время прогулок, когда я уходил из дома и в тишине пытался понять себя.

Так меня посетила совершенно абсурдная мысль, как мне показалось в первый момент. Она касалась гестаповца Отто Шура, от которого я порядочно пострадал.

Следуя собственной логике, я должен был во время следующей вахты в крепости подойти к Шуру и сказать, что прощаю ему все причиненное мне зло, и даже не стану возбуждать против него дела! Но что скажут мои друзья? А вдруг они не готовы его простить?! Внутренне я не мог принять выдуманную мной самим теорию. Но мысли эти возвращались ко мне с изматывающим постоянством. Я воспринимал их уже, как волю Бога.

Вернувшись домой, я рассказал о своих сомнениях матери. Немного подумав, она ответила:

— Лейф, мне кажется, что ты именно так и должен поступить. И когда будешь говорить с Шуром, передай ему, что я буду за него молиться.

В следующую вахту я вывел Шура из его камеры. Он сразу узнал меня и смутился. Глядя ему прямо в глаза, я сказал:

— Зло, которое вы причинили мне, вам прощается. Я не стану возбуждать против вас дела.

Возникла неловкая пауза, после которой я добавил:

— Моя мать просила передать вам, что будет за вас молиться.

Шур ничего не ответил, но вдруг весь затрясся. Я отвел его обратно в камеру.

Несколько месяцев спустя после этой истории ко мне приехал мой близкий друг. Он передал мне сообщение от священника крепости Акершус, где я уже не работал, потому что учился в университете в Осло.

— Священник просил сказать тебе, — сказал друг, — что Отто Шура приговорили к смертной казни, он был расстрелян. В последние дни перед расстрелом он попросил разрешение принимать причастие, и ему позволили.

Известие о том, что человек, олицетворявший в моих глазах страшное зло, прошел перед смертью причастие, тронуло меня до глубины души. Я был потрясен. Мой друг все понял. Он был священником.

Передо мной вдруг открылось неведомое прежде понимание взаимоотношений Бога и человека. Разумеется, это была лишь скромная толика того, что еще предстояло понять.

Но в тот момент я так ясно осознал, что когда Шур раскаялся и обратился к Богу, ему не могло быть отказано. Его принимали в объятия и одаривали божественной любовью — такова природа Бога. А я не имею права никого ни осуждать, ни наказывать. Моя задача, если я верю, состоит в другом — поступать согласно воле Его.

Когда на прогулке в лесу я вдруг решил простить этого фашиста, то произошло следующее — Бог смыл ненависть и горечь из моей души, и посадил там зерно любви, которое стало расти. Это произошло помимо моей воли, я не хотел этого, но послушался и принял все, как волю Бога. Тогда я не подозревал, что позднее все это будет иметь положительные последствия в Германии.

II ПРИЗВАНИЕ

Осенью 1945 года я начал готовиться к вступительному экзамену в университет. Профессор Эилив Скард, дружба с которым имела для меня огромное значение в Грини, теперь стал моим учителем.

В этот период я часто бывал у профессора дома. Он и его жена принимали меня, как члена семьи. У них я познакомился с тремя студентами — Инге, Оге и Йенсом Юнатаном, с которыми очень подружился.

Оге изучал медицину, Инге — теологию. Во время войны оба они участвовали в нелегальной деятельности, затем скрывались в Швеции, оба вернулись в Норвегию вместе с отрядами полиции в дни освобождения.

Оге был настоящим весельчаком, с живым характером и большим чувством юмора. Учеба давалась ему с необычайной легкостью, он обладал особой способностью — быстро и уверенно ориентироваться в любой ситуации.

Инге обладал другим характером — чуткий человек, вдумчивый и заметно сдержанный. Он вырос в среде, где понимали и ценили фольклорное искусство, его любовь к народному творчеству передалась и нам.

Йенс Юнатан — самый младший из нас, всегда был полон разных идей. Он обладал живым темпераментом, театр и лите-

ратура увлекали его. Во время войны он также активно участвовал в Соппротивлении.

А теперь мы вместе изучали философию, обсуждали Маркса и Гегеля, читали Кестлера.

Студенты часто встречались в доме профессора Скарда — собирались по двадцать-тридцать человек. Тем для обсуждения всегда было в избытке. От экзистенциальной философии Сартра до педагогических тенденций в США. Вместе мы пытались разобраться в направлениях мысли послевоенного периода, понять и оценить их для того, чтобы уметь ориентироваться в современности.

Нашим общим интересом стало общество Морального Перевооружения.

— Какое будущее ждет нас? — спрашивали мы сами себя. — Можем ли мы, обычные люди, задавать направление событиям, или неизбежно должны им подчиняться? Разве страшный и горький опыт последних лет не научил нас, что мы — свободные люди, должны сами управлять развитием? Если мы отказываемся от этого, тогда события начинают управлять нами.

Гитлер и его окружение создали нацистскую идеологию. И эта идеология, словно эпидемия, охватила целую нацию, завоевав значительную часть Европы. Сталин и последователи тоталитарной идеологии мирового коммунизма решили создать бесклассовое общество во всем мире и, как известно, успешно продвинулись в своих завоеваниях. Но возможно ли организовать деятельность государства так, чтобы влиять на нации не с помощью оружия и насилия, а благодаря нравственной силе и открытому обществу? Этот вопрос все сильнее занимал нас.

В июне 1947 года большая группа студентов была приглашена в Швейцарию, в местечко под названием Ко, в так называемый Горный дом, располагавшийся в маленькой

альпийской деревне высоко в горах над Женевским озером. В этом сказочно красивом доме, построенном в 1902 году и стилизованном под старинный замок, был создан центр общества Морального Перевооружения в Европе.

Дом, кстати, был дарован обществу Морального Перевооружения частными лицами. Около 300 семей пожертвовали средства на строительство Горного дома. Швейцарии удалось избежать двух разрушительных мировых войн, и поэтому швейцарцам хотелось открыть у себя своего рода центр встреч всех наций мира. Они надеялись, что в таком месте могла бы возникнуть идея — как объединить людей из разных стран, как научить их мирным путем решать возникающие разногласия.

Мы с напряжением следили за ходом международной конференции, проходившей в Горном доме в 1946 году. Отправляясь в Ко, мы многого ждали от этой поездки.

И мы не были разочарованы. В Ко происходили встречи между представителями целого ряда наций, рас и религиозных конфессий, между людьми из самых разных слоев общества.

После знакомства с посланниками со всего мира, после обмена мыслями и опытом с разными людьми открылся совершенно новый мир, прежде неведомый.

Но самое большое впечатление произвели на меня истории людей, которые испытали в жизни «перерождение души». Речь идет об изменении внутреннего мира людей. Как правило, суровая школа повседневной жизни приводила к тому, что наиболее сильные личности начинали в любых условиях, при любых обстоятельствах самоотверженно отстаивать истину. Это касалось экономических и социальных конфликтов, расовой и политической борьбы.

Однажды мы обедали вместе с одной женщиной — директором школы в Бирме.

— Смотрите, — сказала она и подняла свою тонкую руку. — Когда я указываю на вас указательным пальцем, три других обращены в мою сторону. То же самое происходит, когда мы кри-

тикуем других. Вся сложность заключается в том, что все хотят, чтобы изменился другой, а не мы сами. Каждая нация хочет изменения другой нации. И все ждут, чтобы первым начал кто-то другой! В Моральном Перевооружении мы начинаем с себя и своего народа.

Простая и верная аналогия. Такими же точными были следующие ее слова:

— Какой являюсь я, таким будет и мой народ. А каким является мой народ, таким будет и весь мир.

Мы изучали лишь некоторые из причин, по которым возникали конфликты в мире на протяжении всей мировой истории. В сущности, это вечная борьба добра и зла, происходящая и во мне, и в моей стране, и во всем мире.

Хотя мы часто обсуждали эти же вопросы на встречах у профессора, здесь, в Ко, я гораздо глубже осознал, насколько каждый человек призван к участию в формировании будущего. Идеология, которую я открыл для себя в Швейцарии, была положительным противовесом разрушительному материализму, захлестнувшему общество в военное время. Эти идеи были доступны и понятны всем и каждому, своей универсальностью они способны были объединять всех. Так, по крайней мере, казалось мне.

И все же, невзирая на убедительность ораторов, я оставался всего лишь осторожным и доброжелательным наблюдателем, без каких-либо обязательств.

— Не надо бросаться в это сразу же, — убеждал я сам себя. — Не может быть, чтобы все было так ясно и просто! Если я поспешно поддамся влиянию здешней атмосферы, возможно, что потом буду жалеть об этом.

В моей голове блуждало множество новых идей, впечатлений, я захотел вернуться домой, в Норвегию, чтобы все обдумать в спокойной обстановке.

Неделю спустя я отправился в летний отпуск вместе с родителями. Казалось, что все было как прежде, до войны. С краткими остановками мы ехали несколько дней подряд на

нашем Крайслере вдоль фьордов Вестланда, а потом остановились в небольшом доме в горах Ютунхаймена.

Это было наше любимое место. Рядом протекала река, полная форели. В ближайшей деревне мы купили хлеб, молоко, масло...

На живописных холмах паслись коровы, звон их колокольчиков разносился по всей долине. Воздух был по-осеннему прозрачен. Уютными вечерами мы ели на ужин свежую форель, а заканчивали трапезу каким-нибудь вкусным десертом, придуманным матерью. Потом сидели у камина, играли, читали, беседовали, пока не наступала ночь.

В один из таких райских дней, когда я сидел на берегу реки и наблюдал, как закидывает удочку отец, меня посетила простая и ясная мысль:

— Жизнь, увиденная тобою в Ко, должна стать твоей жизнью.

Именно в тот момент я твердо решил, что это и есть мой выбор.

Теперь я каждый день обращался к Богу за руководством в моей работе. Это постепенно привело к особой дисциплине и организованности в осуществлении намеченных мною задач. Больше всего это проявлялось в занятиях. Я научился эффективно использовать время и сосредоточенно работать. Мои мысли больше не скользили по поверхности, внимание было собранным.

Особенно важной для меня стала работа над заданием по истории философии. Из нескольких тем, предложенных профессором, я выбрал эту: «Карл Маркс и Коммунистический Манифест». Материал был новым и малознакомым, я усиленно работал над ним на протяжении шести недель. По окончании я выступил с докладом перед студентами и профессором. Они положительно оценили мою работу. Но тогда я еще не знал, какое значение в будущем сыграет моя работа с этими идеями.

Инге, Оге, я и несколько других студентов, побывавших в Ко, ежедневно встречались в университете во время переры-

вов между занятиями. Мы разговаривали обо всем на свете, но в первую очередь делились опытом из нашей новой жизни.

У нас возникла идея устроить летний молодежный лагерь.

Военное время породило социальную апатию среди молодежи, а задуманный нами лагерь мог возродить в молодых норвежцах чувство сопричастности к тому, что происходит в их стране, в мире.

Мы разослали приглашения сотне юношей и девушек. Лагерь был разбит в Шострандене, на берегу Осло-фьорда.

Жизнь в лагере была построена на принципах самоуправления. Каждый день проходили встречи, посвященные так называемому идеологическому обучению. На них, например, мог идти разговор о сути идей национал-социализма или коммунизма, а затем предлагалась дискуссия — как молодое поколение может ответить на современные идеологические вызовы? Каким образом новая генерация норвежцев может участвовать в создании духовного и нравственного климата своей страны? Что может сделать Норвегию оплотом демократии?

Гимнастика и плавание, футбол и волейбол входили в ежедневную программу. По субботам и воскресеньям лагерь посещали родственники наших молодых воспитанников. Для них мы представляли краткий отчет обо всех событиях, происшедших в лагере за неделю.

Часто эти отчеты выливались в художественные произведения малых литературных форм. Написанные с легкой иронией и на хорошем языке, они читались с удовольствием. Гостей заражал наш энтузиазм, они приезжали снова и поддерживали лагерь материально. Надо признать, что материальная помощь была очень важна — мы явно недооценили бюджет лагеря, и средств катастрофически не хватало.

В последние выходные лагерь посетил министр Государственного совета. Я знал его лично, мы познакомились в Грини, где вместе работали в прачечном бараке.

Он проявил большой интерес к деятельности лагеря и, выступая перед нами, подчеркнул важное значение нравственных

ценностей для демократии, призвал молодежь быть ответственными за общество, частью которого она является.

В рождественские каникулы 1948 года к нам приехали молодые люди из самых разных стран, с ними мы познакомились еще в Ко. Наши ровесники, они тратили все свое время и силы на работу по духовному и нравственному возрождению в мире. Без всякой зарплаты, без денежного поощрения они следовали своему призванию. В Норвегию они приехали из Лондона, где участвовали в музыкальном спектакле «Добрый путь».

Инге, Оге и я пригласили их в лыжный отпуск, на крестьянский хутор в Рауланде. Однажды вечером мы сидели у камина, шутили, делились впечатлениями от каких-то событий. Неожиданно один из наших гостей сказал:

— Мы приехали сюда из Лондона еще и для того, чтобы пригласить вас троих поработать год-два в Моральном Перевооружении.

Наступила продолжительная пауза. Было слышно, как в камине трещат дрова. Предложение не вызывало у меня никакого восторга.

— Это нелепое предложение, — думал я. — Весной я собирался продолжить занятия по истории. Оге и Инге тоже не закончили свое образование.

Низкий голос Оге нарушил тишину.

— Прекрасно! Я согласен, — сказал он. — А вы чего ждете, ребята? Я давно чувствовал, что это правильная идея.

Мы молчали. Наконец, я сказал:

— Мне необходимо все обдумать. Хотя вряд ли я смогу поехать прямо сейчас.

Следующие дни оказались нелегкими. Я боролся с собой. Мне предстояло сделать бескомпромиссный выбор: либо ответить «да», либо «нет».

Если я отвечу согласием, что скажут родители? Каким будет мое будущее? Образование, работа, карьера, семья, дом — все, о чем я так сильно мечтал! На что я буду жить? Ведь никакого дохода от такой деятельности не предвидится? А без за-

конченного образования я не смогу рассчитывать на хорошую должность.

И в то же время я чувствовал, что исходить только из трезвого расчета здесь недостаточно. Я ощущал внутреннее призывание, хотя не мог сразу понять — от Бога ли оно? В конце концов я осознал, что смогу принять правильное решение, если освобожусь от мыслей о будущем и перестану испытывать страх перед мнением семьи и друзей.

Последнюю ночь я провел без сна. Я думал об Олаве и других товарищах, которых забрали на расстрел в Трандум, обо всех тех, кто погиб на «Вестфалене». Я отчетливо представлял их лица. Я вспомнил свое обещание в Б-24, когда был на краю отчаяния: если Бог сохранит мою жизнь и свободу, я полностью посвящу их Ему.

Все сомнения сразу исчезли.

— Следуй за Мной! — говорил мой внутренний голос. — Поезжай. Не бойся. Я позабочусь о тебе.

На следующее утро я сообщил о своем положительном решении.

Инге тоже последовал своему призыванию и согласился ехать.

Когда я вернулся домой, мои родители встретили меня с такой искренней радостью, что я растерялся, не зная, как сообщить о моем решении.

Вечером, после того, как мама легла спать, я остался наедине с отцом. Тогда я рассказал ему о своих намерениях.

В семье моего отца было десять детей. Дед работал сапожником и потому не мог дать всем детям хорошее образование. В юности отец мечтал стать морским офицером, но средств на учебу не хватало.

Теперь же мой отец мечтал о том, чтобы я, его единственный сын, мог получить университетское образование. И мои успехи в учебе очень радовали его.

Отец сидел молча, слушая меня. Я заметил, как в нем будто бы что-то надломилось. Наконец, он произнес:

— Лейф! Ты знаешь, как меня радовала твоя учеба в университете. Не могу встать на пути твоей совести. Следуй своему призванию.

Когда на следующее утро я рассказал обо всем матери, то увидел, что ей тоже нелегко слышать о моем выборе. Она вытерла слезы и призналась мне, что чувствует в этом решении волю Бога. А потом рассказала, как я родился.

Оказывается, я появился на свет раньше срока на несколько недель.

— Ты был таким крохотным, что вполне поместился бы в коробку из-под обуви, — вспоминала она. — Ни врач, ни акушерка не верили, что мой сын выживет, и даже не скрывали этого от нас с отцом.

Тогда мать послала за священником, меня срочно крестили дома, в гостиной. Потом мама пошла к себе и страстно молилась. Она обещала Богу, что если Он сохранит мне жизнь, она никогда не заявит на меня своих материнских прав, но отдаст меня на служение Ему, как Его воле будет угодно.

В

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

Мне не легко было отказаться от университета, от книг, от занятий, поглотивших меня целиком. Еще труднее было оставить нуждавшихся во мне родителей и приступить к деятельности, не гарантировавшей никакой материальной надежности ни в настоящем, ни в будущем. Многим мое решение казалось не просто ненормальным, а настоящим безумием. С точки зрения многих моих знакомых, дверь в «светлое» будущее для меня захлопнулась.

Но во мне все сильнее укреплялось убеждение, что мое призвание — следовать зову Бога.

В течение двух последних семестров в университете я неоднократно чувствовал внутренний призыв:

— Поезжай в Германию!

Я пытался заглушить его, но он звучал снова и снова. Я не мог избавиться от мысли, которая впервые посетила меня еще в Б-24:

— Немецкий народ сможет возродиться, только пережив полное поражение.

В 1947 году я оказался в Германии проездом. Впечатления от поездки были тягостными. На каждой железнодорожной станции — толпы раздраженных, издерганных людей. Давка и жесткая борьба за места в переполненном поезде. Пейзажи за

окном тоже удручающие — разбомбленные города, снующие среди развалин дети — попрошайки, повсюду калеки.

Но сильнее всего меня поразили лица немцев — безжизненные и озлобленные. Расположившись у окна поезда, я все время думал:

— Вот как выглядит побежденный народ, вот что означает выражение «страна в руинах». Что же будет с ними дальше? Ведь без надежды и веры нация не выживет. Но кто поделится с ними новой истиной, ради которой стоит жить?

В университете я беседовал об этом с профессором. Он рассказал мне о словах Франка Бухмана на открытии первой международной конференции в Ко, в 1946 году. Оглядев многочисленную публику, Бухман спросил:

— Есть ли среди присутствующих немцы?

Оказалось, что их не пригласили.

Бухман продолжил:

— Мы не можем строить новую Европу без Германии.

После этого вместе с представителями других наций в Ко были приглашены и немцы.

Между тем в Германии происходили сдвиги. Мне в руки попала небольшая книга «Все должно измениться» («Es muss alles anders werden»), написанная группой немецких политиков, представителей профсоюзов и журналистов. Они делились с соотечественниками опытом и идеями, полученными ими в Ко. Книга читалась легко, она захватывала, воздействовала эмоционально.

Авторы призывали каждого принять участие в создании подлинной демократии в Германии. Все может стать другим, если обычный немец, какой-нибудь Ганс Шнейдер, постарается радикально изменить свой образ мыслей. Если в повседневной жизни он будет пытаться осуществлять то, на чем основаны главные идеи права и свободы.

Бумагу для издания этой книги подарили шведы. Это был их вклад в формирование среди немцев нового отношения к жизни. Тираж книги составил около миллиона экземпляров, ее распространяли по всей стране.

Однажды я узнал, что группа немецких политических лидеров обратилась к обществу Морального Перевооружения в Ко с просьбой показать в Германии спектакль «Добрый путь». Общество согласилось.

Мы внимательно следили за гастролями. Труппа из двухсот пятидесяти человек объездила всю страну с юга на север. Мы получали известия из Ульма, Мюнхена, Штутгарта, Франкфурта, Дюссельдорфа и Эссена.

Театры в этих городах были переполнены. Публика была разной — приходили открытые новым идеям люди, попадались и скептики. Иногда после спектакля между зрителями и актерами завязывались продолжительные беседы.

Этот спектакль я видел еще в Ко, в нем было много идей, способных помочь построению демократии.

Турне по Германии удалось. Мне передали слова члена правительства Гессе, которые он сказал моему товарищу, игравшему в спектакле:

— Немецкий народ в течение многих лет одобрял, поддерживал и защищал политическую утопию. Это принесло странам Европы и миру беспредельные страдания. В этом вина Германии. Спасти свою страну мы сможем только, если воспитаем нашу молодежь в новом духе. Германии необходимо моральное перевооружение, это основа демократии.

Жена Гессе, увы, погибла от рук Гестапо.

В то время я постоянно получал письма от Йенса Юнатана. Он сопровождал труппу спектакля «Добрый путь» и писал мне о встречах с людьми, о полученном опыте. После выступлений в Эссене и Дюссельдорфе, труппа остановилась в Руре. Йенс Юнатан писал, что правительство земли Северный Рейн-Вестфалия просило актеров продлить гастроли, «чтобы распространить по стране идеи, пропитанные духом Ко. Они помогут немецкому народу обрести новые надежду и мужество».

По инициативе другого члена правительства (имени его я не знал) еще одна пьеса — «Забывтый фактор» — была переведена на немецкий язык и поставлена с участием немецких акте-

ров. Премьера состоялась в театре Капитоль, в Эссене. Театр возвышался над руинами гигантского завода Круппс, и это невольно воспринималось, как аллегория победы духа над материальным злом.

Со спектаклем «Забытый фактор» труппа объездила весь Рур.

Когда турне подходило к концу, Инге, Оге и я вернулись домой после рождественских каникул в Рауланде. Тогда я уже четко знал, что поеду в Германию. Но моим родителям пришлось нелегко. Родственники и друзья считали, что тратить время на немцев — занятие бесполезное. Некоторые из них считали, что мой интерес к Германии подозрителен. А после моего отъезда поползли слухи, что я перешел на сторону врага, предав норвежские интересы.

Вместе с Инге мы уехали в Германию ранней весной 1949 года. В одном из рейнских городов мы присутствовали на спектакле «Забытый фактор». Пьесу уже поставили в нескольких городах, в том числе в Руре, потом в Рейнланде. По нашим подсчетам, ее посмотрели около ста сорока тысяч человек.

Пьеса рассказывала о конфликте между директором фабрики Вильсоном и лидером рабочих Ранкиным. Они непримиримо враждовали друг с другом. Ситуация была столь острой, что могла привести к кровавому столкновению. В пьесе особую роль играли деструктивные силы (в лице Джо Буша), которые разжигали обоюдные обиды. Этот Джо Буш подстрекал рабочих к бунту только ради того, чтобы получить власть.

Спектакль начинался со сцены в доме директора фабрики Вильсона. Раннее утро. Директор не в духе, он озабочен неприятностями на фабрике. Конфликты с акционерами, с администрацией, правительство издает постановление о повышении производительности труда, а в этот момент рабочие угрожают забастовкой.

Завтрак в семье Вильсона проходит напряженно. Директор ссорится со своей женой. Дочь интересуется только своей ролью в школьном театре. В гостиную украдкой пробирается сын, загнавший машину отца в канаву.

После семьи Вильсона зрители попадают на завтрак в семью Ранкина. Его вялая, апатичная жена в поношенном платье и стоптанных туфлях накрывает на стол. Сын возвращается домой после разноски газет. Во время разговора матери с сыном появляется Джо Буш. Он пытается убедить Ранкина, что пора прекратить переговоры с директором фабрики и наконец-то объявить забастовку. Буш мечтает стать лидером, но для этого ему необходимо ослабить влияние Ранкина.

Для Ранкина классовая борьба составляет смысл жизни. Он — идеалист. Дело для него на первом месте, а семья — на последнем. Во время завтрака Ранкину сообщают, что ситуация на фабрике накалилась, пришлось вызвать полицию. Полиция заявила с оружием и слезоточивым газом. В этот момент кажется, что всякая надежда на согласие между сторонами окончательно потеряна.

И вдруг отношения между участниками событий резко меняются. Дочери Ранкина и Вильсона становятся подругами. Сын директора встречает людей, которые коренным образом изменяют его мировоззрение. Он осознает личную ответственность и за фабрику, и за ее администрацию, и за условия труда рабочих, и за отчаянное положение отца... Сын Вильсона пытается устранить конфликт, добивается взаимопонимания борющихся сторон.

Кульминация происходит в сцене, когда в дом к директору Вильсону приходит Ранкин. Он предлагает сообщать искать выход, но директор отказывает ему. Тем не менее, члены семьи Вильсона просят Ранкина остаться. Они хотят устранить недоверие. Видно, как директор внутренне борется с собой.

В это время с улицы доносятся крики, в дом врываются Джо Буш и толпа рабочих. Атмосфера накалена до предела. Рабочих удивляет присутствие Ранкина в доме Вильсона. Буш сразу же обвиняет Ранкина в тайном сотрудничестве с начальством. Они горячо спорят, Ранкин объясняет рабочим, что конфликт касается не только их фабрики, но всей страны. Что главный вопрос не в том, кто прав в этой ситуации, а что вооб-

ще правильно. Джо Буш теряет позиции, у него нет никакой конструктивной программы.

Ранкин обещает рабочим добиться справедливого договора и представить его вечером на профсоюзной встрече. Большинство принимает это условие. Рабочие уходят.

Внутренняя борьба Вильсона оканчивается победой здравого смысла над упрямым характером. Когда он вместе с Ранкиным начинает вести переговоры, то зрители чувствуют, как всплывает «забытый фактор» здравого смысла.

Пьеса произвела на меня такое же сильное впечатление, как и на немецкую публику. Что же в ней было такого, что одни зрители в негодовании покидали зал, а другие и после спектакля оставались, чтобы поговорить с артистами?

Может быть, секрет состоял в том, что каждый актер на сцене горячо верил, что является своего рода посланником благой вести? В пьесе принимали участие священник, офицер, студент, медсестра, художник, домашняя хозяйка и многие другие. Для них право выступать на сцене означало разрыв с привычными устоями жизни, отказ от материальной стабильности. Их решимость донести до зрителя нечто большее, чем способен передать залу любой другой артист, отражалась и на игре в этом не совсем обычном спектакле. Это был театр «высшей идеи», простой по сути — человек способен выйти из замкнутого круга безнадежности, если он преобразится, начнет созидать что-то новое.

И зрители это чувствовали. Люди из самых разных стран выходили после спектакля на сцену и рассказывали о том, какое значение идеи пьесы сыграли в их жизни.

К герою пьесы, обычному молодому человеку, тоже пришло новое видение, и он перестраивает не только собственную жизнь, но и жизнь окружающих его людей. У зрителя рождается вера в то, что каждый из нас может участвовать в обновлении. Как пел интернациональный хор: «Пустые руки, пустые сердца должны наполниться. Вчерашние подавленность и уныние — сегодня через боль и трудности превратятся в новые сердца новых людей. Все преобразится».

В один из вечеров в театре выступала с речью женщина, с которой я потом познакомился ближе. Ирэн Лор — медсестра, член марсельского парламента, в течение многих лет была лидером социалистического женского движения во Франции. Как активный участник Сопротивления, она прошла через неимоверные страдания. Пытаясь добиться от нее нужных сведений, гестаповцы у нее на глазах пытали ее сына. Ирэн никого не выдала.

— У меня было лишь одно желание, — говорила она мне, — истребить всех немцев.

Но теперь, после войны она вместе с мужем выступала с «Забытым фактором» по всей Германии. Они останавливались в немецких домах. Ирэн Лор обращалась к миллионам немцев по радио, выступала в областных парламентах, в профсоюзах после каждого спектакля.

Сила ее характера восхищала меня. Небольшого роста, худая и бледная, она держалась очень спокойно, но когда начинала говорить, от нее исходила такая убедительная сила, что это завораживало.

— Вы можете себе представить, что значило для меня поехать в Германию? Я мать и бабушка. И я — социалистка. Всю свою жизнь я говорю о братстве людей, и, несмотря на это, всем сердцем желала этих руин. Теперь у людей, живущих в этих руинах, я должна просить прощения за свою ненависть, — с обескураживающей искренностью говорила она. — Нет, я вовсе не забываю руин ни в своей стране, ни в других странах, где побывали фашисты. Но я смогла осознать собственную ненависть и прошу за нее прощения. И это мое преобразование вызывает положительную ответную реакцию у многих немцев. Моральное Перевооружение представляет мощную силу, направленную на примирение двух наших народов.

В борьбе за новую Германию объединились такие люди, как Ирэн Лор, члены английского парламента, шахтеры из Уэльса, профессор из Швейцарии, скандинавская молодежь и голландские предприниматели. Спектакли, хор, кинофильмы были

лишь средствами воздействия. Инге и я принимали участие в работе этой группы.

Мы жили в Дюссельдорфе вместе с группой в пятнадцать человек. Правительство земли Северный Рейн-Вестфалия отдало нам помещение в здании управления Хауз Ландсрегес-рунг. Наша группа сотрудничала с людьми, которые разделяли идеи Морального Перевооружения, стремились эти идеи распространять и отстаивать.

Земля Северный Рейн-Вестфалия — самая крупная из западногерманских провинций. По площади она равна территории Финмарка в Норвегии, а численность населения больше в четыре с половиной раза. Сердце провинции — Рур.

Река Рур берет начало на юго-востоке, в горах Зигер Берг-ланд, тянется среди живописных холмов, проходит через всю индустриальную территорию с тем же названием. На западе она впадает в Рейн — самую европейскую из всех рек. В верхнем течении Рейна ходят суда под немецкими, французскими, швейцарскими и другими флагами.

В том месте, где Рур впадает в Рейн, построено несколько огромных портов, принимающих суда. Это Дуисбург-Рурорт — самый крупный речной порт Европы. Если подъезжать сюда на машине с западного берега Рейна, на другом берегу реки открывается панорама, захватывающая дух. Все пространство, сколько может охватить глаз, усеяно устремленными вверх фабричными трубами и башнями шахт. Над ними клубятся облака пара и дыма всех цветов радуги. И днем, и ночью из горнов клубятся столбы пламени высотой в 20-30 метров, и фейерверк искр освещает всю эту необъятную территорию. Здесь чувствуется пульс крупнейшего индустриального центра Европы.

А если заехать в дорожный лабиринт, заполненный рядами огромных грузовиков, то можно ощутить безостановочный ритм рабочей жизни Рура. На улицах слышен грохот тяжелых шахтерских сапог по брусчатке. Отработав смену, шахтеры с характерно согнутыми коленями направляются в кварталы старых кирпичных домов, почерневших от угольной пыли. Не-

которые, правда, живут в недавно отстроенных домах, но дома эти такие же невыразительные.

Полмиллиона шахтеров на тысячеметровой глубине добывают более ста миллионов тонн угля в год — тяжелая и опасная работа. В этом районе ежегодно выплавляют 20-30 миллионов тонн стали. Большая часть необходимой для этого железной руды приходит в Рур с судами из Нарвика. Такое вот индустриальное общество стало моим домом на семь лет.

Благодаря успеху спектаклей «Добрый путь» и «Забывтый фактор» в области Рур, мы вскоре познакомились с ведущими представителями индустриальной, политической и культурной жизни Рура. Немцы открыли для нас двери своих домов, делились едой, которой не хватало вдоволь в то время. Мы ночевали в комнатах, где окна для сохранения тепла были заткнуты газетами или тряпьем.

Мы встречались с лидерами профсоюзных комитетов сталепрокатных цехов и машиностроительных заводов, спускались в шахты, нас принимали в различных профсоюзах. Не один вечер прошел в кругу наших немецких друзей. Мы сидели и беседовали, окутанные сизым табачным дымом, а на столах в кружках пенилось пиво.

Руководители индустрии знакомили нас с начатой ими гигантской работой по восстановлению промышленности, политики посвящали в сложные задачи, которые им предстояло решить.

Постепенно у нас сложилось живое представление о том, что происходило в душах этих людей в первые годы после войны. Падение нацизма привело к неопишуемой нужде — как материальной, так и духовной. Большая часть индустрии бездействовала. Сотни тысяч домов лежали в руинах. В стране царили смятение, нужда и отчаяние.

Часто мы сталкивались с закоренелым цинизмом. После горьких разочарований многие скептически относились ко всему, что исходило от союзников. Особенно среди молодежи я часто встречал равнодушие и безмерный эгоизм. Они были

обозначены девизом: «Я ни в чем не участвую!» Но за стеной этого равнодушия я чувствовал глубокую тоску по чему-то новому, настоящему, чему хотелось бы посвятить жизнь.

Случалось нам встречать и немцев, участвовавших в оккупации Норвегии. С тяжелым сердцем выслушивал я радостные возгласы:

— О, вы из Норвегии! Я провел там четыре года. Норвегия мне очень понравилась!

А когда к этому добавляли еще пару фраз на норвежском языке, что-то вроде «Милая девушка! Я тебя люблю!», во мне всплывали сильные прежние чувства, связанные с оккупацией.

Но чем могли помочь ненависть или возмущение? Теперь я разделял убеждения моих друзей:

— Если человек или народ нуждаются в преобразении, единственное, чем можно помочь, это вдохновить их на преобразование.

Я ясно видел, что новая Германия невозможна без нового типа немцев. Это означало, что своим добрым отношением мы должны были поддержать в них волю к жизни, к обновлению своей страны, что породило бы доверие и любовь соседей.

Для осуществления этой цели мы прилагали все усилия. Мы узнавали о человеческих судьбах, которые раскрывали нам глаза на Германию, ранее неизвестную.

Первая такая встреча произошла у меня с одним лидером профсоюза. Узнав о том, что я побывал в концлагере, он рассказал мне о борьбе против нацистов, которую вели он и его товарищи. Больше часа длился рассказ о попытках отчаянного сопротивления.

— Если бы мы были сплоченнее, — рассуждал он, — и своевременно получили бы поддержку западных демократий, Гитлеру никогда бы не удалось осуществить своих планов.

Этот человек провел в тюрьме восемь лет, начиная с 1933 года. Его здоровье было сильно подорвано, но в нем чувствовалась воля к борьбе, он без компромиссов следовал идее, которую ему завещали погибшие друзья:

— Einig bleiben und wiederaufbauen! («Возрождение — в единстве»).

Я встречался с Куртом Шумахером, который провел десять лет в концлагере. Там он потерял руку и ногу, а позднее и зрение. Я побывал у вдовы Юлиуса Лебера. Он вместе с Вильгельмом Лейшнером был лидером социалистической партии и профсоюзного движения Сопротивления. После неудачного покушения на Гитлера, 20 июля 1944 года, они вместе с сотней других борцов были повешены.

Я узнал о страданиях, выпавших на долю тысяч немцев со дня прихода к власти Гитлера в 1933 году. Каждый раз я задавал себе вопрос:

— Разве эти люди не страдали больше нас?

Какой бы не была причина, по которой западные демократии не смогли разглядеть знака времени — наступления фашизма — эти люди на протяжении многих лет вели тяжелую борьбу с диктатурой.

В те первые месяцы, проведенные в Германии, я начал понимать, что в конце концов, дело не в немцах или норвежцах, русских или американцах, а в том, что все мы — единое страждущее человечество.

Для меня больше не существовало проблемы, как скрыть горечь пережитых злодеяний. Я чувствовал внутренний долг, обязывавший меня вместе с немецким народом созидать новую форму жизни.

Куда бы мы ни приезжали, повсюду шло интенсивное восстановление после массовых бомбежек. Нельзя было не восхищаться инициативой, творческой фантазией, неутомимой энергией, нестигаемой волей немцев к преодолению этих трудностей.

Как-то один из наших иностранных друзей заметил:

— Пока мои соотечественники трудятся для того, чтобы жить, немцы, судя по всему, живут для того, чтобы трудиться.

Наблюдая такое удивительное усердие, я невольно задавался вопросами:

— А для чего будут использованы эти усилия? Каким силам послужит эта неутомимая энергия? Какие идеи увлекут немцев после войны и поражения?

Постепенно я осознал, что мы являемся свидетелями не просто послевоенного периода со всеми его трудностями, трагедиями в судьбах отдельных людей. То, что происходило в Германии, затрагивало интересы всего человечества, которое пока не ощущало, что идеологическая война отнюдь не закончена.

После освобождения в 1945 году я, как и многие другие, думал, что наступил долговременный мир, что впереди всех ждет только счастливое будущее. Я жил этой мечтой. Хотя смена власти в Чехословакии и блокада Берлина потрясли меня, породили сомнения в незыблемости и долговечности любых перемирий. Вопрос о судьбе человечества и народов опять оказался открытым.

Пока борьба велась без оружия, но она уже шла внутри наших демократий.

Именно в Рура я осознал эту жестокую реальность. Здесь каждый из нас мог прочувствовать ее на себе.

В первые годы восстановления угольная индустрия Рура была базовой для всей индустрии Германии. Будущее страны зависело от сотен тысяч шахтеров, добывавших «черное золото».

Здесь важно напомнить, что вступившие в Германию союзники полностью контролировали всю тяжелую индустрию: добычу угля, производство стали и чугуна. Они планировали низложить эту промышленность, разделить огромные концерны, чтобы препятствовать возникновению монополизма, концентрации крупных предприятий в руках небольшой группы людей. Таким людям, как известно, всегда легче договориться между собой о поддержке антидемократических сил.

Но вскоре стало ясно, что для выживания страны ее индустриальное сердце должно биться. Поэтому контроль над тяжелой индустрией был передан специальному Совету союзников. Шахты, сталепрокатные станы и другие заводы заработали снова. На руководящие посты в тяжелой индустрии были назначены временные директора, а рабочие получили право на свои организации. Они-то играли решающую роль в том, чтобы работа сдвинулась с мертвой точки. Они разгребали руины и приводили в действие машины.

Принятие этого закона Советом управления союзников стало важной реформой в реорганизованных угольных и сталепрокатных компаниях. Рабочие получили право на соучастие в принятии решений. Вместе с другими директорами, представитель от рабочих — рабочий директор, разделял ответственность за судьбу предприятия. Новый закон также разрешал создание комитетов профсоюзов, обязанных защищать социальные права и личные интересы рабочих. Выборы в такие комитеты первоначально проводились ежегодно, позднее — раз в два года. В них, кстати, могли быть представлены разные политические направления. Постепенно роль профсоюзных комитетов возросла.

Уголь, как я уже говорил, являлся основой индустриальной деятельности. Беседуя с ключевыми людьми из этой сферы, мы обнаружили, что внутри их профессионального сообщества идет жесткая борьба за власть. Систематическая и целенаправленная, она опиралась на известную мировую идеологию. Мы столкнулись с мощной стратегией коммунистической партии.

В какой бы профсоюзный комитет Рура мы ни приходили, мы чувствовали доминирующую роль коммунистов. Центральные посты обычно занимали хорошо вышколенные партийцы. Их поддерживали коммунисты из зоны советской оккупации. Сообща они создали сеть, охватившую всю угольную индустрию. Их цель была ясна — полный контроль над угольной индустрией. И это являлось первым шагом запланированного захвата власти в Западной Германии.

Сделанное открытие потрясло меня. Во мне росло неистребимое желание открыть людям глаза на ту опасную борьбу, в которую включилось наше поколение. То, о чем я расскажу дальше — всего лишь конспективные фрагменты из прошлого, но они в высшей степени актуальны и сегодня, потому что иллюстрируют вечную борьбу, которая идет в мире постоянно. Суть этой борьбы сводится к лаконичному вопросу — быть или не быть свободному человеку?

БОЛЕЕ ЗНАЧИМАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Моэрс — один из небольших шахтерских городков в низовье Рейна. Здесь проходит западная граница индустриальной зоны. Из Дюссельдорфа сюда можно доехать на машине за сорок пять минут.

В древние времена здесь, в плодородных долинах, селились сначала кельты, затем римляне. Сегодня жизнь города была сконцентрирована вокруг угольной компании Рейнпрройссен, на шахтах и химических заводах которой трудились более восемнадцати тысяч человек.

После постановки спектакля «Забывтый фактор» в январе 1949 года, мы познакомились с двумя ведущими лидерами компартии Моэрса.

Один из них — Макс Бладек, лидер профсоюзного комитета шахты №4 Рейнпрройссена. Небольшого роста, полный энтузиазма, умный человек, с взглядом опытного партийного стратега. Он состоял в компартии двадцать пять лет, последние годы представлял Моэрс в руководстве партии (земля Северный Рейн-Вестфалия). Он также был членом рабочего комитета Эссена и района Нижнего Рейна. Это означало, что ему доверили отстаивать свои интересы более ста двадцати тысяч шахтеров.

Другой — Пауль Куровский. Худощавый на вид человек с резкими чертами лица, смелый и напористый по характеру, он был динамичной личностью. В партии состоял с 1922 года, его считали ведущим идеологом. Он получил хорошее образование. Сразу после капитуляции в 1945 году партия направила его в партийную школу в Бад Берке, которая находилась в зоне советской оккупации. По возвращении в Рур Куровского назначили на руководящий пост по подготовке партийных работников в Моэрсе. Он пользовался доверием не только у партийцев, но и среди шахтеров — был членом профсоюзного комитета Рейнпройссена.

Оба они, Бладек и Куровский, участвовали как в Капповском путче в 1920 году, так и в памятных событиях времен Розы Люксембург. При гитлеровском режиме они занимались подпольной деятельностью.

Впервые мы встретились с Максом Бладеком в пивной, на окраине Моэрса. Он пришел не один, пригласил с собой шестерых опытных партийных пропагандистов. Желая победить нас идеологически, они по очереди выступили с пламенными речами.

Надо отдать им должное — о своем деле они говорили с подлинной страстью и убежденностью. Они считали, что западноевропейские страны готовят новую мировую войну, а каждый капиталист в душе обязательно разделял идеи фашизма. Значит, необходимо изменить устройство общества.

Христианство, по их мнению, на протяжении двух тысяч лет пыталось создать новый мир. Но каков итог?! Примерно так они рассуждали больше часа. Затем настала наша очередь.

Слово взял рабочий из Англии, низкорослый, плотный и энергичный. Его слова прорезали напряженную тишину:

— Никогда прежде рабочий класс не имел столько власти, сколько сейчас. Но и никогда рабочие не были так разобщены. Мы научились расщеплять атом, но не умеем объединять людей. Рабочее движение несет в себе зерно своего собственного поражения, так как не может помочь отдельному человеку из-

меняться. Человеческая природа может быть преобразена на самом глубоком уровне. Это должно произойти как с капиталистами и рабочими, так и с американцами, англичанами и даже с немцами и коммунистами. Только тогда возможно бесклассовое общество. Мы уже сейчас можем активно бороться за это.

— Каждый честный человек, — продолжил рабочий из восточного Лондона, — не может смириться с социальной и экономической несправедливостью. В мире хватает благ для удовлетворения наших нужд, но не вожделий. Недостаточно одного изменения системы. Моральное Перевооружение означает глубинные изменения, оно должно привести к принципиально новым социальным, экономическим и международным отношениям. Но все это основывается на преобразении отдельного человека. Не учитывать этого — значит быть реакционером.

Затем слово взял канадский фабрикант:

— Корыстолюбие и нравственные компромиссы, на которые соглашаются мои коллеги, являются причиной несправедливости в западном мире. Можно видеть, как закоренелый материализм правого толка взаимосвязан с материализмом левого направления.

Когда этот высокий, стройный «капиталист» с обезоруживающим юмором непринужденно рассказал о своем собственном преобразении, это не могло не поразить слушателей.

Встреча длилась четыре часа. Перед тем, как разойтись, мы пригласили наших оппонентов на спектакль «Забывтый фактор». Мы чувствовали, что новые идеи их заинтересовали.

Рабочее движение в Германии основывалось на догмах марксизма, на вере в классовую борьбу как единственно верную идеологию. Одновременно мы замечали, что расхождения между теоретической идеей и действительностью порождали сомнение в сердцах многих коммунистов. Они внимательно наблюдали, как разворачивались события в советской зоне оккупации, в «братских» государствах. И то, что они видели, явно не соответствовало их представлениям о торжестве коммунистических идей.

Именно в такой момент встреча с обществом Морального Перевооружения, которое не отдавало предпочтения каким-либо известным теориям или политическим системам, а полагалось только на преобразование природы человека, могла стать поворотной в жизни этих людей.

Идея преобразования человека захватила этих людей, они захотели узнать больше о наших взглядах и методах работы. Бладек пригласил Йенса Юнатана погостить в своем доме. Йенс находился в Руре еще со времени первой постановки «Доброго пути» в Эссене, а это было осенью 1948 года.

Юнатан был создан для своей работы. Благодаря душевному складу, духовному огню, остроумию и глубокой вере в свое призвание ему удавалось быстро находить общий язык с революционерами. Бладек и Йенс провели немало времени за ночными разговорами.

К тому времени Пауль Куровский лег в больницу на операцию. Мы часто навещали его. Наше внимание его очень тронуло, было заметно, что он не привык, чтобы о нем заботились. Так постепенно, неделя за неделей, месяц за месяцем, мы становились друзьями.

Через полгода, летом 1949 года мы приехали в Моэрс, чтобы пригласить Бладека и Куровского с семьями на международную конференцию в Ко.

Встреча происходила в доме у Пауля и Лины Куровских, на Линдерштрассе, 37. У входа был разбит небольшой садик с цветами, кустами сирени и крыжовником. Но вся зелень была покрыта налетом угольной пыли.

Квартира состояла из двух комнат и крошечной кухни — типичное жилище шахтера. Макс Бладек пришел с женой. Было тесно — пятеро гостей еле уместилось на диване, я присел на лавку.

Приглашение в Ко не было неожиданным ни для Бладека, ни для Куровского, но прежде, чем договориться, нам пришлось еще несколько часов поспорить. Они постоянно цитиро-

вали Маркса, Ленина, Сталина, в любом вопросе прибегали к своей идеологии. Но наши идеи их тоже увлекали.

Джеффри был одним из наших друзей, и он производил на окружающих своим колоритным видом наибольшее впечатление. Выходец из английской аристократии, он вырос в Индии, получил образование в Оксфорде и собирался приступить к дипломатической карьере. Что же заставило его изменить благополучный жизненный путь и без всякого заработка работать ради создания нового мира? Все это казалось по меньшей мере утопией. Что заставляло людей Морального Перевооружения так поступать? Вероятно, нечто более глубокое, чем теории Маркса.

Поздно вечером Пауль подвел итог наших дискуссий:

— Тот, кто не хочет жить по принципам абсолютной честности, чистоты, бескорыстия и любви, предаёт свой класс и свой народ.

Через пару дней мы провожали Пауля и Лину, а также две другие супружеские пары в Дюссельдорф. Пауль держал в руках новенький чемодан, все были одеты в свою лучшую одежду. С отходом поезда на юг для них началось путешествие, которое, а об этом они не догадывались, приведет их в совсем новый мир. Чуть позже отправились в Ко Макс и Грета Бладек.

Спустя время, из Ко стали возвращаться делегации, и мы многое услышали про Бладеков и Куровских.

Увиденное и пережитое ими в Ко заставило их пересмотреть понимание марксизма. Пауль выразил это так:

— Основные теории марксизма устарели. Они построены на немецкой классической философии и не учитывают того решающего факта, что природа человека может быть преображена. В наш атомный век тактика классово́й борьбы — это самоубийство, она с неизбежностью приведет к мировой войне между двумя лагерями, к тотальному уничтожению человечества.

Вскоре мы смогли прочесть отрывки из их речей. Макс сформулировал свое заключение следующим образом:

— Моральное Перевооружение является единственной идеологией, которая не противопоставляет одних людей другим, а показывает, как через любовь и уважение враждующие стороны могут находить общий язык. Это идеология превращения врагов в друзей. И это является главным оружием, с помощью которого Моральное Перевооружение борется за мир во всем мире.

Пауль дал короткую и ясную оценку международной конференции в Ко:

— В течение двадцати шести лет я пел «Интернационал» от всего сердца, но в Ко я впервые увидел идеи справедливости и равенства, воплощенные в жизнь.

Руководству компартии в Руре стало известно, что Макс и Пауль изменили свои позиции. Это вызвало тревогу, ходили слухи, что коммунисты собирались принять строгие, соответствующие Уставу партии меры. Но произошло нечто неожиданное. Еще один коммунистический лидер — партийный секретарь Вилли Бенеденс — отправился в Ко.

Вилли Бенеденс обладал особым качеством быстро ориентироваться в новых ситуациях, вживаться в новые обстоятельства. Военный летчик по профессии, из-за своих политических взглядов он был выгнан из армии и переведен в штрафной батальон. В бою взрывом гранаты ему оторвало обе ноги, и теперь он ходил на протезах. Это не сломило молодого и честолюбивого человека, и он довольно быстро продвигался по партийной лестнице. Его также избрали членом профсоюзного комитета шахты №5 в Рейнпройссене.

Как же прошла встреча Бенеденса в Ко?

Вот его рассказ:

— В Моэрсе я полемизировал с Моральным Перевооружением, используя самые жесткие доводы. Меня удивило, что мне не отвечали агрессивно. Наоборот, я встречал открытость и доброту, в итоге, они и победили ненависть, радикализм моих взглядов. Это заставило меня задуматься. Я решил самостоя-

тельно выяснить, кто эти люди на самом деле, поэтому и принял приглашение в Ко. Там я увидел то, за что боролся долгие годы — бесклассовое общество. Я пережил личное преобразование. Раньше меня занимали политика, партийные дела, я не думал о своей семье, часто конфликтовал с женой. Мои друзья напомнили мне, что социализм начинается с семьи. Был ли я стопроцентным социалистом? Пока я боролся за мир во всем мире, в моем собственном доме шла война, я постоянно ссорился и с соседями. В Ко я научился, пожалуй, главной вещи: строить мосты взаимопонимания между собой и другими. Возможность найти общий язык есть у всех людей. Эта идея ведет к социальной справедливости, она соответствует самой глубокой потребности человеческого сердца.

Вернувшись в Рур, Макс и Пауль обратились к партийному руководству земли Северный Рейн-Вестфалия с предложением рекомендовать членам партии «...ознакомиться с мировой революционной идеей Морального Перевооружения». Свои взгляды они подкрепили цитатами из работ Маркса и Энгельса. Они также сообщили о своем личном решении жить по-новому, «...исходя из логических и реалистических причин». Получив отказ, они послали рапорт в центральное руководство партии, где опять подробно изложили суть своих новых убеждений.

В конце лета Макса и Пауля снова пригласили в Ко для участия в заключительной части международной конференции. Хотя партия запретила им опять ехать в Швейцарию, они не обратили на запрет внимания. В их рапорте к центральному руководству говорилось:

— Мы должны приложить все усилия для распространения универсального мировоззрения, представленного в Ко. Таким образом мы можем внести свой вклад в дело мира и социального прогресса.

Западногерманская Компартия оказалась перед дилеммой. Коммунисты постоянно следовали ленинскому совету об инфильтрации всех секторов общества. Теперь они стали свидетелем

лями того, как высокопоставленные партийные работники, побывав в Ко, сами становились «инфильтрированными»! Чтобы предотвратить такое развитие событий, в центральном руководстве решили прибегнуть к жестким мерам.

В сентябре я писал своим родителям:

«В Моэрсе происходит захватывающая борьба. Коммунисты, побывавшие в Ко, встретили мощный отпор среди тех товарищей, которые в Ко не побывали. Их называют предателями, клеймят, бойкотируют. Макс и Пауль получили вызов на партийное собрание, где будет обсуждаться их поездка в Ко как нарушение партийной дисциплины. Вероятно, поставят вопрос об исключении. Но, похоже, их это не пугает. Вот какие мысли пришли к Максу после конференции в Ко: «Как не повернутся события, я все равно последую голосу своей совести. Это решит мою судьбу». А Пауль записал в своем дневнике: «Жизнь революционера — это борьба, которая включает и борьбу со злом в себе. Завтра будет решающий день для нас, для партии и всех остальных».

Партийное собрание проходило в «Бункере». Так называли большое бомбоубежище, находившееся недалеко от дома Пауля и Лины. Собрание проходило бурно. На нем присутствовал председатель компартии земли Северный Рейн-Вестфалия Хуго Пауль. Когда вошел Куровский, его встретили криками:

— Что делает здесь этот шпион?

Потом посыпались оскорбительные обвинения в самых резких выражениях. Куровский пробовал отвечать, но его заглушали, он так и не получил слова. В конце концов, ему пришлось покинуть зал. Домой, на Линдерштрассе, 37, он вернулся совершенно потрясенным. А ночью коммунисты забросали камнями окна его квартиры.

Все следующие недели мы с Джефри каждый вечер бывали в Моэрсе, чтобы поддержать наших друзей в это трудное для них время. Они чувствовали, что должны сохранить лояльность к той идее, ради которой потратили столько лет жизни. Но и перспективы новой идеологии — бескровной революции —

тоже были им дороги. Партия заставляла их сделать нравственный выбор. Если этот выбор окажется не в пользу партии, то с ней придется порвать. А они не желали окончательного разрыва, они только стремились передать свой новый опыт, полезный для партии, для ее развития и жизнеспособности. Но после демонстративного издевательства наши друзья начали понимать, что настоящая «линия фронта» проходит в сердце каждого человека, а не между ними и каждым отдельным членом партии.

Отказ руководства партии от диалога означал, что Макс, Пауль, их друзья должны решить: либо следовать голосу своей совести, либо слепо подчиниться требованиям партии.

Мы поддерживали их в этой борьбе, зная по личному опыту, как трудно претворять в жизнь то, что считаешь истиной. Мы делились с ними доходившими до нас известиями об успешной деятельности Морального Перевооружения во всем мире. Мы были едины, и вместе преодолевали возникавшие трудности.

Обычно в Дюссельдорф мы возвращались уже поздно ночью. Я и Джеффри жили по разные стороны Рейна. Дорога к моему дому проходила через несколько полностью разрушенных кварталов — одни руины и воронки от бомб. Повсюду виднелись торчавшие из земли остатки стен. Под грудями кирпича и сплетениями ржавых прутьев все еще оставались тела погибших здесь людей.

— Какой мир мы создали! Мы, мое поколение! Вернее, наше человеческое зло! — думал я.

Одновременно я услышал в душе и другой голос:

— Из этой тьмы взойдет новый день.

И это было правдой. Разве всех нас не вдохновляла та борьба, которую вели Макс, Пауль и их друзья? Разве это не извечная борьба за человека, которая тянется из рода в род? Борьба против порабощения человека человеком, схватка за свободу через нравственное преображение. За победу над злыми силами внутри нас, за жизнь в свете Истины?

6 октября 1949 года в партийной газете «Freies Volk» в Дюссельдорфе была опубликована большая статья о Моральном Перевооружении. На следующий день ее перепечатала газета «Neue Volkszeitung», выходящая в Руре. Автором был председатель компартии земли Северный Рейн-Вестфалия. Статья называлась «Аморальное Разоружение». Партия впервые официально и открыто выражала свою позицию по Моральному Перевооружению. Наше общество они называли только сокращенно — МП.

Публикация начиналась с партийной оценки Морального Перевооружения:

«Опасная деятельность апостолов МП до сих пор недооценивалась не только среди районного руководства, но и в центральном комитете партии. Эта деятельность приводит к идеологическим сомнениям и заблуждениям среди рабочих».

Затем следовал подробный разбор поведения и мыслей Бладека, Куровского и Бенеденса. Это было своего рода объяснением, почему их исключили из партии.

«На партийной конференции районный председатель Мербек констатировал, что деятельность МП, которую он считает подрывной, уже оказала свое воздействие на товарищей по партии, — говорилось в статье. — Представители МП месяцами поддерживали контакт с членами группы, пытаясь распространить свою «новую идеологию» среди наших старых товарищей».

В итоге влияние Бладека, Куровского и Бенеденса в Моэрс-е возросло настолько, что партийцы вынуждены были укреплять свои позиции. Хуго Пауль писал:

«Принято решение, что всякий коммунист, вступающий в контакт с МП, будет исключен из партии, его будут считать предателем интересов рабочего класса».

Все это могло стать сильным ударом для наших друзей. Мы разделяли их надежды и сомнения, принимали участие в их ежедневной борьбе. Сопереживая им и в горе, и в радости, поддерживали их решимость следовать голосу совести.

Первым большим испытанием стали выборы в профсоюзные комитеты. Коммунисты предприняли все возможное, чтобы ослабить их позицию и препятствовать выборам. Но, несмотря на мощную травлю, все трое подавляющим большинством голосов были выбраны в профсоюзный комитет, а Макса переизбрали председателем шахтерского комитета.

Пока все эти события происходили в Моэрсе, нечто похожее началось и в Эссене — самом крупном городе Рура с населением в шестьсот тысяч человек. Эссен, кстати, сильнее других городов пострадал во время войны.

Семья Круппов основала здесь один из самых больших в мире индустриальных концернов, в военное время на нем трудилось сто шестьдесят тысяч человек.

Резиденция Круппов — Вилла Хугель, построенная в стиле средневекового замка, располагалась на возвышенности Эссен-Бреденей. Из резиденции открывался великолепный вид на долину Рура и искусственное озеро Балденей (Balddeney).

А на другом конце Эссена, всего в полумиле от замка, находилась самая старая часть города — Алтен-Эссен. Здесь можно было сполна ощутить, что такое настоящая бедность.

Во дворах, среди мусорных бачков и куч хлама бегали грязные, одетые в лохмотья дети. Все строения — в черно-серых тонах, за исключением оконных ставен. Для оживления пейзажа их выкрасили в ядовитый ярко-зеленый цвет. На стенах повсюду можно было увидеть призывы: «Голосуйте за компартию Германии!»

Август Метцинг был коммунистом и лидером шахты в Алтен-Эссене, на которой работали двенадцать тысяч шахтеров. Осенью 1948 года он присутствовал на премьере спектакля «Забывтый фактор» в театре Капитоль, в Эссене. Пьеса заинтересовала его, и через два месяца ее поставили для рабочих шахты, где работал Метцинг. Он посмотрел спектакль несколько раз, и однажды пришел на него вместе с женой. Когда занавес опустился, они оба какое-то время продолжали еще сидеть. Дома жена спросила его решительно:

— Что ты думаешь о возможности преобразования? Может быть, стоит попробовать, Август? Вдруг получится?!

В тот вечер они решили, что в их доме начнется новая жизнь.

Метцинг побывал в Ко еще раньше Бладека и Куровского. Вернувшись в Алтен-Эссен, он также подвергался жестоким нападкам. В местной газете поместили на него карикатуру, где он был представлен в виде святого — с венчиком на голове он стоял на коленях перед капиталистом-империалистом. Не проходило и дня без оскорблений вроде предателя или лакея капиталистов.

Инициатором травли был его старый друг Иоганн Гольцхаузер. Вместе с Метцингом они работали в одной шахте, там Гольцхаузер был председателем местной партячейки.

Что делал в этой ситуации Август? Он прислушивался к внутреннему голосу, и к нему пришла здравая мысль:

— Иоганна надо пригласить в Ко!

Между старыми друзьями шли яростные споры, но теперь Август не терял самообладания. Когда Иоганн в очередной раз бушевал против «святого в венчике», Август с улыбкой отвечал:

— Лучше иметь венчик, чем быть слепцом! Как ты можешь судить о Моральном Перевооружении, когда ничего о нем не знаешь! Поезжай в Ко и посмотри сам! Я могу устроить тебе поездку. Тогда и продолжим разговор. Заодно ты представишь отчет руководству партии о том, что на самом деле происходит в Ко.

И Метцинг познакомил нас с Гольцхаузером. История его такова. После заключения мира в 1945 году он основал партийную ячейку в Алтен-Эссене, которая теперь насчитывала чуть больше тысячи членов. Иоганн был логиком, остроумным и ироничным оратором, мог увлечь за собой массы, подчинять их своей воле.

Он любил играть на гармонии, и мы часто слушали его. Я даже сейчас живо представляю его сидящим в небольшой гостиной, увлеченно исполняющим «Риголетто». Иногда он бросал

на нас испытывающие взгляды, чтобы убедиться, слушаем ли мы музыку. Его замкнутая жена сидела рядом и вязала.

На одном из таких вечеров присутствовали Лина и Пауль Куровские. Это были незабываемые часы. Фрау Гольцхаузер угощала нас кофе с булочками. Женщины беседовали отдельно, а я и Джеффри увлеченно следили за дискуссиями Пауля и Иоганна. Нас восхищало их знание марксистской теории, способность наизусть цитировать Маркса, Энгельса и других классиков. Но сильнее всего впечатляла их способность мыслить самостоятельно.

Постепенно разговор переходил к обществу Морального Перевооружения. Пауль и Лина делились своими впечатлениями от пребывания в Ко. Их рассказ так захватил Иоганна и его супругу, что вскоре они сами отправились в Ко, невзирая на угрозы и предупреждения со стороны руководителей партии.

Иоганн познакомил с новыми идеями и других коммунистов, а также мэра Алтен-Эссена Германа Штоффмеля, с которым давно был знаком и по партийным делам, и по работе в гражданском комитете. В этом комитете Иоганн представлял компартию, а Штоффмель участвовал, как мэр города.

Как-то после очередного заседания комитета Иоганн упомянул о своих впечатлениях, полученных от поездки в Ко. Штоффмеля рассказ заинтересовал. Чтобы ближе понять идеи Морального Перевооружения, в ноябре они приехали на встречу в Моэрс — сюда Бладек, Куровский и Бенеден приглашали всех, кто проявлял интерес к новому мировоззрению и образу жизни.

...Большой зал второго этажа в ресторане «Кроппен» был переполнен. Официанты в белых рубашках лавировали между столиками, предлагая кофе, пиво и сигареты. Атмосфера была накаленной. В зале присутствовали убежденные партийцы. Неизвестно, собирались ли они поднимать шум или действительно проявляли интерес к теме нашей дискуссии.

Я сидел у стены лицом к залу и мог наблюдать за собравшимися людьми. Вошли Джеффри и Йенс Юнатан вместе с Мак-

сом, Паулем и Вилли — они вели встречу. Я заметил Германа Штоффмея, который тоже внимательно за всеми следил.

Слово взял Иоганн:

— Я уверен, что, получив приглашение на сегодняшнюю встречу, некоторые из вас подумали: «Давайте пойдём, чтобы высказать этим товарищам свое мнение!». Я и сам так думал. Я был уверен в своей правоте. Я коммунист с многолетним стажем, хорошо знаком с идеей классовой борьбы. Но всегда так уж правы коммунисты Германии? Или социалисты? Или христианские демократы? Разве все мы не задаем постоянно один и тот же вопрос: «Кто прав?». А может, пора задуматься над другим вопросом: «В чем состоит правда?».

Зал напряженно слушал.

— Я побывал в Ко, — продолжил Иоганн. — Я наивно думал, что сорву с этих людей маску! Но все сложилось иначе. В первые дни я присматривался, надеялся отыскать слабые места. И вот тогда можно было бы нанести сокрушительный удар! Я изучал по отдельности сущность капиталиста, социалиста, рабочего, профсоюзного работника, политика... Меня всегда удивляло, что во всех этих людях было что-то особое. В них чувствовались вера и убеждение более твердые, чем мои. «Если я честен сам перед собой, — размышлял я, — то должен сделать соответствующие выводы». Так я и поступил. Для начала я задал себе вопрос: а что такое классовая борьба? Это — искоренение и ликвидация целого класса. Но разве эта борьба не начинается с преступления? Принимая всех капиталистов за мошенников, кровопийц и эксплуататоров, мы не находим против них никакого другого средства, кроме ликвидации. Но на какие радужные перспективы мы можем рассчитывать, если у нас, образно говоря, руки в крови? Поэтому мы неизбежно обязаны найти общий язык с представителями разных классов, которые готовы идти новым путем, бескровным! И у нас есть возможность сообща создать такие условия, при которых каждому найдется правильное место.

Представьте себе, если наши работодатели изменятся благодаря иному поведению рабочих! И представьте, если и мы — рабочие, преобразимся! Ведь это тоже необходимо. Разве во многих из нас не проглядывает капиталист?

Иоганн сделал небольшую паузу. Можно было видеть, как он активно думает. Слушатели не спускали с него глаз, зал замер в полной тишине. И он продолжил:

— Если примером станет наша собственная жизнь, наш народ действительно обретет новую веру, сможет воплотить ее на практике. Это станет началом самой гуманной революции, не ведающей границ. Это будет революция духа, которую ни железный занавес, ни сильная армия не в силах будут остановить. Это бескровный путь, а оттого чистый. Следуя по нему, мы сможем осуществить наши надежды.

Оратора зал поддержал овацией. На этом Макс хотел завершить встречу. Но Герман Штоффмель неожиданно поднялся со своего места и попросил слова. В его голосе чувствовалась истинная вера в произносимые слова:

— Наверное, я первый из выступавших сегодня, кто еще не совсем убежден в правильности идей Морального Перевооружения. Вот уже сорок лет, как я состою в социалистическом движении и являюсь членом компартии.

Зал насторожился. Штоффмель продолжил:

— Сорок лет я боролся за эти идеалы. Научный марксизм для меня не просто догма, а путеводитель во всех деяниях. Я всегда надеялся увидеть, как эти идеалы будут воплощены в жизнь. Но после пережитой нами катастрофы необходимо остановиться и спросить: «А есть ли смысл жертвовать ради этой борьбы не только благополучием, но и жизнью?» В последнее время я очень близко общался со своим давним другом Иоганном Гольцхаузером. Мы обсуждали идеи Морального Перевооружения. Но по-настоящему я заинтересовался ими, прочитав в партийной газете об исключении из партии некоторых известных в Моэрс коммунистов. Тогда я подумал, что в этих идеях действительно присутствует что-то особенное. Я не из тех, кто

слепо подчиняется партийным лозунгам. Я всегда помню, что у меня есть свободная воля. Я протестовал против исключений, считая их ошибкой. Если дело дошло до того, что из партии начали исключать лучших социалистов, значит, с Ко все не так очевидно плохо. Почему партийные боссы боятся Морального Перевооружения, если эти идеи не представляют ценности для коммунистов? А если все как раз наоборот? Может, пришло время иной борьбы — за преобразование нынешнего общества?

И опять в зале все затаили дыхание. Оратор говорил громким, но очень живым голосом, его жесты были убедительны. Высокий, худой, седовласый, он напоминал опытного государственного деятеля.

— Моего друга Йоганна исключили из партии. Неделю назад я больше часа выступал на собрании партийных работников в Штадтгартсаале в Эссене, рассуждал так же открыто, как и сейчас. Результаты последовавшего голосования показали, что меня поддерживает подавляющее большинство. Поэтому теперь ожидаю вызова в президиум партии. Мне интересно, посмеют ли исключить из партии и меня. Вы можете подумать, что я слишком высокого о себе мнения? Возможно, это так. Ведь я ни какой-то там формальный член партии. Я — член парткома, участвую в принятии важных решений. И я собираюсь отстаивать собственное членство в немецкой компартии наряду с основными идеями Морального Перевооружения. Если хорошенько подумать, то станет очевидно — как члены партии, мы сможем сделать гораздо больше по сравнению с тем, если нас исключат. Поэтому я не намерен сдаваться.

Через несколько дней Штоффмель участвовал в крупной партийной конференции в Эссене. Встречу вел заместитель председателя компартии ФРГ Хаинц Реннер. Председатель парткома земли Северный Рейн-Вестфалия Хуго Пауль также выступил с речью. Главной темой было Моральное Перевооружение.

Штоффмель рассказал мне следующее.

Хуго Пауль закончил свое выступление резолюцией:

— Ни один член компартии Германии не имеет права ездить в Ко. Каждый коммунист обязан бороться с движением Морального Перевооружения, как с врагом рабочего класса.

Затем слово передали Штоффмелю. Он поделился своим опытом знакомства с новой идеологией.

— Мой личный опыт доказывает, что если мы боремся за мир и взаимопонимание, нам необходимо отнестись к идеям Морального Перевооружения серьезно.

В зале послышались выкрики, поднялось волнение.

Штоффмель решительно обратился к публике:

— Перед кем я здесь выступаю?! Перед чернью или просвещенными людьми?!

Председатель тут же призвал зал к спокойствию, чтобы Штоффмель мог продолжить:

— Мы должны обсуждать идеи Морального Перевооружения более широко. Надо серьезно отнестись к вопросу о возможности преобразования человека.

Он предложил следующую резолюцию:

— Мы, присутствующие здесь деятели компартии Германии, согласны рассмотреть и обсудить цели Морального Перевооружения.

Как показали результаты проведенного голосования, четырехста человек проголосовали за резолюцию Штоффмеля и четырехста семь — за Хуго Пауля.

Накануне Рождества я получил письмо от Германа Штоффмеля. Он писал:

— К сожалению, я не смогу встретиться с вами вечером. Сегодня решается вопрос о моем исключении из партии. Встреча в Моэрсе произвела на меня глубокое впечатление, у меня возникло множество вопросов. Я надеюсь, в скором будущем мы сможем их обсудить.

Штоффмеля вызвали в парткомитет. Сначала ему пробовали доказать, что идеология Морального Перевооружения по всем статьям уступает коммунистической. Когда это не помогло, его стали уверять, что Пауль Куровский подкуплен в Ко американскими империалистами.

— Он получил от них новую мебель и ковер! — приводили они убийственные доводы.

Но Герман совсем недавно был в гостях у Куровских. Мебель там стояла все такая же старая, а ковра и в помине не было. И угощали его, как обычно, самой простой едой. Видимо, империалисты оказались слишком жадными.

Тогда товарищи из парткомитета пообещали Штоффмелю место в городском совете Дортмунда. Но за это он должен написать разоблачающую статью про Моральное Перевооружение. Штоффмель отказался.

Через месяц, 28 января 1950 года, на внеочередном партийном собрании в Эссене Германа Штоффмеля исключили из партии.

В компартии земли Северный Рейн-Вестфалия поднялось волнение. На еще одном внеочередном собрании 8 декабря 1949 года была проведена основательная чистка среди руководства, партийного аппарата и вообще среди тех, кто «...был заражен враждебной идеологией».

В газете «Манчестер Гардиан» от 8 февраля 1950 года писали об этих чистках. Статья назвалась «Моральное Перевооружение как новая коммунистическая ересь». В ней цитировали слова нового председателя компартии земли Северный Рейн-Вестфалия Йозефа Ледвона:

— Одним из наиболее опасных симптомов заражения была все более тесная связь между членами партии и посланцами Морального Перевооружения, — объяснял Ледвон необходимость чисток.

Хуго Пауль, исключивший из партии Бладека, Куровского и Бенеденса, теперь сам был снят с поста председателя компартии за недостаточную бдительность к враждебной идеологии, проникшей в ряды партии.

Нельзя не полюбить Рур, несмотря на смог в воздухе, угольную пыль и морозящие дожди. Там бывают и солнечные дни,

когда на фоне шлаковых гор и удручающей панорамы фабричных труб зеленеют газоны и буковые деревья. Но главное достояние Рура — это рабочие.

Там, в Руре я тесно сблизился с семьей Хеске. Их дом в Эссен-Шоннебек находился буквально в нескольких метрах от шахты, где работал Фриц Хеске. Еще с юности он активно принимал участие в рабочем движении, был известным членом компартии с 1931 года. В середине 30-х годов он попал в тюрьму за организацию сопротивления нацистам и провел в заключении два года.

Выйдя из тюрьмы, он на протяжении семи лет не мог найти работу. Мешали его политические взгляды. Семья существовала на заработки его жены Йетхен, она трудилась прачкой.

Йетхен часто болела, от переутомления теряла сознание. Однажды, отправившись за зарплатой, она упала в обморок прямо у входа в кассу. Кассирша-нацистка, швырнув ей деньги, с издевкой посоветовала:

— Купи на эти деньги веревку, чтобы было на чем повеситься!

После падения гитлеровского режима Фриц снова занялся созданием компартии в своем районе. Он организовал ячейку, в которую вступили сто человек из шахты Цоллферайн, 3/10, где он был председателем профсоюзного комитета. Фриц пользовался большим уважением среди рабочих. Шахтой руководили коммунисты. В 1948 году он побывал на Народном конгрессе в Восточном Берлине в качестве представителя от рабочих.

Я не забуду того вечера, когда мы впервые пришли к Хеске. У нас возникли трудности. Мы хотели показать в Руре спектакль «Забывтый фактор» и ожидали приезда труппы из шестидесяти человек. Надо было куда-то всех поселить.

Пересмотрев все возможные варианты, мы решили обратиться за помощью к Фрицу Хеске, который побывал на одной из встреч Морального Перевооружения. Прослушав речи ораторов и выступление интернационального хора из Ко, Хе-

ске ушел, никак не выразив своей реакции. Мы сочли это хорошим знаком.

Идти к Хеске за помощью поручили мне и еще одному немецкому товарищу.

Подъезжая к Эссен-Шоннебеку, я остановил машину:

— Знаешь, — обратился я к моему спутнику, — мне не хочется туда идти. Я очень неловко себя чувствую с незнакомыми людьми.

— И я тоже, — ответил он. — Ты думаешь, нас выгонят? Хеске сильный и вспыльчивый человек.

Шахта Цоллферайн находилась совсем рядом, мы могли видеть, как вращаются ее огромные колеса. Сидя в машине и обсуждая свой визит к Хеске, мы ощутили потребность в духовной помощи. У нас не было другого средства, кроме молитвы. Обращаясь к Богу, мы просили освободить нас от страха и неуверенности, помочь найти нужные слова в беседе с Фрицем. В тишине молитвы к нам пришло несколько простых и ясных идей о том, что сказать Хеске. Положившись на это, мы подъехали к его дому.

Дверь открыла фрау Хеске. Она была среднего роста, полная женщина лет пятидесяти. Мы представились, и она с улыбкой пригласила нас войти. В чисто прибранной и уютной гостиной за письменным столом работал Хеске.

Очень скоро мы обнаружили, что Фриц ценит дружескую беседу. Вместе с женой он увлеченно слушал наш рассказ о том, как каждый из нас пережил встречу с Моральным Перевооружением.

Фриц поделился своим опытом:

— Я побывал на информационной встрече в Кенигсвинтере, как представитель от рабочих. Мне понравился хор и светлые, радостные лица людей. Четыре абсолютные нравственные нормы, о которых вы говорите, имеют место быть.

Позднее Фриц рассказал нам, что один из товарищей по партии, узнав о приглашении в Кенигсвинтер, предупредил его, что встречи с Моральным Перевооружением запрещены.

А на следующий день из парткомитета в Эссене он получил официальный запрет на поездку.

Сын Фрица, которого недавно избрали в представители Свободной молодежи Германии, очень хотел участвовать в слете молодых коммунистов в Восточном Берлине и поэтому тоже настойчиво отговаривал отца от поездки. Но Хеске рассудил по-своему:

— Разве я, как представитель рабочих, не должен иметь личного мнения о Моральном Перевооружении, чтобы хотя бы со знанием дела отвечать на вопросы, которые мне постоянно задают об этом движении?

Наш разговор, временами даже шуточный, мы продолжили на кухне, где фрау Хеске угостила нас кофе с домашним печеньем. Этот день стал началом нашей многолетней дружбы. Когда мы собрались уже уходить, вернулся сын Хеске, он работал электриком в трамвайном парке в Эссене. Между нами возник энергичный диалог, мы были поражены остроумием и сознательностью молодого человека.

Стоя на пороге, мы рассказали Фрицу о возникшем затруднении с расселением театральной труппы.

— Я помогу вам, — не раздумывая ответил он.

Накинул на плечи куртку и вышел вместе с нами. За короткое время ему удалось найти жилье для пятнадцати человек.

Через два дня мы снова встретились с Фрицем. Он показал письмо от партсекретаря в Эссене, в нем говорилось о вызове на районное собрание.

— На собрании присутствовало примерно шестьдесят партийцев, — рассказывал потом Хеске. — Сначала выступил партсекретарь Эссена. Он в резких выражениях изложил позицию партии по отношению к Моральному Перевооружению. Затем принялся обвинять меня в нарушении партийной дисциплины, в отклонении от идеологии. Когда мне дали слово, то по лицам присутствующих я понял, что они ждут оправданий. А я почти сорок минут объяснял им, что как представитель рабочих, имею право знать вещи, о которых меня посто-

янно спрашивают. Что мои личные наблюдения убедили меня в том, что Моральное Перевооружение отстаивает интересы мира, что четыре абсолютные нравственные нормы верны и необходимы.

После того, как Фриц отказался подписать обещание прервать любые отношения с Моральным Перевооружением, было предложено исключить его из партии. Тридцать восемь человек проголосовали «за», девять — «против» и двадцать — воздержались.

На собрании присутствовал сын Хеске. Происходящее настолько возмутило его, что он тоже выступил:

— Мой отец пожертвовал всем ради партии, в создании которой участвовал на протяжении двадцати лет! — возмущался он. — И в знак благодарности его в один миг исключают! В такой партии мне тоже больше нечего делать!

И отец с сыном демонстративно покинули зал, к ним присоединился еще один партиец.

10 марта 1950 года в газете «Neue Volkszeitung» вышла статья под названием «Моральное Перевооружение как средство подготовки войны». В частности, в публикации говорилось:

«Поведение Хеске в течение долгого периода давало повод для серьезной критики... Несмотря на неоднократные предупреждения товарищей по партии, пытавшихся указать на ошибки, Хеске объявил, что согласен сотрудничать со всеми, кто борется за мир, а значит, и с Моральным Перевооружением. Он не признает факта, что члены Морального Перевооружения являются агентами империалистских поджигателей войны, готовящих новый конфликт».

И еще:

«С агентами Морального Перевооружения нельзя вступать в дискуссии, с ними надо вести непримиримую борьбу. Оснований, по которым ни один порядочный человек, выступающий за мир и прогресс, не может иметь с ними дела, предостаточно. Всякий же, кто вступает в контакт с этими американскими

агентами, поневоле становится одним из них, и поэтому автоматически выбывает из рядов партии».

Исключение из партии не могло пройти для Фрица бесследно. Но он понял, что пришло время, когда отношение к человеку должно базироваться на новых ценностях. Он хорошо знал закулисную борьбу за власть, которую вели партийцы. Его сын Фрицхен был настолько шокирован исключением отца, что не поехал на фестиваль молодых коммунистов в Восточном Берлине. А вместо этого принял участие в значимой встрече Морального Перевооружения в Гельзенкирхене.

Но сильнее всего укреплению новых убеждений Хеске способствовали перемены в его доме. Впервые отец и сын могли быть до конца открыты друг другу.

В семье Хеске отношения складывались не просто. Фрау Йетхен принадлежала к евангелической церкви. Фриц порвал с церковью и с двадцати лет вел активную борьбу против нее. Партийная работа отчуждала его от семьи. Когда в его доме случались собрания, он отправлял Йетхен на кухню. Поглощенный революционной деятельностью, он перестал замечать жену, любовь к ней превратилась в формальность. И такая жизнь для самой Йетхен стала кошмаром.

Когда же Фриц начал следовать четырем нравственным нормам, прислушиваться к голосу совести, жизнь в семье изменилась.

Однажды, чтобы как-то загладить прежние безрадостные отношения, Фриц приготовил для Йетхен сюрприз. С детской улыбкой, предвкушая радость, он преподнес ей новую корзину для шитья, крышка которой была искусно вышита причудливыми цветами. Чтобы купить ей этот подарок, Фриц перестал играть в покер и выпивать по субботам. Так он скопил немного денег.

В жизни Йетхен наступила новая полоса. Теперь Фриц каждый день рассказывал жене обо всем, что происходило на шахте, в профсоюзном комитете, делился с ней своими проблемами. Чувствуя доброе отношение, Йетхен расцветала. Она го-

това была во всем поддерживать мужа, его борьба естественным образом стала ее борьбой.

Как-то к Йетхен зашли две женщины, они состояли в партии. Не успев переступить порог дома, они начали эмоционально критиковать Фрица:

— Если бы только видела, как он заигрывает с другими женщинами, как фривольно ведет себя на партийных вечеринках!

Йетхен не хотела их слушать. Тогда они стали льстить ей и уговаривать вступить в партию. И тут Йетхен перешла в наступление. Она показала им цветную фотографию:

— Вот Горный дом. Мой муж побывал там. Это центр Морального Перевооружения в Европе.

Заинтриговав их, она предложила женщинам прийти вместе с мужьями на одну из встреч, чтобы подробнее узнать про Ко, составить личное мнение, а не рассуждать с чужих слов. Но женщины отказались:

— Нет, нет. Мы и так все знаем. В партийных газетах читали.

А уходили они с угрозами:

— Подожди, скоро придут русские... А когда они придут, мы вам покажем!

Перед одним из моих отъездов в Осло Йетхен просила меня зайти к ним. Когда я пришел, она всунула мне в руки сверток.

— Мы хотели пожелать тебе счастливого пути, — сказала она.

Я осторожно развернул бумагу. В нее была завернута ваза — может быть, самый ценный предмет в их доме.

— Передай это твоим родителям, — попросила она. — Я хочу, чтобы у них было что-то на память от нас с Фрицем.

Впоследствии между Йетхен и моей матерью завязалась переписка, которая постепенно переросла в сердечную дружбу.

Рождество 1950 года я провел вместе с семьей Хеске. Праздничный обед состоял из добротной шахтерской еды: картофеля, бобов и свинины. После кофе с разнообразной домашней выпечкой, я рассказал им о норвежских рождественских тради-

циях, о наряженной, сверкающей огнями елке и рождественском гноме. Потом мы долго сидели в тишине, доносился лишь слабый шум кофейника, который сохранял тепло на вычищенной до блеска плите.

Первой нарушила молчание Йетхен. Она раскрыла старую Библию и прочла рождественский текст из Евангелия. Для нее это было священнодействием. Ее голос сбивался и дрожал, но она читала от всего сердца, ее лицо лучилось. После чтения Фриц запел рождественскую песню: «Stille Nacht, heilige Nacht» («Тихая ночь, Святая ночь»), — ее подхватили и остальные.

Я слушал. Высокий голос Йетхен диссонировал с низким, своеобразным тембром голоса Фрица. Получалось не очень складно, но в пении чувствовались подлинность и искренность. А какими были их глаза! Их переполняли глубокая радость и покой. Я вспомнил, как Йетхен сказала мне однажды:

— Было время, Лейф, когда я думала, что для меня никогда больше не настанет светлых времен. Но как все изменилось! Тринадцать лет я молилась Господу, чтобы наша семья снова стала единой.

Постепенно Йетхен все более глубоко втягивалась в нашу работу в Руре. Сюда часто приезжали делегации из Азии и Африки, чтобы больше узнать о деятельности Морального Перевооружения. Хеске принимали у себя множество гостей, и Йетхен встречала всех с неизменным материнским радушием.

Но не все шахтеры разделяли новые взгляды Фрица, все чаще он стал подвергаться нападкам со стороны недругов. Но его поведение изменилось коренным образом благодаря ежедневной медитации. Когда человек внутренне спокоен и уверен в себе, хорошие мысли приходят чаще. Фриц не только сам много думал об идеях Морального Перевооружения, но и знакомил с ними других людей.

Особой популярностью он пользовался среди шахтеров, которые входили в созданную им партийную ячейку. Кстати, раньше Фриц обучал их основам коммунистической идеологии.

Теперь же перед ним стояла иная задача — научить других людей мыслить по-новому. Он начал с того, что попытался создать условия для диалога, невзирая на противоречивые позиции и интересы. Впервые в жизни он бескорыстно работал для всех: социалистов, христианских демократов, коммунистов и политически нейтральных людей, стараясь наладить между ними сотрудничество.

Решающим испытанием стали выборы в профсоюзный комитет, которые состоялись через несколько месяцев после его возвращения из Ко. Партия организовала против Хеске мощную кампанию. Были пущены в ход любые средства, лишь бы исключить Фрица Хеске из комитета: на него клеветали, писали очерняющие листовки, распускали отвратительные слухи...

Фриц сохранял спокойствие. За два дня до выборов он прикрепил на доску объявлений плакат, где излагались основные принципы Морального Перевооружения, которым он следовал сам. Хеске был переизбран на место председателя профсоюзного комитета, число голосов, отданных за него, превышало все предыдущие результаты.

Благодаря своей неустанной борьбе и твердой воле, несмотря на травлю, у Хеске расширился круг друзей. Через три года его деятельность поддерживало большинство шахтеров его ячейки, с которыми он работал.

Фриц понимал, что новые идеи — не только достояние рабочих. Он прилагал все усилия для того, чтобы наладить открытое и честное сотрудничество с администрацией шахты.

Первым руководителем, с которым он встретился, был заместитель директора — кстати, один из самых несговорчивых. Фриц рассказывал:

— Когда мы вместе поехали в Ко, то вели себя по дороге в Швейцарию, словно кошка с собакой. А обратно возвращались уже друзьями, твердо зная, что теперь нас объединяет общее дело.

Следующим летом в Ко отправился директор шахты.

Фриц только теперь осознал, что с помощью методов классовой борьбы он фактически ничего и не добился. А после того, как начал применять абсолютные нравственные нормы и преобразил свою жизнь, доверие к нему среди рабочих и дирекции значительно возросло. Это способствовало созданию благоприятной атмосферы для всех работников шахты.

— Новые проблемы возникали постоянно, но мы всегда умели отыскать правильное решение благодаря теплым доверительным отношениям, — рассказывал Фриц.

Когда мы познакомились с Фрицем Хеске и его семьей, город Гельзенкирхен являлся фактически главным центром Морального Перевооружения в Руре.

Его называли «городом тысячи огней», потому что он был расположен в сердце индустриальной зоны. В Гельзенкирхене действовали чугунное и сталепрокатное производства, работали химические заводы, предприятия угольной промышленности. Население составляло четыреста тысяч человек.

Тринадцать крупных разработок по добыче угля, объединяющих 60-70 шахт, считались основой экономической жизни города.

Обосновав штаб-квартиру движения в самом центре индустриального района, мы с Йенсом Юнатаном поселились в Гельзенкирхене.

Этот город стал центром Морального Перевооружения благодаря Августу Метцингу и его жене. Летом 1949 года они побывали в Ко, и там бывший сторонник классовой борьбы Метцинг выступил с речью. В президиуме в том момент сидел генеральный директор крупнейшей угольной компании Рура.

Метцинг закончил свою речь такими словами:

— Здесь присутствует самый консервативный из всех работодателей в Руре. Но благодаря личному преображению, а так-

же принципам Морального Перевооружения, я согласен с ним сотрудничать.

И он протянул генеральному директору руку. Они познакомились, Август предложил ему пригласить директоров шахт и представителей от рабочих в Ко.

Предложение было принято. Приехав в Ко, они были настолько приятно поражены увиденным, что пригласили в Гельзенкирхен театральную труппу для постановки «Забывтого фактора».

За несколько недель этот спектакль посетило более двадцати тысяч зрителей, у нас появилось много новых сторонников. Нас уговаривали чуть ли не навсегда остаться в Гельзенкирхене, обещали предоставить в распоряжение Морального Перевооружения жилье и помещения для собраний.

Весной 1950 года несколько известных немецких лидеров обратились к нам с просьбой организовать конференцию в Руре. Федеральный канцлер Конрад Аденауэр писал Франку Бухману:

«Моральное Перевооружение в послевоенной Германии стало уже привычным понятием. Прежде всего я подразумеваю те успехи, которые достигнуты рабочей группой Морального Перевооружения в Руре благодаря пьесе «Забывтый фактор». Представители крупных политических, деловых кругов и профсоюзов смогли познакомиться с идеями Морального Перевооружения. Многочисленные политические лидеры, руководители профсоюзного движения, индустрии и торговли были приглашены для участия в ежегодных конференциях в Ко. Они благодарны за предоставленную возможность обсудить самые насущные проблемы Германии на международном уровне, в атмосфере теплого сотрудничества с представителями свободных стран. Я думаю, что на фоне растущего влияния тоталитарных идеологий, исходящих, прежде всего, из Восточной Германии, Рур должен стать общепризнанным оплотом идей Морального Перевооружения».

Конференция открылась массовой демонстрацией в Гельзенкирхене весной 1950 года. По времени она совпала с фестивалем в Восточном Берлине под названием «Свободная немецкая молодежь». В этом фестивале участвовали тысячи молодых коммунистов.

Зал, где проходила конференция, был рассчитан на две тысячи человек, но людей пришло в несколько раз больше. Собрались шахтеры, сталевары, рабочие индустрии, политические лидеры со всего Рура и других районов Германии. На свой страх и риск, проделав долгий путь, на конференцию приехала и группа активистов из зоны советской оккупации.

Среди представителей двадцати четырех наций присутствовала вдова премьер-министра Японии Аугун Сан, председатель японского союза железнодорожников Этсуо Като, Ирэн Лор и сенатор Теодор Грин, близкий сотрудник Рузвельта.

В прессе это собрание назвали самым многонациональным из всех встреч, когда-либо проходивших в Гельзенкирхене.

В президиуме сидели люди, наиболее активно участвовавшие в подготовке этой встречи: Макс Бладек, Пауль Куровский, Вилли Бенеденс, Иоганн Гольцхаузер и Герман Штоффмель. Рядом с ними заняли места лидеры немецкой промышленности.

«Судьба Востока и Запада» — так определил тему своего выступления Франк Бухман. Его речь, обращенную к миллионам людей, передавали все западногерманские радиостанции:

— Марксисты обращаются к новому мышлению во времена кризиса, — говорил Бухман. — Идея классовой борьбы устарела. Работодатели и рабочие начинают воплощать в жизнь положительную альтернативу классовой борьбы. Является ли преобразование человека главной основой единства всех? Способны ли изменить свое мировоззрение марксисты? Смогут ли они усвоить новый образ мыслей? Смогут ли расчистить путь для высшей идеологии? Я бы рискнул дать на все эти вопросы положительный ответ. Марксисты всегда были открыты для всего нового. Всегда были пионерами, которые шли в тюрьмы

за свою веру, жертвовали жизнью за свои убеждения. Разве они не способны встать во главе борьбы за новое высшее мышление?!

Зал слушал речь Бухмана, затаив дыхание. Много из того, о чем так страстно и убежденно говорил, уже стало реальностью. Разве опытные пропагандисты марксистских идей Бладек, Куровский, Бенеденс, Гольцхаузер, Штоффмель не сидели в президиуме, не отстаивали идеалы Морального Перевооружения?

Затем слово взял Штоффмель:

— Возможно ли построить новый мир? — обратился он к залу. — Мы отвечаем «да»! Из глубины наших сердец мы даем этот ответ! Благодаря четырем основным принципам Морального Перевооружения мы обнаружили для себя нечто новое. Вы можете возразить, напомнив нам, что принципы эти отнюдь не новы. Что это все те же нравственные ценности, на которых основано христианство и социализм. Правда, ценности эти никогда не были воплощены в жизнь. И в этом огромная разница! Мы убеждены, что жизнь может быть изменена в лучшую сторону только тогда, когда к лучшему изменятся люди. Поэтому мы обращаемся ко всем рабочим, работодателям, политикам — боритесь сообща за лучшие перемены в жизни! Измените сами свою жизнь! Но не думайте, что это легко! Мы призываем всех людей, — сказал Штоффмель в заключении, — бороться за новый мир! Где можно жить в мире и благополучии, где не было бы места угрозам и войнам.

Выступления других ораторов произвели на участников конференции не меньшее впечатление. Лидеры промышленных отраслей публично обещали сотрудничать с бывшими коммунистами, чтобы найти новые пути индустриального развития. Они были едины в главном — преобразование общества сделает Германию единой и сильной страной. Это и есть путь к возрождению.

Затем последовали выступления молодых ораторов. Среди них были Фрицхен Хеске, который, кстати, не поехал на моло-

дежный фестиваль в Восточном Берлине, сын директора угольного концерна в Гельзенкирхене, сын премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия.

Заседание продолжалось больше трех часов, но никто не спешил расходиться. Люди задавали вопросы, хотели узнать больше про Ко и Моральное Перевооружение.

— Единство — наша единственная надежда, — говорил Бухман. — В единстве — судьба Франции и Германии. Судьба не только отдельных стран, но и всего Запада, всего Востока. Альтернатива же печальна — это раскол, войны и крах благополучного будущего. Моральное Перевооружение предлагает преобразование человека, как самый мирный шанс на пути к новой достойной жизни.

Б

БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕКА

В еСТЬ об этой «более значимой революции» распространялась, как огонь в сухой траве. Идеи и жизненные установки лидеров в Моэрсе и Эссене находили сторонников и в других районах Рура. Активные партийные работники, люди с почти тридцатилетним опытом революционной деятельности, невзирая на запреты и угрозы со стороны руководства партии, уезжали на международные конференции в Ко. Они отправлялись поодиночке или делегациями, всех их объединяло стремление составить свое собственное мнение о Моральном Перевооружении.

По возвращении их так же, как Бладека, Куровского, Штоффмеля и Хеске, исключали из партии. Это происходило независимо от партийного положения. Являлся ли человек основателем партии, лидером районной ячейки или просто рядовым коммунистом, причина исключения была общей для всех — поездка в Ко. События, происходившие в Моэрсе и Эссене, теперь повторялись в Дортмунде, Бохуме, Гельзенкирхене, Гладбеке, Люннене и других городах.

Вольно или невольно, но этот авангард, состоявший из радикальных рабочих, оказался в самом центре идеологической борьбы в Руре, которая хотя и велась незаметно, но разгорелась с особой силой в период профсоюзных выборов.

Макс Бладек как-то сказал:

— Выборы в профсоюзные комитеты тяжелой индустрии имеют огромное значение. Они важнее политических выборов. Коммунисты знают это и делают все для того, чтобы заполучить власть на фабриках и в шахтах.

Мнение Макса подтверждают и слова английского коммунистического лидера Гарри Поллитта, произнесенные после поражения партии на выборах в парламент 1950 году:

— Самые главные проблемы решались не в реакционном парламенте, а благодаря борьбе рабочих масс на улицах и на фабриках.

На выборах в профсоюзные комитеты в 1949-50 годах коммунисты заметно проигрывали. Это стало фактом на партийном конгрессе в Веймаре 30 марта 1951 года, когда Вальтер Ульбрихт — генеральный секретарь Социалистической Единой партии Германии, занимавший высокое положение в советской части Германии, присутствовал на конгрессе в качестве почетного гостя. Прослушав доклады председателя компартии Макса Реймана и его заместителя Хейнца Реннера, Ульбрихт выступил с речью, в которой подверг резкой критике слабые стороны партийного конгресса:

— Речь товарища Реннера не очень нас обрадовала. Почему? — задал он риторический вопрос залу. — Конечно, члены Бундестага очень занятые люди (послышался смех в зале), но их отсутствие на выборах в профсоюзные комитеты тяжелой индустрии Рура — плохой знак (раздались одобрительные возгласы и аплодисменты). Многие интересовались моим мнением относительно подготовки партийного конгресса. Скажу прямо — конгресс готовили, более всего опасаясь критики и самокритики (зал взорвался бурными аплодисментами). В этом его главная слабость. Именно поэтому отдельные темы, о которых ничего не было сказано перед конгрессом, должны быть рассмотрены после него. И рассмотрены самым решительным образом! Партия потерпела серьезное поражение на выборах в профсоюзные комитеты в области Гельзенкирхена. И этот

факт должен стать главной темой публичных дебатов в Рура, при подготовке к партийному конгрессу. Ведь это и есть причина №1 нашего поражения в Гельзенкирхене.

Последовавшие выборы в профкомитеты в Рура в ноябре 1951 года сопровождались интенсивной агитационной кампанией. За десять дней в коммунистической газете «Neue Volkszeitung» было опубликовано шесть статей, в которых Моральное Перевооружение подвергалось сильным нападкам. Авторы публикаций призывали людей ни в коем случае не голосовать за тех, кто ездит в Ко или симпатизирует Моральному Перевооружению. Отступников от идей партии называли «морально невооруженными трусами и врагами рабочего класса».

Заместитель председателя компартии Хейнц Реннер предупредил Германа Штоффмеля:

— Мы твердо намерены пресечь влияние Морального Перевооружения в профкомитетах, а само движение превратить не более чем в секту.

Каждый день у входа в шахты коммунисты расставляли своих людей, которые раздавали листовки и распространяли клеветнические слухи среди шахтеров.

Проявляли активность и крупные партийные боссы. Одним из них был Вилли Агатц, наиболее опытный из профсоюзных работников Рура среди коммунистов. В 1946-47 годах он являлся заместителем председателя Союза шахтеров Западной Германии.

В 1949 году его избрали в Бундестаг. Находясь в Бонне, он по-прежнему считал важнейшей задачей обеспечить победу товарищей по партии на выборах в профкомитеты Рура.

2 ноября Вилли Агатц был главным оратором на шахтерской конференции, организованной коммунистами в Бохуме. На следующий день газета «Neue Volkszeitung» обильно цитировала его речь:

«На выборах в профкомитеты нашей главной задачей является борьба с агентами Морального Перевооружения, которую необходимо вести с максимальными усилиями».

4 ноября он выступил перед членами коммунистического руководства Эссена и района Гельзенкирхена. И опять слышались знакомые призывы:

— Создавайте активные ячейки на шахтах! Они будут препятствовать гонке вооружений, бороться за права рабочих и мир.

Хотя понятно, что основной задачей для коммунистов было возвращение утраченной в 1949-50 годах власти на шахтах.

Не только Вилли Агатц потрудился приехать из Бонна в Рур. Его соратники Макс Рейманн и Хейнц Реннер также активно действовали.

Но мы не ленились встречаться с рабочими, открыто беседовать, разъяснять свои позиции. Иногда случалось, что после встречи с нами к этому же рабочему на следующий день приходили коммунисты. Они склоняли его к сотрудничеству с партией или приглашали в Восточную Германию, где он мог бы посмотреть народные предприятия, оценить преимущества другой жизни. А на следующий день снова приходили мы.

Когда на партийном конгрессе Вальтер Ульбрихт говорил о причинах поражения партии на выборах в профкомитеты, он не назвал того факта, что лидеры семи самых крупных шахт Гельзенкирхена побывали в Ко, а потом за это были исключены из партии.

Каким было положение этих людей на выборах в ноябре 1951 года?

Председатель профсоюза шахты Бергманнsgлюк (3600 рабочих) был активным членом партии в течение двадцати восьми лет. После того, как он стал интересоваться идеологией Морального Перевооружения, партия предприняла все меры для того, чтобы исключить его из профкомитета. Но, несмотря на клеветнические статьи, которые публиковали о нем перед выборами, он с существенным отрывом от других соперников был переизбран на пост председателя профкомитета.

Член профкомитета шахты Бонифаций (3000 рабочих) еще в Ко сказал нам, что теперь на выборах у него не будет никаких шансов. Но он получил на двести восемь голосов больше, чем

на всех предыдущих выборах! А его ближайшего товарища по профкомитету, основателя компартии в Гельзенкирхене, также побывавшего в Ко, переизбрали с еще большим числом голосов. Председатель профкомитета этой шахты был тоже переизбран, хотя посетил Ко дважды.

За вечер перед выборами в шахте Граф Мольтке (3500 рабочих) коммунисты раздавали листовки с жестокими нападка-ми на председателя профкомитета, который поддерживал идеи Морального Перевооружения. Вместе с ним критиковали еще одного коммуниста, исключенного из партии из-за Ко. Хотя они не имели возможности публично защищаться, их все-таки переизбрали на новый срок вместе с четырьмя другими членами профкомитета, побывавшими в Ко всего несколько месяцев назад. Председатель профкомитета был переизбран в третий раз в качестве представителя двадцати пяти тысяч рабочих угольной компании.

В шахте Цоллфереин, 3/10 Фрица Хеске выбрали на пост председателя профкомитета.

В западной части Индустриальной зоны Макс Бладек получил большее число голосов, чем на прошлых выборах, он остался председателем профкомитета Рейнпрройссена-4 в Моэрсе.

В северной части Рура, в городе Кастроп-Рауксель находится шахта Эрин (4500 рабочих). Председатель и заместитель председателя профкомитета (оба бывшие коммунисты) подвергались нападкам из-за своей деятельности в Моральном Перевооружении, но оба были переизбраны с количеством голосов, превосходящим результаты предыдущих выборов. Двое других членов профкомитета, побывавших в Ко перед самыми выборами, также получили наибольшее количество голосов по сравнению со всеми прежними результатами.

На севере Германии, в Люнене, там, где шахты намного глубже, находится шахта Виктория (3400 рабочих). Ведущий коммунист профсоюза, который одновременно являлся лидером компартии в Люнене, тоже побывал в Ко. Когда он вернулся, события развивались по отработанной схеме — его исключили

из партии, оклеветали. Однажды он был даже жестоко избит на улице. Тогда его ближайший товарищ по партии выступил в его защиту, и в знак протеста покинул партию. Следуя его примеру, четырнадцать других членов объявили о выходе из партии. На выборах число голосов за его кандидатуру возросло на сто восемьдесят девять голосов по сравнению с предыдущими результатами. А проявивший солидарность товарищ собрал максимальное количество голосов, если сравнивать со всеми остальными кандидатами.

В целом выборы 1951 года показали, что влияние коммунистов в профкомитетах заметно ослабло.

Это подтверждают и слова члена руководства Союза шахтеров ФРГ Губерта Штейна на конференции Морального Перевооружения в 1951 году:

— В течение последних трех лет процент проголосовавших за коммунистов в профкомитетах угольной промышленности Рура упал с 75 процентов до 22. Это произошло благодаря деятельности Морального Перевооружения.

Носила ли наша борьба политический характер?

Находясь в самом центре этой борьбы, мы знали, что дело не в политике. То, чему мы посвятили свои жизни, намного глубже любых, даже самых лучших политических программ.

Разделяя радость и страдания наших друзей, их успехи и неудачи, мы сами становились неотъемлемой частью жизни Рура.

В то время я часто размышлял о том, как тяжела жизнь женщины в таких индустриальных районах, как Рур. Она встает в четыре или пять часов утра, готовит завтрак, собирает на работу мужа. Затем посвящает день заботе о детях, уборке, стирке и множеству других домашних дел. Потом готовит обед, ужин, а вечером шьет или ремонтирует одежду. Ложится спать женщина последней. Но благодаря своему щедрому сердцу этот тяжелый повседневный труд она умеет превратить в радость.

В женщинах Рура, как правило, солидных и крупных, чувствовалось какое-то особое величие, умение преподнести себя. Порой, главная роль в доме принадлежала именно им.

Если иногда им выпадало немного свободного времени, они собирались в кафе, в одном из торговых центров, где за чашкой кофе, частенько с большим куском торта, переговаривались, обсуждали последние новости, шутили и отдыхали. Возвращаясь домой, они всегда покупали что-нибудь вкусненькое для семьи.

Добросовестная работа — честь для рабочего Рура. Он получает удовольствие от своей работы. Он не допускает прогулов и безответственности — ни у верстака, ни в шахте, ни в литейном цеху. Я не раз с восхищением наблюдал за ловкостью и сноровкой, с которой он умеет трудиться.

Примечательно, что и в домашней жизни они исповедуют такой же подход — все должно быть качественным! Если семья идет в театр или на концерт, то выбирает лучший спектакль, лучшую музыкальную программу. Они ходят в храм искусства с почтительностью и благоговением, и это отношение превращает поход в настоящее радостное событие. Ежегодные летние показы классических спектаклей посещают тысячи рабочих!

Конечно же, кто-то предпочитает отправиться в пивную, а не в театр. Там можно вести споры о зарплате и тарифах, о немецких футбольных командах, о большой политике. Под вечер атмосфера в пивных накаляется, но это не мешает многим посетителям спокойно потягивать пиво.

Воскресенья отличаются особым шармом. Все семейство выходит на прогулку. Семьи рабочих можно встретить по всему Руру, на улицах, в парках, на выставках. Я наблюдал их удивительную любознательность. Они подолгу могут быть поглощены изучением цветов, бабочек или какого-нибудь технического устройства. Некоторые останавливаются на набережных каналов и следят за движением судов и барж. Другие устраиваются на газонах или склонах у автострад, подолгу наблюдают за бесчисленным потоком машин.

Но главное событие дня — это обед в ресторане, которым угощает семью отец. Ресторан часто переполнен людьми, но там можно сколько угодно сидеть и слушать оркестр, исполняющий знакомые и любимые мелодии.

Характер людей Рура такой же бурный и динамичный, как сам Рур. Их энергия и сила могут залпом непредсказуемо прорваться, если их вовремя не укротить, не направить на служение высшей цели.

Как-то раз, когда мы были в гостях у одного из членов профсоюза, он и его жена рассказали нам, что буквально перед нашим приходом поссорились.

— Я задержался на работе, а жена заподозрила, что я снова пропустил где-то несколько рюмок, — делился переживаниями муж. — Это меня возмутило. Мы так разругались, что я швырнул тарелку с едой прямо в стену. Жена, хлопнув дверью, выбежала из кухни. Когда гнев во мне поутих, я некоторое время сидел в тишине. И мне стало ясно, что я виноват, что должен попросить у жены прощения.

О примирении они рассказывали уже вдвоем, с юмором, весело перебивая друг друга.

Мы поняли, что стали частью повседневной жизни этих людей. Но близкими друзьями нас делало нечто более глубокое, чем повседневные события.

У некоторых из рурских рабочих близкие родственники жили в зоне советской оккупации. Случалось, что к ним из Восточной Германии приезжали партийцы. Беседовали, интересовались жизнью. Эти люди вели свою игру, и после дружеских слов прощания могли неожиданно добавить:

— Если не будете нас поддерживать, неизвестно, что может случиться с вашими родными!

Я знал семью, где муж, состоявший в партии двадцать пять лет, был исключен из нее за поездку в Ко. К его жене, которая еще оставалась членом партии, пришли два партийца и стали убеждать ее развестись с мужем по идеологическим причинам. Она оказалась перед нравственной дилеммой, но, не долго думая, выбрала мужа.

Я помню также двух братьев, которые буквально ненавидели друг друга. Дитер был убежденным коммунистом. Клаус придерживался идей Морального Перевооружения. Однажды, встретившись на улице, они стали оскорблять друг друга, между ними завязалась настоящая драка, из-за чего оба не смогли на следующий день выйти на работу. Дома Клаус вдруг задумался: а правильно ли он ведет себя с братом? Признался сам себе, что на протяжении многих лет завидовал лидерству Дитера. И Клаус решил извиниться перед братом за свою обиду и ненависть.

Арно был еще одним из наших друзей. С 1922 года он активно участвовал в коммунистическом движении, основал партийную ячейку в одном из шахтерских городов. Когда в 1949-50 годах в Рур со спектаклями приехало Моральное Перевооружение, он стал его непримиримым противником. Но его жена, наоборот, увлеклась новыми идеями. Благодаря развитию отношений, происходившему между ними в течение двух лет, Арно на личном опыте убедился в истинности новой идеологии. Хотя ему не удавалось до конца воплотить идеи новой жизни. Его врагом был алкоголь, а старые приятели умели использовать эту слабость. Но со временем Арно, благодаря вере, нашел в себе силы преодолеть порок.

Вместе с женой они решили отметить это знаменательное событие церковным ритуалом в знак благодарности за найденную веру. В этот вечер к Арно пришли старые приятели, один из них был коммунистом, долгое время жил в Восточной Германии. Он все время уговаривал Арно выпить «за старую дружбу», но ничего не вышло.

Некоторых рабочих коммунисты искушали выгодными повышениями по службе. Иногда открыто предлагали деньги. А тем, кто отказывался выполнять требования партии, угрожали физической расправой.

Подобные случаи происходили сплошь и рядом. Жители Рура остро реагировали, когда на них оказывали неприкрытое давление. Они все чаще задумывались, нравственно ли подтал-

кивать их к какому-то выбору, если они внутренне этот выбор не принимают.

Что могли делать мы в таких ситуациях? Только поддерживать того или иного человека в решении внутренних проблем.

Иногда я ощущал полную беспомощность, когда видел, насколько глубокими и сложными бывают человеческие проблемы. Я чувствовал, что во мне идет похожая борьба. Но и я, и мои друзья по собственному опыту знали, что резервы человеческой природы велики. И всегда наступает момент, когда эта внутренняя сила дает о себе знать.

Однажды меня пригласили на встречу с убежденными, вышколенными революционерами. Услышав, что там будет один коммунист, которого я не выносил, я потерял всякое желание туда идти.

— С ним я уж точно не хочу встречаться! — думал я.

Но в момент тишины ко мне пришла ясность:

— Ты избегаешь его, потому что чувствуешь силу его личности, но не выносишь радикальности его суждений. Но ты не должен поддаваться страху или чувству неполноценности. Будь самим собой! Борись за то, что считаешь истинным!

При этом я понимал, что не могу притворяться, вести себя неестественно, изображая из себя того, кем на самом деле не являлся. Только Бог мне мог послать внутреннюю свободу и любовь даже к тем людям, которые, на мой взгляд, заблуждаются.

Не могу объяснить, что после этого осознания произошло. Но факт остается фактом — когда вечером я встретился с этим человеком, то мог только посмеяться над своими страхами. Я свободно рассказывал ему о своих убеждениях, мы впервые общались как друзья, как полезные друг другу люди, невзирая на разницу во взглядах.

В другой раз я неожиданно заметил, что не испытываю дружеских чувств к Йенсу Юнату. Мы много лет проработали вместе и много всего пережили. Но теперь между нами образовалось отчуждение, мы были внешне вместе, но внутренне

разобщены. Я решил искренне проанализировать причины разобщения, и опять получил свыше ясный ответ.

Я завидовал Йенсу Юнатану. Хотя бы потому, что наши немецкие друзья, собираясь в Ко на конференцию, пригласили с собой Йенса Юнатана, а не меня. Меня будоражили всякие мысли, которые сводились к одному: я должен был ехать, а не мой коллега. Но когда я осознал правду о самом себе, я снова ощутил силу, которая поддерживала меня в бесконечные дни в одиночной камере: «Христово прощение. Христова любовь».

И тогда без всякой горечи я признал, что Йенса Юнатана выбрали правильно. Не скрывая сокровенных терзаний, я рассказал обо всем Йенсу. Отчуждение прошло. Более того — мы стали еще ближе друг другу!

Эти простые истории и ситуации показывают, какие сложные внутренние размышления ведут к осознанию истины, к обретению внутренней свободы. Этот обретенный внутренний мир свободы настолько прочен, что его не в состоянии разрушить ни одно государство, ни одна власть, ни одна тоталитарная система.

Поэтому я вновь возвращаюсь к вопросу, который задавал прежде:

— Была ли наша борьба в Руре только политической?

Конечно же, нет. Скорее, мы вели битву за внутреннее освобождение человека, за освобождение его совести, духа, за способность осознать присутствие распространенных человеческих слабостей — ненависти, зависти, трусости... Именно из-за наших слабостей мы становимся орудием злых сил, именно эти силы разъединяют людей.

Это была борьба за умение быть открытым истине, когда голос совести слышат наши сердца, когда в нас происходит божественное преображение.

Отстаивая в Германии идеи Морального Перевооружения, мы противостояли мощной власти. Ее представляли люди, которые ради своей цели с завидной готовностью жертвовали временем, средствами, личной жизнью и благополучием. Они были сильны, жестоки. Они верили в то, что цель оправдывает средства, использовали разные слабости и порочные склонности человеческой природы, считали, что эта природа неизменна. Они использовали человека для того, чтобы захватить и удержать власть. Человек становился средством для достижения революционных целей, а сам по себе, как индивид и личность, ничего не значил.

Со своей стороны мы исходили из опыта, что человеческая природа может быть преобразена Божественной благодатью. Мы вели борьбу не за использование чужих душ, а за их преобразование.

Мы знали по опыту, что стремление любыми средствами захватить власть над людьми можно остановить, что такая сила есть, что она превосходит и нас самих, и наши политические идеи, и политические системы, которые мы выстраиваем. Мы противостояли людям, которые представляли мировую власть, воинствующую идеологию, захватившую умы людей от Рура и Восточного Берлина до Москвы и Пекина. Чтобы раскрыть во всех этих людях духовную личную востребованность, мы должны были предложить им нечто большее, чем жертвенность, идеализм и наши убеждения. Мы нуждались в Божественном благословении и вдохновении, в могущественном духе, способном создать нового человека, сделать человека таким, каким его задумал Бог.

Именно эти процессы стали происходить с Максом, Паулем, Фрицем и их семьями. В их глазах появились новый свет, пламенная убежденность и любовь, которая помогала преодолевать все трудности. Теперь они сами вступили в непрерывную борьбу за преобразование своих противников.

Макс, Пауль, Фриц, их товарищи по личному опыту знали, что люди, отчаянно противостоящие им, в действительно-

сти неосознанно попадали в сети, расставленные ими же самими. Навязываемая ими идеология, согласно которой, человек — лишь средство, ставит под угрозу индивида, у которого никогда нет гарантии безопасности. Используя других, они тоже становятся используемыми. Чтобы выскочить из этого замкнутого круга, им, как и всем остальным, необходимо обратиться к своей духовной сущности, постигнуть такой образ мыслей, который не только обязывает, но освобождает и вдохновляет.

Итак, нам оставалось лишь одно — объединиться в выполнении этой важной задачи, в сущности, превосходящей наши человеческие силы. Мы принимали ситуацию такой, какой она была, пребывая в ней беспомощными и с пустыми руками. Но при этом надеялись, верили и знали, что когда человек вслушивается в самого себя, то слышит голос Бога. Когда покоряется этому голосу, то действует, как указывает Бог.

III ШАХТА «НОРДШТЕРН»

Одно из самых красивых мест Рура — индустриальный комплекс Нордштерн — Гельзенберг в Гельзенкирхене. Не раз я останавливал машину на мосту через рейнский канал и наблюдал за плавно идущими по реке груженными танкерами и баржами. Вдоль берегов канала всегда сидели дети и длиннющими удочками ловили рыбу.

Танкеры пришвартовывались в порту огромного химического завода. Неподалеку от него день и ночь работала электростанция, выпускавшая через гигантские трубы потоки сероватого пара. Трубы эти, устремленные в небо, напоминали мне гигантские пальцы.

На другой стороне канала, в порту шахты «Нордштерн» дожидались угольной загрузки баржи.

Коксовый завод всегда был освещен языками газового пламени, в воздухе чувствовался резкий, кисловатый запах дыма. Чуть поодаль проглядывала новая башня шахты «Нордштерн». И я мысленно представлял, что там, под землей, покрытые угольной пылью, трудятся три тысячи шахтеров, добывая уголь для теплостанции, коксового завода и порта. Оттуда «черное золото» уйдет за границу.

Индустриальный комплекс объединял три предприятия, на которых были заняты почти девять тысяч рабочих. Для ком-

мунистов в их борьбе за Рур шахта «Нордштерн» считалась особо важным объектом.

В 1946 году группа убежденных коммунистов решила взять власть на шахте. Их было немного, но они знали, чего добивались, и осуществляли свой план с завидной последовательностью. И добились. Шахтерский коллектив полностью находился под их влиянием, что позволяло оказывать давление на руководство. В профсоюзном комитете шахты из одиннадцати членов десять были коммунистами. Заполучив власть в «Нордштерне», коммунисты не замедлили ею воспользоваться. Здесь не раз принимали резолюции в поддержку компартий других стран, а в дни торжеств отсюда посылали телеграммы с приветствиями к главе компартии Восточной Германии, а также Иосифу Сталину в Москву. Члены профкома ездили в восточную часть за инструкциями, а оттуда в «Нордштерн» приезжали для работы партийцы.

После постановки пьесы «Забывтый фактор» в Гельзенкирхене весной 1950 года нас пригласили на встречу с членами профкома и директором шахты. Нас было четверо: Джефри, Йенс Юнатан, я и еще один английский шахтер. В кабинете директора, кроме него самого, присутствовал еще один член профкома, который в компартии не состоял.

Прошло минут двадцать после начала беседы, как вдруг дверь кабинета распахнулась, и вошли остальные представители профкома, все как один коммунисты. Они действовали продуманно, слаженно, заранее договорившись, кто и что будет говорить. Двое самых красноречивых из них конспективно изложили взгляды партии, дали краткий анализ международной обстановки и представили классовую борьбу, как единственное средство против капиталистической системы. Моральное Перевооружение, по их мнению, препятствовало этой борьбе, а значит, и делу мира.

После короткой паузы слово взяли мы. На наш взгляд, в век атомного оружия классовая борьба могла привести лишь к одному результату — полному уничтожению мира. Поэтому

пришло время говорить не о борьбе до полного истребления враждебного класса, а о глубоком преобразении всех людей, независимо от их классовой принадлежности. Деятельность Морального Перевооружения как раз и была направлена на преобразование человеческой природы.

Коммунисты ушли со встречи, никак не выразив своих эмоций. Мы же задержались в кабинете директора, чтобы подробнее рассказать об идеях Морального Перевооружения и о нашей международной работе. Спектакль «Забывтый фактор» произвел на него впечатление, директор был согласен с главной мыслью спектакля — изменения в жизни начинаются с изменения личности. И не важно, в трудной или обычной ситуации эта личность находится.

На следующий день в газете «Neue Volkszeitung» была опубликована статья о нашей встрече в «Нордштерне» под заголовком: «Моралисты» угрожают атомной бомбой». Автор считал, что «...агенты американских империалистов (то есть мы) получили единственно возможный ответ от членов профкома».

В ноябре 1950 года на шахте неожиданно началась забастовка. Двоих членов профкома, которые были коммунистами, исключили за провокаторские действия. Буквально через полчаса после начала забастовки о ней сообщила радиостанция «Лейпциг», вещающая из Восточной Германии. Радиожурналисты открыто призывали всех шахтеров Рура поддержать бастующих ради солидарности. Профком «Нордштерна» информировал о забастовке профкомы других шахт с целью задействовать в акции протеста до ста тысяч рабочих угольной компании (G.V.A.G.).

Центральное руководство союза шахтеров объявило забастовку незаконной, но опасность, что массовая акция сугубо идеологического характера способна парализовать экономическую и индустриальную жизнь Рура, оставалась.

К счастью, надежды забастовочных комитетов не оправдались. Через три дня шахтеры «Нордштерна» вернулись к работе, всеобщая забастовка сорвалась. Что произошло?

Директор шахты Гельзенкирхена объяснил нам:

— Нам удалось так быстро остановить эту забастовку только по одной причине — люди, отвечавшие за сложившуюся ситуацию, были знакомы с принципами Морального Перевооружения. К их числу принадлежали как работодатели, так и представители профсоюзов и центрального профкома угольной компании. Несмотря на то, что одни из них были социалистами, другие христианскими демократами, нам удалось выработать общую позицию, которой мы неизменно следовали.

А это слова министра экономики и связи земли Северный Рейн-Вестфалия Артура Стретера:

— Забастовка не стала массовой, потому что ответственные члены профкомов Рура были знакомы с идеями Морального Перевооружения. Это знание и предотвратило всеобщую забастовку, которая могла серьезно осложнить положение.

Фриц Хеске, председатель профкома шахты Цоллферейн рассказывал:

— Ко мне в шахту приходили из забастовочного комитета. Год назад, являясь тогда коммунистом, я бы без всяких сомнений присоединился к ним. Но из-за новых принципов я отказался от участия. Точно также и в других профкомах, благодаря принципам Морального Перевооружения, никто не пошел навстречу забастовщикам.

Постепенно новые идеи прижились среди шахтеров. Каждое лето делегации из «Нордштерна» отправлялись на международную конференцию в Ко. Несмотря на постоянные нападки со стороны коммунистов.

На выборах в профкомы в ноябре 1951 года коммунистам удалось сохранить за собой лидерство. Но не потому, что их поддержали рабочие массы, а из-за разобщенности остальных кандидатов, слишком поглощенных своими честолюбивыми амбициями. Никто не хотел уступить, и в выборных списках оказалось слишком много кандидатов. Голоса выборщиков, попросту говоря, размылись, независимые кандидаты не получили достаточной поддержки.

Следующие выборы состоялись весной 1953 года. По новому закону выборы стали проходить каждый второй год, возросло число новых членов профкомов. И снова коммунисты распространяли листовки, в которых настраивали избирателей против «морально вооруженных кандидатов». Но результаты выборов оказались столь неожиданными, что социалистическая газета, выходящая в Руре — «Die Westphalische Rundschau» назвала их «сенсационными». Из двадцати трех членов нового профкома только трое были коммунистами.

Председатель профкома остался прежний. Этот человек был марксистом, преданно следовавшим теории классовой борьбы. Как и многие другие в Руре, он начал свою партийную карьеру, участвуя в социалистическом молодежном движении, а позже, в 30-х годах вступил в компартию. Он принадлежал к тем рабочим, которые ради борьбы за социальную справедливость и мир готовы были пожертвовать всем.

Мы часто бывали у него дома. Он рассказывал нам, какое неизгладимое впечатление произвел на него директор шахты. Он, как убежденный марксист, впервые видел порядочного работодателя, который не гонялся за собственной выгодой, не преследовал в работе только личные интересы.

— Ему можно доверять, он открытый и честный человек, уважающий мнение рабочих и стремящийся во всем находить наиболее правильные решения. С ним легко сотрудничать, — так этот опытный марксист отзывался о директоре шахты.

Постепенно наш собеседник признал, что существует идеология, превосходящая классовую идею. Для него стало открытием, что работодатель, не защищающий слепо идеи своего класса, может встретить в своей же среде такое же мощное противостояние, которое обычно сопровождает классовую борьбу. Значит, подлинными друзьями люди становятся все-таки не из классовых побуждений. Их сближает нечто большее, чем принадлежность к одному и тому же социальному слою. Что же это? На собственном опыте наш марксист убедился, что подлинным другом становится тот, с кем можно разделить духовную жажду.

Вскоре этот человек тяжело заболел. Перед смертью он откровенно разговаривал только с ... директором шахты, который до последней минуты оставался у постели умирающего друга.

4 июня 1956 года мы снова пришли на встречу в кабинет директора шахты «Нордштерн». На этот раз ситуация оказалась противоположной той, что была шесть лет назад.

По инициативе директора и рабочих мы собирались поздравить по телефону Франка Бухмана с 78-летием. От имени шахтеров «Нордштерна» мы хотели передать ему слова поддержки в его международной идеологической борьбе. Среди сидевших за директорским столом были Герман Штоффмель и Вилли Бенеденс, а также другие их товарищи. Бухману позвонили в Лондон, сердечно поздравили и пригласили его еще раз посетить Рур. Вместе с Бухманом в тот день в Лондоне были его немецкие друзья Макс и Грета Бладек, Пауль и Лина Куровские, Фриц Хеске.

Но больше всего в «Нордштерне» мне запомнилось событие, которое произошло летом 1956 года. По просьбе шахтеров в городе был поставлен спектакль английского драматурга Питера Ховарда «Туфли диктатора». Мне и еще одному канадскому коллеге поручили распространить билеты. Мы расположились на выходе из шахты, разложили перед собой на столе билеты и книги. Мы еще не знали, как пройдет это распространение. Ведь среди шахтеров были и наши ярые противники. Я немного волновался, как будто бы оказался на передовой. Но все билеты были разобраны в течение часа. Остальное время мы раздавали книги, у нас ушло столько же экземпляров, сколько было шахтеров в «Нордштерне».

Заметив нашу лавку, один из членов профкома позвонил на проходную и потребовал, чтобы нас удалили из шахты. Ничего не добившись, он пытался натравить на нас нескольких шахтеров. Разговаривая с ними, он бросал в нашу сторону полные ненависти взгляды. Но ему явно не везло, и, в конце концов, он ушел.

Пока я стоял в живом потоке проходивших мимо шахтеров, меня вдруг захватило чувство единства и солидарности с этими людьми. Мне стали близки их лица, морщинистые и покрытые угольной пылью, фигуры, отмеченные тяжелой трудовой жизнью и усталостью. Я готов был разделить судьбу каждого из них. Как будто бы сам пережил их жизнь — жизнь военного поколения, вложившего когда-то все свое доверие в Веймарскую республику, а затем пережившего разочарование и крах. Это была жизнь молодых людей, соблазненных диктатурой, но оставшихся ни с чем, кроме безнадежности и цинизма в разбитых сердцах. Среди них были и те, кто в течение долгих лет ждал возвращения из плена своих родных, и те, кто потерял лучших друзей при взрывах в шахте.

Но в глазах этих людей можно было заметить и новое выражение. Когда они подходили к нам за газетами или просто поговорить, то за внешней отрешенностью, замкнутостью проглядывали светлые души, которые искали опоры во взаимопонимании и доверии между людьми. Было видно, что они истосковались по нормальным человеческим отношениям. Что им близки идеи братства не только теоретически, но и в повседневной жизни — дома и в штольне, в отношениях между коллегами и целыми народами.

— Эти люди, — размышлял я, — как и все другие рабочие в мире — не пешки в политической игре, целью которой является власть. Они также и не рабы экономической системы, цель которой — прибыль. Разве не достойно посвятить свою жизнь этим людям? Вместе с ними бороться за признание их достоинства, за реализацию их мечтаний и стремлений, за освобождение тех духовных сил, которые способны привести человечество к новой эре?

— А возможна ли такая эра? — спрашиваю теперь себя я, вспоминая то время.

И сам себе отвечаю:

— Возможно, этот процесс уже начался!

*Мне три года, но я уже
катаюсь на лыжах*

*Так выглядел школьник
Лейф Ховельсен в 9 лет*

*Фото сделано в честь моей
первой победы в лыжной гонке.
Мне 7 лет*

Мне 80 лет, но я все еще крепко стою на лыжне. Около лыжного трамплина в Америке, названного в честь моего отца

*Я всегда искренне общался
с людьми*

Когда мы были молодыми...

В горах Норвегии

Я вспоминаю многих наших друзей, у которых началась новая жизнь благодаря принятой новой идее. В этих рурцах было что-то особое. Даже отстаивая коммунистическую идею, они и тогда мыслили в мировом масштабе. А когда открыли нечто большее, они и тогда думали не только о Германии, но и о Европе, обо всем мире. Они знали, что идеологическую борьбу можно выиграть только на мировом уровне.

Я помню, как мои друзья после ночной смены отправлялись в Бонн, в Бундестаг, проводили там в напряженных обсуждениях весь день, потом возвращались в Рур и без отдыха снова шли работать в ночную смену. По их инициативе в Руре устраивались международные конференции для рабочих и студентов, журналистов и лидеров индустрии, парламентариев и духовенства.

Когда в Германию приезжали делегации из Азии и Африки, которым потом предстояла поездка в Ко, шахтеры приглашали их к себе, рассказывали о своей идеологической борьбе, о новой атмосфере в шахтах, возникшей благодаря преобразению людей.

Шахтеры много ездили в другие страны. Август Метцинг и Иоганн Гольцхаузер побывали на встречах с рабочими в Северной Италии. Фриц Хеске выступал перед шахтерами Курина в Северной Швеции, а Пауль Куровский — перед рабочими Парижа, Лондона и Роттердама. Бладек и Куровский несколько месяцев провели в Африке. Бладек побывал также на Дальнем Востоке. В Японии он участвовал в объединении социалистической партии. Макс, Пауль и их друзья из Эссена и Моэрса ездили в Вашингтон, и когда в Америке поднялась антикоммунистическая волна, они выступили перед политиками в Конгрессе с призывом не столько бороться с коммунизмом, сколько пытаться создать более достойную идеологию и претворить ее в жизнь. В финансовых кругах Америки они говорили о том, какие созидательные возможности могут раскрыться перед финансистами, если их внимание будет обращено на мировые идеологические приоритеты.

Я вижу их стоящими плечом к плечу вместе со сталеварами Франции, портовыми рабочими Англии, рабочими фабрик Италии, шахтерами Швеции, авиастроителями США, профсоюзными работниками Индии и Японии. Своей деятельностью они пытались загладить прошлые преступления Германии. Без всяких политических и дипломатических уловок они способствовали единству и объединению людей. Поддержка и сохранение мира для них не были абстрактной идеей, они считали, что мир во всем мире начинается с преобразования человека.

Когда я мысленно сопровождал их, где бы они ни находились, я всегда с благодарностью и надеждой снова думал о Рууре. О рурских шахтах и фабриках, о смоге и пыли, о цветущих парках и зеленых газонах, о людях Рура, с их подлинными чувствами и непреклонной волей.

Т ты и я

За годы, проведенные в Германии, я все яснее осознавал, насколько близорукими оказались национал-социализм Гитлера и ленинско-сталинский коммунизм, которые не учитывали значения личности конкретного человека. Индивидуум для них представлял лишь средство в борьбе за власть и контроль. Человек был одновременно превращен и в орудие, и в средство идеологической войны.

Схватка за наши мысли, чувства и волю продолжалась. Я ощущал ее, как целенаправленную борьбу, в которой решался вопрос — быть или не быть свободе, разобщенности народов и наций. Тотальная борьба за человека в двадцатом веке, вне зависимости от того, где она велась — в крупной промышленности или в политике, в рабочем движении или в сфере культуры, — была идеологической, и ни один человек не мог оставаться вне ее.

— Мы покорим мир не с помощью атомных бомб, а с помощью идеологической пропаганды, — говорил министр иностранных дел СССР Андрей Вышинский.

А вот слова Никиты Хрущева:

— Мы совершенно убеждены в том, что коммунистическая идеология победит во всем мире. Верим в это и жаждем этого. Только в одной области мы не способны пойти ни на какой компромисс — в идеологической.

Президент Эйзенхауер выразил это так:

— Борьба, происходящая сегодня в мире, ведется за разум и сердце человека. Это идеологическая борьба.

Что составляет ядро этой драмы, в которой все мы неизбежно рано или поздно должны принять участие? Над этим вопросом я постоянно размышлял, возвращаясь домой на машине по ночными улицами фабричных городов Рура.

Я никогда не забуду вечер поздней осени 1956 года, проведенный у Макса Бладека на Кенингсбергштрассе, 13, в Моэрсе. Мы разговаривали на кухне, Макс сидел в глубоком кресле. Рядом на стене висела скрипка. Макс любил музыку и играл на разных музыкальных инструментах. Получив к тому времени инвалидность, Бладек уже не работал. У него был силикоз, половину кишечника удалили, из-за этого он почти ничего не ел и весил килограммов сорок. Несмотря на серьезный недуг, Макс не сдавался, в нем чувствовались духовная сила и энергия. Он внимательно вслушивался в то, что говорил собеседник, а когда говорил сам, то было ясно, что Макс один из тех, кто умеет не только понимать, но и любить людей.

В тот вечер разговор зашел о нас самих и о возможностях, предоставленных нам в Западном мире. Макс начал с темы последнего партийного съезда в Москве, которым руководил Сталин. По его мнению, в речи диктатора были обозначены все главные коммунистические идеи, актуальные и для Германии.

Он по памяти процитировал Сталина:

— Капиталистические страны, конкурируя между собой в погоне за прибылью, тем самым приближают свой собственный крах. Для нас такой раскол только на пользу, независимо от того, в какой области протекает конфликт: между расами, классами, религиями или нациями. Когда эта война закончится, наследство капстран достанется нам. Оно, как созревший плод, само упадет нам в руки.

— Этот раскол среди рас, классов, религий и наций — основа, тот фундамент, на котором строится международная коммунистическая стратегия. Коммунисты используют его постоянно.

но, — продолжил Бладек. — Во время последней нашей поездки по миру с группой из Морального Перевооружения, мы везде сталкивались с цензурой: в кино, на радио и телевидение, в прессе, в профсоюзных движениях, на предприятиях и в политике. Каждая свободная нация по-своему идеологически подорвана. А когда народ морально расколот, то ему не поможет никакая армия. Когда мы — я сам, моя партия и мой народ, содействуем расколу среди рас, классов, религий или наций, коммунизм неизбежно будет побеждать. Слабость Запада в том, что он погружен в материализм, мы на практике подтверждаем то, о чем возвещают коммунистические теории. И на Западе, и в коммунистическом мире, где за основу принят материализм, нельзя развить ничего нового и ценного в человеке, так как сама основа несостоятельна. Пока мы не научимся улучшать природу человека, страны будут продолжать свое роковое движение к насилию и разрушениям. Атомный век требует нового типа людей.

Макс замолчал, потом поднялся с кресла, достал из ящика стола записную книжку. Почерк у него был ровный и четкий, почти каллиграфический. Проведя высохшей рукой по лбу, он стал читать:

— Идеология — это вера и убеждения, которые постоянно наполняют энергией сердце, мысль и волю человека, побуждают к новым действиям и самоотдаче. Сегодня две идеологии противостоят друг другу. Одна основана на вере в Бога, другая — на отрицании Бога. Идеологию можно основать с помощью интеллекта, и мы находим это у Гегеля, Фейербаха, Маркса и Ленина. Но она может возникнуть благодаря Божественному откровению. Если выбор падает на атеистическую идеологию, человек становится орудием придуманной интеллектуальной системы. А если человека посещает Божественное откровение, он становится проводником совсем иных идей — Божьих. Люди, которые не знают, для чего живут, легко могут попасть под влияние тех, кто вооружен идеологически.

Идет борьба за человека. Вопрос заключается в том, хотим ли мы строить мир согласно воле Бога, или по каким-то иным

правилам. Моральное Перевооружение стремится помочь каждому человеку познать правду о себе, о мире и следовать голосу совести. Тот, кто сверяет мотивы своих поступков с абсолютными нравственными нормами, руководим Богом. Такой человек способен понять все значение идеологической борьбы, он тоже примет в ней участие.

— Я пришел к убеждению, — продолжал Макс, — что корни идеологической неразберихи надо искать в нравственных компромиссах и поражениях. Если я прерываю связь с высшей Истиной, уже не Бог несет за это ответственность, а я сам. Вот почему так важно бороться с ненавистью и обидами, с завистью и властолюбием, с ложью и корыстолюбием. Все это ослепляет человека, замыкает его на самом себе. Я могу осуществить свое предназначение, только следуя по жизни вместе с Богом.

Такие вечера у друзей, которые имели многолетний опыт практики коммунистической идеологии, помогли мне глубже осознать силы, действовавшие в наше время, более глубоко понять значимость собственного опыта военных лет.

Прошло всего несколько месяцев после моего освобождения в мае 1945 года, а радость свободы затмили трудности жизни. Меня постигло разочарование. Я вспоминал, как в ясные зимние дни в Грини, бродя вдоль лагерного забора, я жадно вглядывался в пространство за колючей проволокой, вдыхал чистый кристальный воздух и страшно тосковал по свободе. Но теперь, когда ее получил, мои ожидания не оправдавались. Меня мучила тоска, я не знал, для чего жить.

Однажды, пребывая в таком настроении, я с упреком спросил мать:

— Для чего ты родила меня в этот мир? Не лучше было бы, если бы я вообще не существовал?

Мать посмотрела на меня любящим взглядом, в котором я видел искреннее участие и понимание, и сказала:

— Лейф, в этом мире столько зла, что нам нужны дети, которые в будущем смогли бы отстаивать добро.

Ее слова навсегда остались в моей душе. Хочу я того или нет, но я участвую в борьбе добра и зла. Эта напряженная борьба является неотъемлемой частью моей жизни. И нейтральная позиция тут невозможна. Ты все время дрейфуешь между полюсами: либо к истине и свободе, либо к лжи и рабству, от любви и чистоты к ненависти и эгоизму.

Каждое новое поколение продолжает эту борьбу. Для моего поколения было важно понять, в сущности, простую вещь — никогда не мириться со злом.

Разве борьба наших немецких друзей в Руре в основе своей не аналогична той, которую мы вели в Норвегии, во время оккупации? Разве выбор, сделанный Бладеком, Куровским и их товарищами, не был сродни тому выбору, перед которым оказались в Гестапо Нильс и я? Мы должны были или подчиниться человеческой власти, а значит предать все то, во что действительно верили, стать рабами системы, или же, наоборот, выбрать путь истины, следовать голосу совести, и, в итоге, преобразиться.

Исходя из своего опыта, я считаю, что мое поколение было подвергнуто мощной массовой пропаганде. Нас буквально бомбардировали информацией, заманивали с помощью разных тактик тоталитарные диктатуры, во имя ложной свободы нам было обещано все. Следуя за этим многоголосым хором, миллионы людей вставали на ложный путь. Вместо того чтобы ясно осознать борьбу добра со злом и занять решительную позицию. Ведь людей, выстраивающих свою жизнь на нравственной идеологии, трудно одолеть как внешним, так и внутренним разрушительным силам, их невозможно соблазнить никакой идеологией.

Мы, родившиеся в первой половине двадцатого века, были свидетелями небывалого триумфа науки и техники. Мы на-

учились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, мы научились летать в космос, как в другой город. Но самому трудному мы все еще не научились — жить вместе по-человечески.

Наиболее разнообразный и успешный опыт вовлечения самых разных людей в созидательное сотрудничество принадлежит Моральному Перевооружению. Мы, выбравшие этот путь согласно своим убеждениям, совершили немало ошибок, и, наверное, совершим еще. Но нас никогда не покидала вера в собственное призвание, вера во всемогущество Истины.

Мы знаем, что борьба за человека всегда встречает мощное сопротивление. Это естественно. Ведь люди, не принимающие духовного и нравственного преображения в собственной жизни, станут активными противниками изменений в жизни общественной.

Когда люди подвержены каким-либо идеологиям, распространенным в рамках одной расы, одного класса или народа, то они пустят в ход все средства, чтобы остановить идею, которая своей универсальностью способна разрушить все эти ограничения.

За последние годы я встретился со многими людьми из разных стран мира. Кто-то из них занимал руководящие и ответственные посты, другие были простыми людьми. Я гостил в их домах, делил вместе с ними их семейные радости и горе, а также страх и беспокойство за будущее. Я видел, как они озабочены обдумыванием проблем, которые кажутся неразрешимыми.

Гонка вооружений в мире? Осознанная необходимость или никем не контролируемая пороховая бочка? Антикоммунизм, превращающийся из противоядия в очередную ядовитую смесь?

Если считать готовым решением идею «мирного сосуществования» — значит, жить иллюзией. Коммунистические лидеры отлично знают, что эта идея — всего лишь средство удерживать свободные нации в трансе, пока мировое коммунистическое движение беспрепятственно, шаг за шагом построит мир по своим схемам. Демократия, которая не знает, что она отстаивает

ет, никогда не сможет устоять перед диктатурой с агрессивной идеологией.

Над этими вопросами размышляли тогда эти люди. Но нас волновали и другие, глобальные вопросы. Всех людей, как на Западе, так на Востоке объединяет общая потребность. Человеку необходимы идеалы, ради которых стоит жить. Ему нужна вера, дарующая свободу и уверенность, обязывающая стремиться к истине, единству и справедливости.

Мир ждет, чтобы мы пришли к такой вере и образу жизни, которые бы вопреки всем системам объединяли людей. Все те, кто разделяет эту освободительную идею, превзойдут тех, чья идеология не несет освобождения.

Существует нечто более сильное, чем атомные бомбы, идеологии, в которых человеку отводится роль средства борьбы. Сила в людях, которые способны, следуя голосу совести, отстаивать идею свободы. Это — шанс для всех нас. Независимо от того, кем мы являемся, мы можем руководствоваться нашей совестью в своих действиях.

Так мыслил я в то время. В это я верил и прилагал все усилия для осуществления этой идеи.

В конце 1960-х годов был опубликован манифест, который внес более глубокое измерение в мои взгляды и мироощущение. Это был манифест академика Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Р

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вторая мировая война, первое десятилетие после освобождения Европы от фашизма были временем испытаний для большинства из нас. События этого периода помогли мне увидеть знаковые вещи, подтверждающие важную роль человека в происходящем.

Попытаюсь объяснить, что я имею в виду.

В уже прочитанной вами, дорогие читатели, части книги, где я описываю свою жизнь в начале двадцатого века, я постарался показать свои самые глубокие убеждения такими, какими они были тогда. Это то, во что я верил, чему посвятил свою жизнь.

Как дитя века идеологий и холодной войны, я от всего сердца стремился внести свой вклад в изменение мира к лучшему. История, философия, религия притягивали меня с юных лет. А точные науки, такие, как математика, физика, геометрия, увы, никогда не вызывали особого интереса.

Как вы уже знаете, я вырос в восточной части Осло, в среде рабочих, среди которых было много коммунистов. Рабочее движение, имевшее принципиальное значение не только для Осло, но и для всей Норвегии, зарождалось на моих глазах.

Впервые я испытал мощную и притягательную силу идей в двенадцатилетнем возрасте. Это случилось первого мая, был выходной день, я что-то строил из песка у себя во дворе, когда до меня донеслись звуки первомайской демонстрации. Люди шли по соседней улице Линиеваен. Я бросился в сад, откуда мог все хорошо рассмотреть, и до сих пор помню это зрелище.

Рабочие организованно и целеустремленно шагали за возглавлявшим демонстрацию лидером, в руках у него было красное знамя, которое он держал высоко над головой. Оркестр играл «Интернационал», демонстранты пели с такой страстной убежденностью, что меня, двенадцатилетнего подростка, это совершенно потрясло. В шествии было что-то подлинное и искреннее, обладавшее притягательной силой. Я смотрел на этих людей и был заворожен их красотой, силой. А мгновение спустя я ощутил необъяснимый страх и, чтобы не упасть, ухватился за свисающую ветку яблони.

Может быть, эти два мощных чувства — притяжение и страх — были своего рода предупреждением судьбы? Ведь сила идеи, тянувшая меня к демонстрантам, могла сломить меня, как личность.

В средней школе в Груруд, куда я ходил в середине 30-х годов, из всего класса было только трое учеников, захваченных идеями. В том числе и я. Туре — марксист, его прозвали Сталиным. Гуннар — нацист, его называли Гитлером. Я, как противник обоих, представлял идеи свободы и демократии, за это получил прозвище Черчилль. Иногда на уроках истории мы излагали свои идеи перед классом, это всегда вызывало большое оживление среди учеников.

Я никогда не забуду одного события, которое произошло однажды в классе. В то время мы еще не могли до конца понять его значения, это случилось позже. Мы ждали учительницу немецкого языка, которой почему-то все не было. Обычно она никогда не опаздывала, и мы почувствовали, что случилось что-

то серьезное. Когда она, наконец, появилась вся в слезах, а ее заплаканного лица мне никогда не забыть, то сообщила, что началась война. По радио в учительской только что передали о начале Второй мировой войны.

9 апреля 1940 года в Норвегию вошли гитлеровцы. Мы сразу же оказались втянутыми в мировые события, которые изменили нашу жизнь. Гуннар вступил в ряды Хирден — фашистских полувоенных штурмовых отрядов. Он сражался на восточном фронте. Туре, вместо того, чтобы бежать в Советский Союз, переменял свои убеждения и отправился в Англию, где находился король Хокон VII и норвежское правительство. Там же он стал офицером норвежской армии. А я с самого начала войны вступил в движение Сопротивления. Наши пути и судьбы разошлись.

Следя за победами Гитлера и распространением нацистской идеологии, я решил сражаться с этим злом до полной победы. Идеализм Гуннара, его вера в нацизм никак не соответствовали тому ужасу, который нам пришлось пережить во время оккупации и в концлагерях. Решался вопрос: «Быть или не быть?». Пацифизм, к которому многие из нас были склонны в предвоенные годы, в этой ситуации был неуместен. Борьба шла не на жизнь, а на смерть, фашистских захватчиков можно было одолеть только с оружием в руках.

Моим вкладом в борьбу с нацизмом было распространение свободной и правдивой информации. Это и служило мне оружием. Этому я отдавал все свое время. Позднее я вступил в военную организацию, но за день до выдачи настоящего оружия был арестован.

В тридцатых-сороковых годах прошлого столетия существовало множество течений, которыми увлекалась молодежь. Самые значительные из них были основаны на учениях Чарльза Дар-

вина, Карла Маркса и Зигмунда Фрейда. Для того времени была характерна оптимистическая вера в просвещение и прогресс.

Всем этим течениям, как я постепенно обнаружил, недоставало чего-то очень важного. В них не было реалистичного взгляда на жизнь. Реальность же состояла в том, что и в мире, и в человеке могут действовать силы зла. В то время я не верил в реальность зла. Мое отношение к действительности было наивным. Только во время войны, пережив на собственном опыте обман, предательство, пытки и унижения, я осознал, что зло действительно существует.

В 1930 году к Оксфордскому движению присоединился один редактор из Дании. Я познакомился с ним, и в одной из бесед, которую я никогда не забуду, он рассказал мне, что основатель движения Франк Бухман верил в возможность преобразования даже нацистов. Он допускал, что, если хотя бы несколько нацистских лидеров изменятся, это приведет к важным для Европы последствиям.

Бухману удалось договориться об аудиенции с Гиммлером, и мой датский друг был на ней переводчиком. После переговоров, как заметил датчанин, Бухман выглядел совершенно обесиленным. Он удрученно произнес:

— Слишком поздно, зло уже вступило в свои права.

Я много думал над этим эпизодом, находясь в одиночной камере Б-24. Мой опыт в Гестапо, да и вообще вся система тюрем и концлагерей, свидетельствовали о том, что зло вступило в свои права.

Но случались мгновения, когда я видел, как нечто человеческое проглядывало в каждом из моих мучителей. Мне довелось иметь дело с десятком гестаповцев. Я представлял себе, как в юности эти люди, видимо, увлекались идеалами нацизма, а потом добровольно стали частью нацистской системы. Посте-

пенно они все больше в нее втягивались, беспрекословно выполняли все, что им поручали. Их заставляли применять насилие, пытки. Поначалу, наверное, им было нелегко, но, выполняя поручения, они доходили до черты, после которой уже невозможно остановиться. Именно в этот момент, когда путь назад отрезан, зло полноправно вступает в свои права.

Я много размышлял и о самом себе. Если бы я согласился сотрудничать с Гестапо, я бы тоже дошел до роковой черты. В переломный момент у меня не хватило бы мужества выйти из замкнутого круга, и тогда зло поработило бы и меня. Но лишь чудо спасло от этого.

Долгое время меня занимали и другие вещи. В движении Сопротивления я сотрудничал с коммунистами. Близко познакомился с несколькими из них в Грини, глубоко уважал этих людей, ценил их веру в идеалы, за которые они боролись всю жизнь. Но голос совести подсказывал мне, что коммунистическая идеология обречена на провал, она не способна объединить мир, так как сама основана на лжи. Слишком многое в этой идеологии строилось на ненависти и презрении к людям, которых, если следовать исторической необходимости, надо было уничтожить. Каждый раз, когда я пытался говорить с ними об этом, я слышал в ответ поговорку:

— Лес рубят — щепки летят.

Меня приглашали стать членом коммунистической ячейки, но после первых же двух встреч я из нее вышел. Я инстинктивно чувствовал, что здесь мне не место. И хотя я стал решительным противником коммунистической идеологии, что-то заставляло меня оставаться в дружеских отношениях с теми, кто разделял эту идеологию.

В разгар холодной войны я боролся с коммунизмом всеми силами. Но к каждому конкретному коммунисту я относился с уваже-

нием и любовью. Каждый по отдельности из них оказался способным открыть в себе измерение, ради которого стоит жить. Но у меня не было сомнений, как и в случае с Гитлером и Гиммлером, что зло овладело Сталиным, вступив в свои права в Кремле. Потом это подтвердилось. Но как будет складываться ситуация после победы над нацизмом, когда силы зла начнут все больше проявляться в действиях коммунистических лидеров?

И в один момент я понял, что от ответа на этот вопрос зависит очень многое. Еще до ареста я принимал участие в печатании подпольных газет. И как-то двое коммунистов, работавших вместе со мной и, почему-то, не замечавших моего присутствия, открыто заговорили о борьбе, которую собирались вести после освобождения Норвегии. До меня донеслась такая фраза:

— Но что делать с королем Хоконом?

Свободные демократии, избранные народом, должны иметь идеологию, за которую можно и нужно бороться. В ее основе должны быть идеи свободы, человеческого достоинства, справедливости и демократии. Такая демократическая идеология могла бы одержать верх в конфронтации идеологий, борющихся за человека. Над этой темой я размышлял беспрерывно.

Жизнь сложилась так, что Моральное Перевооружение стало для меня той единственной идеологией, которая полностью соответствовала моему мировоззрению. Годы, проведенные в Руре, а также опыт моих поездок по миру только подтверждали верность избранного пути.

Но в эпоху идеологий и холодной войны мне пришлось многому научиться. И сейчас я буду говорить только за себя. Неожиданно и незаметно для себя я стал упускать из виду целостность панорамы, а видел лишь фрагменты разворачивающихся событий. Я легко находил ошибки тоталитарных систем, с которыми вел борьбу. Намного труднее мне было признать, что зло присутствовало и в моем мире. Как объяснить это? Возможно, что

добро, представителем которого я так хотел быть, могло заразиться бациллой зла.

Проводить в мире «ось зла» и автоматически причислять себя к «оси добра» очень соблазнительно, но моя совесть говорит мне, что подобные деления — всего лишь иллюзия, она лежит в основе замкнутого порочного круга. Зло универсально, неуловимо, оно может завладеть каждым из нас. Зло, как сорняк, может прорасти повсюду и, прежде всего, там, где его меньше всего опасаются.

Я был настолько убежден в высшей идеологии, что проповедовал ее везде, где только мог. И не только на словах, но и на деле. Но постепенно, без моего ведома, так называемая «идеология во мне» из вспомогательного средства начала потихоньку превращаться в самоцель. Это произошло благодаря моему внутреннему настрою. Я думаю, что именно тогда, когда идеология становится самоцелью, зло начинает потихоньку, незаметно ее разрушать.

Это привело к тому, что мое отношение к людям и организациям стало хронически отрицательным. Веря всем сердцем в собственную тождественность с высшей идеологией, я превращался в высокомерного проповедника своих идей. Когда я заметил это, то решил, прежде всего, быть предельно честным перед собой.

Мои попытки понять многие события, происходившие в период конфронтации и холодной войны, не всегда приводили к успеху. Ведь единственным мерилом — что хорошо, а что плохо — было состояние моей души. Большое значение имели для меня встречи с самыми разными людьми и, прежде всего, с теми, кто находился в эпицентре борьбы со злом, против нацизма или коммунизма.

Мне хотелось бы поделиться с вами тем ценным опытом, который приобрели выдающиеся личности европейской истории,

когда боролись за истину, отстаивали ее, невзирая на страдания и тяжелые испытания.

Осенью 1984 года я познакомился с Милованом и Стефанией Джилас. Наша встреча состоялась в Белграде, в их доме, куда все следующие одиннадцать лет я приезжал дважды в год. Я ночевал в кабинете Джиласа, на большом диване, где превосходно высыпался. Там же стоял его огромный письменный стол. Повсюду лежали стопки бумаг и документов, но в отличие от моих, они находились в образцовом порядке.

Все стены кабинета, от пола до потолка были заставлены книжными полками. Около пяти тысяч томов разнообразных книг! Здесь же стоял круглый журнальный столик, два глубоких кресла. В них мы обычно сидели и беседовали с Милованом.

В юности Джилас работал журналистом. Он достаточно рано вступил в компартию, и еще при монархии за коммунистическую деятельность провел три года в тюрьме. Во время Второй мировой войны он был одним из руководителей партизанских отрядов, сражавшихся с гитлеровской армией. Джиласа считали ближайшим соратником Тито. После объединения Югославии, которая превратилась в коммунистическое государство, Джилас стал членом государственного совета, заместителем президента страны и президентом парламента. Многие годы он занимал должность секретаря центрального комитета партии. Но в 1954 году его сняли со всех этих должностей.

Как честный человек и правдоискатель, Джилас опубликовал несколько статей в газете «Борба», где подверг резкой критике систему государственной бюрократии. Джиласа обвинили во враждебной пропаганде и несколько раз арестовывали. В тюрь-

ме он написал книгу «Новый класс», которая вызвала огромный интерес в международном обществе, была издана в разных странах и считалась одной из самых основательных критик коммунизма. В общей сложности Джилас провел в заключении девять лет, большую часть времени — в одиночной камере, вплоть до своего освобождения по амнистии в 1966 году. Правда, слезка за ним продолжалась еще многие годы.

Наше знакомство переросло в тесную дружбу. Я думаю, что Джилас дал мне больше, чем кто-либо другой. Вот некоторые из его мыслей, записанных мной в блокноты и на диктофон:

- ◆ Коммунизм противоречит природе человека. Его корни уходят в монополистическую и тоталитарную структуру. А человеческая природа очень многообразна. Человек не может жить без свободы, без возможности выбора, возможности альтернатив. Человек — творческое существо, с богатством идей, воображения и представлений. В то же время в человеческой душе много темного, злого, грешного. От этой постоянной борьбы между противоречащими началами в наших душах зависит существование человечества. Это значит, что мы должны отстаивать добро, устремляться к благородным целям и вместе с этим помнить, что зло всегда будет иметь место в нашей жизни.
- ◆ Сама вера в то, что через изменение внешних факторов можно создать чистую расу, исключительный класс или народ, является не только идеологическим вымыслом и фальсификацией. Эта иллюзия опасна тем, что порождает вакуум, ведет к диктатуре и тирании.
- ◆ Так называемый «коммунизм с человеческим лицом» неосуществим. Соблюдение прав человека, какими мы их представляем в демократическом мире, при коммунизме невозможно. Идея прав человека по своей сути противоречит этой системе.
- ◆ Человека нельзя создать или сформировать с помощью внешней власти. Он может развиваться толь-

ко в рамках свободы и ответственности. Подавлять человека, принуждать его к молчанию, не уважать его неприкосновенность и самостоятельность – значит убивать уникальную и невозполнимую человеческую индивидуальность. Худшая форма всякого насилия, ведущая к наиболее разрушительным последствиям – это стремление лишить индивида его личности, чтобы заполучить над ним власть.

Отстаивать свободу и истину очень не просто. Об этом часто говорил Джилас, который сам дорого заплатил, борясь и за свободу, и за истину. О трудностях борьбы он написал в одной из своих статей, находясь в одиночной камере тюрьмы Сремска Питровица (Sremska Pitrovica). Удивительное совпадение – в той же самой камере, в 30-х годах он провел три года, когда еще был студентом.

Он писал:

◆ Еще в начале декабря (1953 года) я догадывался, что высказываемые мною взгляды не будут приняты даже самыми близкими моими товарищами. Все, что до этого составляло мою жизнь и что делало меня тем, кем я был – борьба, идеи, творческое стремление, любовь и ненависть, кровопролитие и слезы, энтузиазм и мечты – все это вело меня в одном направлении. Но одновременно необъяснимые знаки судьбы и мрачные предчувствия тянули меня во что-то новое и неизвестное... Я обязан был пойти по другому пути, пусть даже неуверенными шагами. Иначе я не мог оставаться человеком в собственных глазах. Ведь если мне открылось нечто истинное, в чем я убежден, разве могу я отказаться от этого знания, скрыть его от своих ближайших друзей, от мира, от самого себя?

◆ Я заранее знал, что большинство будет против меня, независимо от личных убеждений отдельных людей... Меня причислили к агентам сербской и иностранной буржуазии, мне заткнули рот, я был оплеван,

как мелкобуржуазный черт – и это после двадцати двух лет моего членства в партии и более чем пятнадцатилетнего пребывания в ее высшем руководстве! Меня не слишком волновало, что могло со мной случиться. Я просто шагнул в бурю, в густой туман неуверенности, не думая о последствиях. Я скорее интуитивно, нежели осознано, понимал, что правда на моей стороне. И сделал шаг.

Под шагом Джилас подразумевал свои публикации в газете «Борба». Хотя прекрасно знал, что столь открытая позиция поставит его в крайне трудное положение.

Приведу еще две цитаты:

◆ «Альтернативы расширению демократии, объявлению свободных выборов в общественные, государственные и экономические органы просто не существует».

«Борба», 20 декабря 1953 года.

◆ «Никакая теория не может уберечь нас от деспотизма. Единственная гарантия от опасностей и посягательств тирании – это развитие демократических форм, и постоянное их укрепление, развитие свободной мысли и творческого воображения».

«Борба», 27 декабря 1953 года.

Кроме Милована и Стефани Джилас, глубокое влияние оказали на меня русские диссиденты. Я познакомился с очень многими из них. Художник и скульптор Эрнст Неизвестный стал для меня постоянным источником вдохновения. Мы познакомились с ним в Швейцарии, в 1976 году — там он пребывал в изгнании.

Философ и культуролог Григорий Померанц, а также и его жена, поэт Зинаида Миркина, обогатили мои мысли и сердце во время наших незабываемых поездок по Норвегии.

Борец за права человека Сергей Ковалев, его жена Людмила, мужественный Владимир Буковский — у них я научился поддерживать в себе дух борьбы за достоинство человека. Мой близкий друг, переводчик Андрей Миронов, оказывал мне незаменимую помощь во время моих многократных поездок в Россию. Эти и еще многие другие люди стали частью меня, вошли в «сокровищницу» моей души.

Но судьба связала меня и с другими людьми, с мыслями и опытом которых я хотел бы вас познакомить.

Андрей Амальрик — писатель и журналист, родился в Москве, был настоящим бунтарем и человеком с редкими творческими способностями. Он получил мировую известность благодаря своей книге «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», которую перевели на многие языки мира. Его несколько раз арестовывали, три года Амальрик провел в сибирской ссылке.

В 1976 году он и его жена, художница Гюзель, должны были сделать выбор — либо снова отправиться в ссылку, либо эмигрировать на Запад. Они выбрали эмиграцию, уехали в Голландию, где я с ними и познакомился. Между нами возник взаимный интерес. Нам хотелось общаться, и мы на три недели отправились в Копенгаген, Стокгольм и Осло. Повсюду Амальрик выступал с лекциями.

Нашу дружбу внезапно оборвала смерть Андрея. Он погиб в автокатастрофе в ноябре 1980, по пути в Мадрид. Но за четыре года общения я сумел записать на диктофон несколько интервью с ним. Приведу лишь краткие отрывки из наших бесед.

◆ Целью правозащитного движения в Советском Союзе является изменение нравственного климата, — считал Амальрик. — Нам необходимо остановить потоки лицемерия и лжи, которые заполонили советское общество. Выражение «двойное мышление», с такой точностью подобранное Оруэллом (когда думают одно, а говорят другое), стало привычным, неотъемле-

мым в советской системе взаимоотношений между людьми. Именно с этим мы пытаемся бороться.

◆ Мы представляем не политическое, а моральное движение. Речь идет об изменении образа мыслей людей. Мы добиваемся переворота в их нравственных позициях, в мышлении. Мы прилагаем все усилия для того, чтобы довести до сознания общества значение прав человека. На практике мы боремся за соблюдение гражданских прав всех членов общества. Если нам удастся достигнуть результатов в этой области, это приведет к изменению политической структуры в Советском Союзе.

◆ Сегодня в политической и экономической структурах страны нет места отдельному человеку. Система заслоняет собой все и всех. Поэтому, прежде всего, мы стремимся изменить не систему, а людей. Они должны стать лучше, они должны изменить свой образ мыслей. Они способны даже в советской системе ощутить собственное достоинство и внутреннюю опору, позволяющую отстаивать свои права.

В Стокгольме, куда мы приехали с лекциями, у нас выдался один спокойный вечер у наших друзей. Мы долго беседовали обо всем, что нас волновало в то время.

◆ С годами я все отчетливее понимаю, что ценность жизни выражается в простых человеческих отношениях, – рассуждал Амальрик. – Таких, как любовь в семье, в подлинной дружбе, в заботе о других, в терпении, в порядочности. А любая идеология, любая политическая доктрина, если их не использовать только в качестве рабочего метода, в худшем случае приводят к отрубанию голов, а в лучшем – к накоплению денежных мешков и золота.

◆ Идеологии меня не привлекают. Они становятся причиной многочисленных бед и страданий. У нас было слишком много идеологий. Для одних идеология становилась религией, для других религия превра-

щалась в идеологию. Я не знаю, что хуже. Однако понимаю, что идеология является чем-то неизбежным и необходимым в наше время. Вот только бы научиться использовать ее в качестве средства для изменения мира, а не превращать идеологию в самоцель.

Еще одним русским диссидентом, с которым я сотрудничал, был Анатолий Левитин-Краснов. Он — известный религиозный писатель, защитник православной церкви. Левитин-Краснов много лет провел в тюрьмах и лагерях, потом ему удалось уехать на Запад. Он поселился в Швейцарии, в Люцерне.

Я к нему часто приезжал в гости, мы подружились. Однажды Анатолий рассказал мне интересную историю, которая случилась во время его судебного процесса.

Его привели в зал. Народу было немного, человек двенадцать. Левитин-Краснов стал их рассматривать и заметил, что все они одеты поразительно хорошо и подозрительно одинаково. Видимо, эти люди были из КГБ. И только один зритель в зале суда выбивался своим внешним видом из общей картины — скромный, в стареньком костюме, не очень-то отглаженном. Зато лицо его излучало искреннюю поддержку. Это был Андрей Дмитриевич Сахаров.

— Меня до глубины души тронуло, что Сахаров, который не был религиозным человеком, пришел поддержать меня, христианина. Это наполнило меня внутренней радостью, придало мужества, — вспоминал мой друг.

Увы, но я никогда не встречался с Александром Солженицыным. Так получалось, что каждый раз, когда мы пытались договориться о встрече, у одного из нас возникали какие-то неотложные дела. Но заочное сотрудничество все-таки состоялось. Я знал редактора парижской «Русской мысли» Ирину Альберти, которая несколько лет работала и секретарем Солженицына.

Как-то раз, когда мы сидели в редакции «Русской мысли» и обсуждали планы на будущее, из Америки позвонила жена

Солженицына. Телефонный разговор шел на русском языке, продолжался долго, и я, разумеется, не понял из него ни слова.

Неожиданно Ирина спросила меня:

— Лейф, вы ничего не хотите сказать жене Солженицына?

Тогда я попросил передать, что было бы замечательно, если бы Солженицын выдвинул кандидатуру Леха Валенсы на присуждение Нобелевской премии мира. Через неделю я прочел об этом предложении Александра Исаевича в газете «Herald Tribune». Получается, что он был согласен со мной, поэтому и выполнил мою просьбу!

Благодаря Солженицыну, мне удалось выдержать одну из самых интересных, значимых и победоносных конфронтаций в моей жизни. Это произошло во время международной конференции в Женеве. Солженицын в то время жил в Цюрихе.

Только что вышли в свет первые книги «Архипелага Гулаг» на немецком и французском языках, и я решил купить несколько экземпляров. В здании ООН в Женеве работало несколько книжных магазинов, и я отправился в самый крупный из них. Но книг там не оказалось, как не оказалось их и в остальных магазинах. Я расстроился и решил сделать заказ у продавца. Но мне объяснили, что продажа книг Солженицына в книжных магазинах ООН запрещена, поэтому проще доехать до любого книжного магазина в городе.

Я отказывался верить своим ушам — запретить продажу книг Солженицына в здании ООН! В мировой цитадели центра по защите прав и свобод человека!

Не теряя ни минуты, я отправился к своему швейцарскому другу, журналисту, работавшему в здании ООН, и все ему рассказал. Об этом необходимо везде сообщить, считал я. Новость возмутила моего друга еще сильнее, чем меня. Он тут же принялся сочинять для своего издания статью про историю с книгами Солженицына.

Я тоже продолжил боевые действия — позвонил русским диссидентам в Лондон, Париж и Бонн. Они отреагировали

мгновенно. Газеты всего мира сообщали о вопиющем факте — цензуре в здании ООН в отношении книг Солженицына.

По моей просьбе знакомый журналист из Нью-Йорка попытался выяснить, а не запрещена ли продажа этих книг в здании ООН в Америке? Оказалось, что и там действует запрет на продажу. Эту ситуацию даже обсуждали в норвежском парламенте.

В Женеве я познакомился с Эдвардом Хамбро, послом Норвегии в ООН и других международных организациях, членом комиссии по правам человека, которая ежегодно устраивала встречи в Женеве. Как председатель Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, Хамбро рассказал о ситуации вокруг запрета на продажу книг Солженицына своим коллегам.

В результате мы одержали полную победу. Возвратившись в Женеву через пару месяцев, я смог купить «Архипелаг Гулаг» в здании ООН. Более того, все книги Солженицына стояли на отдельных стеллажах, чтобы покупателям было проще их заметить. Мой друг-журналист из Нью-Йорка с гордостью сообщил мне, что и у них, в Америке, можно наблюдать аналогичную картину.

Правда, мы так и не смогли узнать, кто же все-таки запретил продажу книг в зданиях ООН по всему миру? Но я не забыл поблагодарить продавщицу, сказавшую мне правду.

Книги Солженицына всегда были мне интересны. Они поражали меня глубиной тем, я получал ответы на те вопросы, которых большинство вообще предпочитает избегать.

Некоторые мысли писателя, которые я почерпнул из его книг и речей, я хотел бы воспроизвести в собственном изложении. Их ценность для меня очевидна и по сей день актуальна.

◆ Зло нельзя понять, если исходить из марксистско-ленинских догм и доктрин. Насильственные действия революций могут уничтожить носителей зла, но не само зло. Универсальная граница между добром и злом проходит вовсе не между партиями и классами, наци-

ями и различными политическими системами, она проходит в сердце каждого человека. Зло является составной частью человеческой природы.

◆ Зло прежде проникает в сердце человека, а уже потом оно способно укорениться в политических системах.

◆ Не надо забывать, что насилие не живет самостоятельно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними существует глубокая природная связь. Насилие всегда прикрито ложью, а ложь всегда порождается насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом.

◆ А общество? Разве оно состоит не из нас? Это царство неправды, насилия, безверия в справедливость, недоверия к добру... Разве эта болотная жижа составлена не из нас самих? Мы привыкли, что надо подчиняться и лгать, иначе не проживешь – и, увы, на этом воспитываем наших детей.

◆ Наша страна каким-то мистическим образом связана с чувством вины, от которого нам никуда не деться, наша неизбежная судьба – это постоянное раскаяние. Только через раскаяние может быть очищен русский воздух, русская почва, и тогда сумеет прорасти новая здоровая национальная жизнь.

◆ Раскаяние, как в личном, так и в национальном плане, очистит атмосферу. Когда мы не скрываем наше страшное прошлое, искренне его осуждаем, тогда и укрепляется доверие мира к нашей стране.

Тема раскаяния в содеянном зле относится не только к России. Она актуальна для всех стран и наций, которым есть в чем раскаиваться. Американцы, например, имеют почти врожденную веру в то, что их страна избрана Богом для добродетели и любое зло в ней невозможно. Вероятно, иллюзии — это часть наших достоинств. Но расставание с заблуждениями всегда происходит болезненно.

Помню, как американцы были шокированы известием о массовом убийстве в местечке Милай во Вьетнаме 16 марта 1968 года. Убийство совершили их соотечественники. Газета «Таймс» опубликовала эссе под названием «Зло как неизбежный факт», в котором выражалась резкая критика политических позиций Америки. Заключительные слова эссе показались мне такими важными, что я запомнил их наизусть:

◆ Отдельный человек не является частью нации. Но каждый индивид приравнивается к целой нации. Можно утверждать, что только та нация может претендовать на величие, которая не боится разоблачить свою несостоятельность и признать, на какое зло она способна...

Эта истина, на мой взгляд, в одинаковой степени касается всех людей, независимо от места и времени обитания.

Я уже рассказывал о том, как я пытался отомстить гитлеровцам, которые руководили концлагерем Грини. Помните, как я заставлял их выполнять штрафные упражнения в крепости Акершус? С тех пор я считал, что искупил свое необдуманное злодеяние, но мой поступок имел продолжение спустя полвека.

Года четыре назад я неожиданно проснулся посреди ночи и почему-то вспомнил все, что проделывал с немцами в крепости Акершус. Эти мысленные картины были так реалистичны, что я долго не мог заснуть. И вдруг меня посетила совершенно новая мысль, — а как эти немцы восприняли мое насилие и злобу? Мне открылась простая истина — независимо от того, сколько зла и несправедливости я претерпел от других, с меня не снимается ответственность за зло и несправедливость, которые я допустил по отношению к другим людям. Это означало, что я должен был искупить свою вину.

И тогда я решил:

— Если Хейльман (тот, на кого я вылил ведро воды) еще жив, я встречу с ним и открыто обо всем поговорю.

Я стал наводить справки. Через некоторое время в Государственном архиве мне удалось узнать, что Хейльман вышел из заключения в Норвегии в 1951 году и был переправлен в Гамбург. Сейчас он должен проживать в небольшой деревне Хинтербах, на юге Германии.

Так сложилось, что через три дня после того, как я получил эту информацию, я должен был ехать на машине в Германию, а затем в Швейцарию. Это был мой шанс встретиться с Хейльманом. Я захватил все документы, полученные в Госархиве и поехал. В первую ночь я остановился у моих друзей в Вуппертале. Им я рассказал о своих намерениях. Они зашли в Интернет и выяснили, что в Германии проживает восемьдесят пять Вильгельмов Хейльманов. Меня интересовали те из них, которые проживали на юге Германии. Их оказалось двадцать пять человек. С этими сведениями я отправился дальше.

Приближаясь к местам, где, по моим расчетам, должен был проживать Хейльман, я чувствовал, что теряю самообладание. На меня накатывало знакомое уже чувство бессилия, мне не хотелось делать того, что я задумал. От одной мысли, что для розыска нужного мне Хейльмана придется встретиться с двадцатью пятью незнакомыми людьми, я готов был отказаться от задуманного. В своей беспомощности и растерянности я обратился к Богу и молился о том, чтобы Он послал мне человека, который мог оказать мне помощь.

Въезжая в центр небольшого городка на юге Германии, я заметил мясную лавку, которая уже закрывалась. Вдруг я подумал:

— А ведь Хейльман был мясником! Может, стоит спросить о нем в этой лавке, пока она еще не закрылась?

Пока я парковал машину, на двери лавки появился замок. Я попробовал войти с черного входа. Там я застал трех женщин.

— Знаком ли вам некий Вильгельм Хейльман? — спросил я.

Они в растерянности пожали плечами. Никто из них ничего не слышал о таком человеке. Старшая из женщин, заметив мою досаду, предложила обратиться за помощью к ее мужу и отправилась наверх, в свою квартиру. Ее муж был хозяином лавки. Когда он появился, я сказал ему, что разыскиваю Хейльмана, с которым познакомился в Норвегии.

— Хейльман больше не живет в Хинтербахе, — ответил мужчина. — Я не знаю, где он теперь, и жив ли вообще. Но если Вы доедете до Финкенбаха, там есть большая гостиница «Друен», ее хозяйка, фрау Геринг, близкая родственница Хейльмана. Спросите у нее.

Не теряя времени, я отправился в Финкенбах. Гостиницу мне удалось отыскать без труда. Но фрау Геринг отсутствовала. Ее сын, разносивший пиво посетителям, сказал, что его мать ушла к подруге, но должна вскоре вернуться. Я заказал себе блины с беконом и отлично поужинал. Когда я заканчивал десерт, появилась фрау Геринг.

Она присела за мой столик. Пожилая женщина, с добрым и благородным лицом. Я сказал, что хочу встретиться с Вильгельмом Хейльманом.

— Вильгельм умер пять лет назад, — ответила она, — а его жена, приходившаяся мне двоюродной сестрой, умерла еще раньше. Но их дети, Эльфрида и Георг, живы, они переехали в Дармштадт.

Потом она рассказала, что когда Хейльман вернулся из Норвегии, он некоторое время жил у нее. Его дом был полностью разрушен при бомбежке, под руинами погибли его родители, братья и сестры. Их похоронили в общей могиле, вместе с сотнями других погибших, которых невозможно было идентифицировать.

Этот рассказ произвел на меня сильное впечатление. Значит, и на его долю выпало немало горя. Тогда я, ничего не скрывая, рассказал фрау Геринг о причине своего приезда. Моя открытость сблизила нас.

Потом я вышел, чтобы немного пройтись после долгого дня, проведенного за рулем машины.

Когда я вернулся, фрау Геринг позвала меня:

— Я только что говорила с Эльфридой, дочерью Вильгельма, — сказала она. — Эльфрида хотела бы поговорить с Вами, она перезвонит с минуты на минуту.

И тут же зазвонил телефон. Фрау Геринг взяла трубку и передала ее мне. От неожиданности я растерялся, но постарался справиться со своими эмоциями:

— Я встречал Вашего отца в Норвегии и приехал сюда, чтобы поговорить с ним, — сказал я Эльфриде.

— О чем Вы хотели с ним говорить? — спросила она.

— Мы не были друзьями, — ответил я, — он был надзирателем, а я — заключенным.

И я подробно рассказал ей о своем поступке в крепости Акершус, о том, как этот эпизод ночью всплыл в моей памяти.

— Это переживание было столь мучительным, что я решил разыскать Вашего отца, — продолжил я, — чтобы сказать ему, что обошелся с ним очень жестоко. Теперь искренне раскаиваюсь в этом, и хотел бы извиниться перед ним.

На другом конце трубки стало совсем тихо. И вдруг я услышал ясный и решительный голос:

— Я Вас прощаю и уверена, что мой отец сделал бы то же самое.

Спустя некоторое время, когда я возвращался из Швейцарии, я заехал к Эльфриде и ее мужу в Дармштадт. Встреча была незабываемой. Они очень тепло меня приняли, угостили вкусным обедом, просили считать их дом своим и приезжать в любое время.

— Мне было шесть лет, когда отца направили в Норвегию, — рассказывала Эльфрида, — и шестнадцать, когда он вернулся. Отец очень изменился, стал замкнутым, никогда и ничего не рассказывал о Норвегии.

Перед моим отъездом мы заехали на кладбище. Молча постояли у могилы Хейльмана, я положил три красных розы. Было очень тихо, мы чувствовали, что нас объединяет общий покой. И тогда каким-то необъяснимым образом я ощутил в душе, что Бог стер зло, которое я причинил Хейльману, другим и самому себе. Как будто между мной и Хейльманом не существовало разделительной черты. Впервые я испытал к нему теплое чувство, мы стали едины, Бог примирил нас, залечив одну из глубоких ран нашей жизни и времени.

Одно из самых трогательных событий, пережитых мною в жизни произошло в Израиле 7 июня 1973 года, в месте, называемом Яд Вашем. Здесь присутствовали канцлер ФРГ Вилли Брандт и ряд ведущих политических лидеров Израиля. Для евреев Яд Вашем — святое место. Это памятник, который увековечил страдания и смерть миллионов евреев — жертв Холокоста.

Гидеон Хаусманн, обвинитель Адольфа Эйхманна, знакомит федерального канцлера со святыней. Здесь не говорят. Это место преклонения перед страданием. Дух преступлений Третьего рейха витает в воздухе: погромы, «хрустальная ночь», штурмовые отряды СС, газовые камеры, Гиммлер, Гитлер...

Федеральный канцлер и другие члены делегации проходят через тоннель — копию клоачного канала в варшавском гетто, где прятались евреи, стоя по горло в зловонной воде. Под фотографией уничтоженного гетто текст:

— Приказ выполнен. Еврейский квартал ликвидирован.

На черных могильных камнях металлические таблички с числом погибших.

На каменном полу монумента, куда канцлер, преклонив колена, возлагает венок, подсвечены выложенные мозаикой названия: Дахау, Бухенвальд, Освенцим, Берген-Бельзен... Время как будто остановилось, канцлер расправляет ленты венка, поднимается, достает очки, разворачивает лист. Но это не речь,

в Яд Вашем речи запрещены. Взволнованным, но твердым голосом он читает строки псалма:

«Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив: не до конца гневается и не вовек негодует. Не по беззакониям нашим сотворил нам, и не по грехам нашим воздал нам: ибо как высоко небо над землею, так велика милость Господа к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его. Ибо он знает состав наш, помнит, что мы персть. Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его»... (Псалом 102, 8-186)

В глубоком молчании израильские политики и официальные гости из Германии покидают Яд Вашем.

Н НЕОЖИДАННОЕ

В современном мире, где господствуют ненависть и жажда мести, главная спасительная роль принадлежит осознанию своей вины и ответственности, способности прощать и примирять. Повсюду сегодня можно наблюдать разгул зла. Нам необходимо научиться преодолевать его, прокладывая дорогу для добра, позволять ему действовать в нас.

Для того, чтобы изменить мир к лучшему, мало лишь желать этого, надо действовать. Бессмысленно сваливать вину на кого-то другого, осуждать всех поголовно. Наши предрассудки ослепляют нас. А начинать надо с себя. С собственной ответственности за все происходящее в мире. С попытки отстаивать добро повсюду.

Пережитые страдания в тюрьме, в концлагере Грини, когда вместо неминуемой смерти мне были дарованы жизнь и свобода, все это сыграло решающую роль в моей жизни. И здесь я хочу выделить два основных принципа, направлявших меня в моих действиях.

Движущие мной силы — это не абстракция, которую я придумал. Скорее, это — дар. Благодаря жизненному опыту, эти силы росли и укреплялись во мне, часто прорастая из боли. При-

чиной боли был я сам, мое эгоистичное сопротивление. Я не сразу решался на должный выбор. Только полностью осознав истину, открытую мне моей совестью, я мог видеть вещи предельно ясно. И это помогало мне находить путь к внутренней свободе и росту. Как свершается этот процесс в душе, так и осталось для меня тайной.

Первый принцип заключается в том, что я сознательно ищу сотрудничества с Богом через «Божий Интернет». Многолетний опыт показывает мне, что если прислушиваться к Святому Духу, Он может коснуться тебя. И когда я поступаю в соответствии с Ним, что-то начинает происходить. Интересно и то, что «Божий Интернет» чаще всего находит меня сам, и всегда самым неожиданным и удивительным образом! Это всегда происходит помимо моей воли.

Другой принцип состоит в том, что я сознательно следую императиву совести и истины. В этом тоже у меня есть многолетний опыт. Этому научила меня сама жизнь. Надеюсь, что события, о которых я расскажу ниже, помогут вам лучше понять, что значит следовать «Божьему Интернету» и императиву совести.

Иногда сюрпризы приходят по почте. Со мной это произошло летом 1968 года, когда я получил приглашение немецкого правительства участвовать в официальной поездке по Германии. За 12 отведенных дней я мог ближе познакомиться со страной, встретиться с интересными для меня политиками, руководителями промышленности и деятелями культуры. Меня попросили прислать предложения для программы и список людей, которых я хотел бы встретить, а также сообщили, что немецкое посольство в Осло предоставит мне всю необходимую информацию.

Это предложение меня заинтересовало, поездка была назначена на период с 29 сентября по 19 октября, начиналась она

в Берлине, а заканчивалась в Дюссельдорфе. Пресс-атташе немецкого посольства устроил лично для меня несколько дополнительных дней в Руре. Дюссельдорф находился в самом центре области, где я проработал много лет, и это давало мне шанс встретиться со своими старыми рурскими друзьями.

Случайно я узнал, что премьер-министр Норвегии Пер Бортен также готовился к официальному визиту в Германию, который должен был проходить с 21 по 26 октября. То есть я возвращался в Осло за день до его отъезда. Тут меня осенила мысль, что цель моей поездки в том, чтобы собрать факты и информацию о Германии для рапорта премьер-министру, это могло пригодиться ему во время официального визита. Я решил полностью сконцентрироваться на выполнении данной задачи.

С Пером Бортеном я познакомился еще в Нью-Йорке в 1960 году. Как член норвежского парламента, Бортен являлся в то время посланником в ООН от норвежского парламента. Мы много сотрудничали, потом подружились.

Имея конкретную цель, я отправился в Германию. Первые три дня я провел в Берлине. Затем три дня в Бонне, два дня в Мюнхене, два дня в Штутгарте и Дюссельдорфе. Вся программа была организована Интернациональной службой официальных поездок в Бонн-Бад Годесберге, которая и несла ответственность за приглашенных в Германию гостей. Проведя несколько дополнительных дней в Руре, я вылетел из Гамбурга обратно в Осло.

Всего у меня набралось около двадцати восьми интервью с ведущими политиками, лидерами промышленности и профсоюзов, руководителями банков, армейскими начальниками, деятелями культуры. В Берлине мы побывали в театре и на праздничном вечере, где играл Берлинский филармонический оркестр. Дирижировал известный всему миру Герберт фон Караян. А в Дюссельдорфе мы посетили популярное Политическое кабаре.

Весь этот обширный материал с обзором мнений, взглядов на положение Германии, Европы я обрабатывал по вечерам, просиживая до глубокой ночи. Время поджимало. Рапорт необходимо было закончить еще в Германии. В Осло у меня было всего двенадцать часов на распечатку рапорта перед отъездом премьер-министра. Времени на отдых совсем не оставалось. Я вставал в пять утра, это было самое напряженное время суток. В тишине я обдумывал то, что необходимо было сказать, какие вопросы задать людям, с которыми собирался встречаться.

Тогда я на собственном примере обнаружил, что в человеке есть скрытые резервы, проявляющиеся в экстремальных ситуациях. Я раскладывал перед собой чистые листы бумаги. В тишине один за другим ко мне на ум приходили нужные вопросы. И во всех многочисленных интервью и беседах именно эти вопросы оказывались наиболее актуальными.

Самой трудной оказалась подготовка к интервью с бывшим федеральным канцлером Людвигом Эрхардом. Я ничего не понимал в мире финансов и экономики. Но вопросы, составленные мной в утренней тишине, были вполне удачными, мы с взаимным интересом проговорили около полутора часов.

Никогда и ничего нельзя принимать за данность. Мои волнения по поводу этого интервью были лишь пустяком. Хочу повторить еще раз, что в ситуациях, где вызов наиболее острый, а ты ощущаешь собственное бессилие, но, невзирая на него, продолжаешь начатое дело, вступают в действие скрытые внутренние ресурсы, срабатывает «Божий Интернет».

Рапорт был подготовлен вовремя и передан в руки премьер-министру Бортену перед самым его вылетом в Германию. А затем произошло следующее. Двадцать пятого октября поздно вечером Бортен вернулся в Осло. На следующее утро он позвонил мне, но я был в Стокгольме. Вечером этого же дня я получил большой букет роз и письмо от премьер-министра:

Дорогой Ховельсен!

Хочу поблагодарить Вас за Ваш вклад в подготовку официального визита в Германию. Обзор, составленный Вами, чрезвычайно мне пригодился. Я считаю, что на его основе в министерстве иностранных дел надо ввести новый порядок подготовки официальных визитов. Как мне кажется, визит прошел успешно, беседы с немецкими политиками носили предельно открытый характер. Это также способствовало удачному ходу визита, учитывая сложные международные отношения, которые нам, к сожалению, приходится наблюдать сегодня. Еще раз сердечно благодарю.

*С уважением,
Пер Бортен*

Письмо меня очень тронуло. Я был счастлив, что у меня хватило сил и выдержки для подготовки рапорта, счастлив, что в последнюю минуту сумел передать его Бортену.

В августе 1970 года, в Гамбурге, я дожидался на вокзале поезда на Базель, чтобы принять участие в международной конференции в Ко. Следуя внутреннему порыву, я купил немецкую газету «Die Welt». В ней я прочитал, что в сентябре президент ФРГ Густав Хейнеманн собирался посетить Норвегию.

О готовящемся визите я уже знал из норвежской прессы. Эта новость вызывала в Норвегии самые противоречивые реакции. Кто-то собирался устраивать демонстрации, чтобы подчеркнуть, насколько нежелательно в стране присутствие немецкого президента. Меня же такие настроения очень беспокоили. Через двадцать пять лет после освобождения, после огромной работы в Европе по примирению, страсти в Норвегии, как оказалось, все еще продолжали кипеть.

Размышляя об этом в поезде, я вдруг решил встретиться с президентом Хейнеманном и взять у него интервью. Объективное

изложение его взглядов в норвежской прессе могло способствовать успеху его официального визита. Эта мысль занимала меня все сильнее, и когда я приехал в Ко, у меня уже было составлено двенадцать вопросов для интервью. Признаюсь, вопросы были действительно хорошими. Это придавало мне уверенности на тот случай, если действительно удастся договориться с президентом об интервью.

Я написал Хейнеманну письмо с предложением о встрече, обозначил цель беседы — подготовку к официальному визиту в Норвегию. Я также сообщил даты своего пребывания в Бонне.

Когда я приехал в Бонн, мне передали, что президент будет ждать меня на следующий день в 11 часов утра.

Рано утром я перечитал свои двенадцать вопросов, просмотрел газеты, почитал Библию и немного медитировал. И тогда совершенно неожиданно меня посетила странная мысль:

— Ничего не бери с собой, никаких заготовленных вопросов, ни магнитофона, ни блокнота, просто расскажи президенту о себе, о Норвегии и о людях, с которыми он встретится.

Я ничего не понимал.

— Журналист не может проводить интервью без единого вопроса, — убеждал я сам себя, чувствуя, как беспомощность и неуверенность овладевают мной.

Но я опять положился на волю Бога, молился о Его водительстве. Приближаясь к президентскому дворцу, я опять помолился, чтобы унять сильное волнение.

Меня приняли очень тепло. Кроме президента, в его кабинете присутствовал пресс-секретарь Мюллер-Гербес. Я начал с того, что рассказал немного о себе, о своем участии в движении Сопротивления во время оккупации, о концлагере, более подробно — о работе в Моральном Перевооружении в Германии, начиная с 1949 года.

Я рассказал, как научился преодолевать в себе ненависть, как за пятнадцать лет деятельности приобрел множество друзей среди немцев, как полюбил Германию. Затем я описал положение в Норвегии и настроения, вызванные известием об официальном визите президента, поделился впечатлениями о людях, с которыми президенту предстояло встретиться.

В ходе беседы налет формальности незаметно исчез, президент слушал меня с искренним интересом. Потом заговорил сам. Он рассказал о своем опыте в гитлеровский период, о том, как тяжело было оказывать сопротивление. Он глубоко сожалел обо всех злодеяниях, совершенных гитлеровским режимом в Норвегии и Европе. С особой болью говорил о преступлениях гаулейтера Тербовена в Норвегии, о зверствах которого был слышан. Тербовен был родом из Эссена, где Хейнеманн прожил много лет, а после войны являлся мэром этого города.

— Надеюсь, что официальный визит в Норвегию станет попыткой загладить нашу вину, — сказал президент.

Мы беседовали почти час, пока не подошла очередь других посетителей. Перед моим уходом Хейнеманн попросил пресс-секретаря подготовить для меня фотокопии статей о его визитах в Швецию и Данию. Когда я зашел за ними позднее, Мюллер-Гербес, вручив мне целую стопку газетных вырезок, произнес:

— Президент Хейнеманн просил передать Вам привет. Встреча с журналистом, который не задавал никаких вопросов и ничего не добивался, а просто пришел поделиться своими мыслями, была очень ему дорога. Разговор произвел на президента сильное впечатление. Ему понравилась Ваша открытость.

— Скажу честно, беседа получилась слишком уж личной, — ответил я.

— Именно это и произвело на президента впечатление, такие разговоры происходят не часто. Дипломаты предпочитают не говорить о столь значимых вещах. А информация, с которой они приходят, как правило, не является для нас новой, — ответил он.

Потом Мюллер-Гербес признался, что президент попросил задать мне только один вопрос личного характера. Хейнеманн слышал, что король Олав во время войны поклялся никогда больше не говорить по-немецки. Не лучше ли будет, в таком случае, говорить с королем по-английски?

— Нет, не лучше, — уверенно ответил я. — Президент Хейнеманн должен говорить на своем родном языке.

Вернувшись в Осло, я в течение двух недель работал над статьей о Хейнеманне. Я был очень удивлен, когда норвежское телеграфное бюро разослало ее сокращенный вариант в разные газеты, как собственную информацию о президенте Германии.

Перед публикацией статьи я решил отправить ее норвежскому послу в Бонне Петеру Анкеру, с которым я впервые познакомился в Египте, когда он являлся послом в Каире. Через два дня Анкер мне позвонил:

— Ваша статья показалась мне такой важной, что я переслал ее королю Олаву, — сказал он.

Тогда я подробно рассказал ему о встрече с президентом Хейнеманном и не забыл упомянуть о вопросе относительно немецкого языка. Через неделю мы встретились в одном из книжных магазинов, и Анкер сообщил мне, что прошлым вечером присутствовал на обеде у короля Олава. Там обсуждали предстоящий визит Хейнеманна. Анкер во время обеда рассказал королю о моей встрече с президентом.

В день приезда Хейнеманна во дворец был устроен торжественный ужин. Президента сопровождали министр иностранных дел ФРГ Шеель и другие высокопоставленные лица. На следующий день в резиденции немецкого посольства состоялся ответный прием, на который пригласили и меня. Когда я пришел туда, мне навстречу поспешил пресс-секретарь Мюллер-Гербес.

— Вчерашний ужин во дворце прошел замечательно, — сказал он. — Король Олав говорил по-немецки!

Мы разговорились.

— Вы читали речь Хейнеманна на ужине? Она опубликована в газете «Афтенпостен»? — спросил меня пресс-секретарь.

— Да, — ответил я, — речь мне очень понравилась.

Тогда пресс-секретарь спросил, обратил ли я внимание на ту часть, где президент благодарит норвежцев за поддержку. Я ответил, что помню эту часть.

— Это в первую очередь касается Вас. Мы не могли прямо назвать Вашего имени, но решили поблагодарить таким образом.

Вот этот отрывок из речи президента, опубликованной в газете «Афтенпостен» 10 сентября 1970 года:

«Одним из важнейших событий за последние двадцать лет я считаю то, что благодаря вкладу людей доброй воли, прежде всего, здесь, в Норвегии, между нашими народами снова устанавливается взаимопонимание, мы снова можем почувствовать общность интересов. Я не стану называть здесь конкретных имен, но хочу поблагодарить многих норвежцев, которые своим личным вкладом сделали это возможным».

Перед уходом я попрощался с президентом Хейнеманном. Он протянул мне руку и сказал:

— Мы будем рады видеть Вас снова. Мне хотелось бы еще раз поблагодарить Вас за все, что Вы для нас сделали.

Искренние слова благодарности тронули меня. Вечером я долго обдумывал все эти события. Вероятно, если бы я взял с собой те двенадцать вопросов, у меня получилось бы неплохое интервью с президентом. Но у Бога был другой замысел. Я понял, что своими вопросами не достиг бы самого главного, что произошло во время нашей встречи. Моя открытость тронула Хейнеманна, вызвала ко мне доверие, и это способствовало тому, что он смог задать мне вопрос, который больше всего волновал его.

А в том, что до публикации я послал статью послу Анкеру, не было ничего особенного. Но я не предполагал, что он находился в столь дружеских отношениях с королем Олавом! Мой телефонный разговор с ним, в котором я подробно излагал собственные впечатления от встречи в Бонне, позволил Анкеру передать вопрос президента королю. И король великодушно стал говорить с гостями по-немецки, и это повлияло на отношение членов немецкого правительства к Норвегии. Что позднее имело положительные последствия для Норвегии.

Лично я был мало причастен ко всему случившемуся, мне осталось только благодарить Бога.

С человеком иногда происходят необъяснимые события, которые меняют привычный уклад его жизни. Божьи пути неисповедимы, удивительны, оригинальны и совершенно неожиданны! Я хочу привести еще один пример из моей жизни.

Я думаю, что человек, как существо духовное, никогда не достигает абсолютного совершенства, всегда пребывает в процессе роста. Но именно этот процесс длиною в жизнь и есть самопознание, познание божественной природы многих явлений и вещей. Именно самопознание делает жизнь неожиданно интересной, многообразной, а иногда и мучительной.

...Меня пригласили принять участие в одной из ежегодных Международных конференций, которые устраивает МОТ (Международная организация труда) в Женеве. Конференция обычно длится три недели, в ней принимают участие представители профсоюзных движений, работодатели, члены правительств самых разных стран. Здесь разрабатывают законы, касающиеся всемирного здравоохранения, рынка труда и социальной сферы. Ежегодно на конференцию приглашают глав государств или правительств из разных стран.

На этот раз был приглашен президент Индии г-н Гири. После его доклада делегатов конференции пригласили на официальный прием, устроенный от лица индийского правительства. Это давало возможность встретиться с президентом Индии, с другими высокопоставленными членами делегации.

С Гири я встречался во время своей поездки по Индии. Тогда он был руководителем крупнейшего профсоюзного движения в стране. Мой коллега, шотландец Дэвид Янг, знал Гири довольно хорошо. Мы очень хотели встретиться с ним на приеме, который организаторы устроили в одном из красивых замков на берегу Женевского озера. Но у нас, увы, не было приглашения. И где его взять, мы тоже не знали.

В тишине мы обдумывали варианты проникновения в замок, как вдруг простое решение пришло нам на ум — мы пойдем на прием без всякого приглашения, и при входе смешаемся с потоком остальных гостей. Так мы и поступили. Потом мы оказались в длинной очереди всех тех, кто желал поприветствовать министра труда Индии, министра иностранных дел и самого президента. Меня Гири не узнал, но зато очень обрадовался встрече с Дэвидом. Они даже успели немного побеседовать.

Прием был роскошным, гостей угощали разнообразными напитками и индийской едой. Здесь предоставлялась хорошая возможность встретиться с новыми людьми. Я познакомился с министром труда Югославии и с одним из членов немецкого правительства.

Перед уходом я снова встал в очередь — на этот раз с гостями прощался министр иностранных дел Индии. В очереди я был последним. Всем стоявшим передо мной министр с легким поклоном пожимал руку. Когда настал мой черед, он протянул мне руку и произнес:

— Ваше превосходительство, мы сердечно благодарим Вас за Ваш визит.

В машине я рассмеялся.

— Мы явились без приглашения, — сказал я Дэвиду, — а нас не только поблагодарили за визит, но еще и назвали Вашим превосходительством!

Вечером, оставшись один, я обдумывал события вечера.

— Почему министр таким странным образом обратился ко мне? Может быть, Бог хотел что-то сказать мне этим? — спрашивал я сам себя.

И действительно, в тишине мне стала открываться одна истина за другой. В 1949 году, когда я решил последовать своему призванию и отправился вместе с членами Морального Перевооружения в Германию, я сделал это от всего сердца. Какой еще у меня был выбор? Меня не расстреляли, я не утонул вместе с другими на подорвавшемся корабле, моя жизнь и свобода явились даром свыше.

Год за годом я трудился над тем, чтобы быть достойным своего призвания. Но даже действуя в полную силу, я никогда не чувствовал, что обрел себя полностью. С одной стороны, во мне сохранялось стремление оправдать свою жизнь, показать Богу и людям, как глубоко благодарен я за то, что уцелел во время войны и в лагере. Но мне никогда не удавалось как-то заметно проявить себя на фоне большого международного содружества людей, к которому я был причастен. Иногда я сбивался с идеологического такта. Я знал что участвую в истинном и верном деле, но все-таки чувствовал, что не могу полностью слиться с тем, что делаю.

Моя натура такова, что я всегда хотел быть в эпицентре всех значительных событий. А что представлялось мне в то время самым значительным? Постараюсь ответить на этот вопрос.

Моральное Перевооружение в первые послевоенные годы проводило множество встреч и конференций. Они устраива-

лись по всему миру, а Международная Ассамблея проходила, как правило, в Ко, в Швейцарии или на острове Макинак в Америке.

Мне, например, очень нравился хор с Макинака, их пение глубоко трогало сердце. Но сам я петь не умел.

На конференциях также показывали спектакли. Я не чувствовал в себе актерского таланта и не привык к сцене, так что и здесь мне не стоило искать места.

Не мог я претендовать и на роль оратора, хотя на конференциях многие участники убедительно выступали перед большой аудиторией.

Я чувствовал, что во мне нет ничего, что могло бы быть полезным, востребованным. Я начал считать себя малозначительным человеком. Иногда я представлял, что работаю в цирке. В представлении всегда есть яркие, интересные номера, от которых публика приходит в восторг. А мне выпала всего лишь роль циркового уборщика. Вот он ходит по манежу со своим совком и метлой, убирает навоз или другой мусор после представления.

Вдобавок ко всему мое академическое образование не было закончено. Временами я просто презирал себя. Но какое-то высшее чувство долга заставляло меня двигаться дальше.

Когда же я сидел и обдумывал в тишине услышанную в мой адрес фразу на приеме, то вдруг понял — Бог хотел вытряхнуть из меня эгоцентризм и самоуничужение. Сообщение от Него было предельно ясным:

— Перестань сочинять про себя всякие глупости! Что бы ты ни думал о самом себе, Я все вижу иначе. Я призвал тебя быть Моим превосходительством, Моим посланцем.

Когда я понял, что мне не нужно ничего доказывать или кого-то из себя изображать, не нужно оправдывать полезность своего существования перед Богом, что Он любит меня таким, какой я есть, все мое внутреннее напряжение смыло, словно волной. Чувство вины и долга, мучавшие меня последние годы, переросли в глубокое чувство любви и благодарности Богу.

Для меня открылось новое измерение. Я познал на опыте, что когда по-настоящему люблю Бога, то истинным образом люблю и себя, и других людей. И когда эти духовные силы действуют во мне, я освобождаюсь от ложного чувства вины и долга перед Богом, перед собой, перед другими людьми.

Этот странный эпизод с индийским министром породил во мне новое отношение к нашему Небесному Отцу. С тех пор оно только продолжает развиваться, выливаясь в сердечные, благодарные, доверительные, жизнеутверждающие взаимоотношения. В свободе и открытости Бог учит меня пребывать с Ним в повседневной жизни. И хотя это великая тайна и непостижимый факт, но Бог ищет нашего сотрудничества в Его творчестве. Это реальность и истина, что независимо от того, кем или чем мы являемся, Он призывает всех нас быть Его Послами, Его Превосходительствами.

II

ПО ПУТИ

Мы приближаемся к заключению. Я надеюсь, что судьба подарит мне еще несколько лет жизни, чтобы я мог много раз встретиться с дорогими мне людьми. Может быть, судьба удивит меня, оставив за моими плечами целое столетие.

Сегодня я размышляю над важными для меня вопросами:

— Какой опыт извлекло мое поколение, выросшее на оптимистической вере в прогресс и теорию эволюции, на учениях Маркса, Дарвина, Фрейда? К чему привела увлеченность идеологиями, которые обещали изменить и обновить мир? Что из опыта XX века может лечь в основу нравственных норм и ценностей, стать своего рода наследством для нового поколения?

...Одним осенним днем, более шестидесяти лет назад, я ехал на велосипеде в местечко Норд-Одал, чтобы встретиться с писателем Сигурдом Хоэлем. Это был известный свободомыслящий писатель, очень популярный среди молодежи. Шла война, к рулю моего велосипеда было привязано коротковолновое радио, запрятанное в спальный мешок — его я должен был передать Хоэлю.

Я всегда очень любил книги и восхищался писателями, во время встречи с Хоэлем я задал ему вопрос:

— Какой совет Вы могли бы дать мне на будущее?

Хоэль ответил:

— Молодой человек, постарайтесь как можно больше испытать и повидать всего в жизни.

И это мне действительно удалось сполна. Но с годами я понял, что есть и еще кое-что важное в жизни. Например, сделать как можно больше открытий.

Однажды зимой я отправился на несколько недель в горы, чтобы закончить одну рукопись. Я жил в избушке, построенной на высоте 800 метров, в Гудбрансдалене. Погода стояла замечательная, каждый день я совершал лыжные прогулки. Чтобы быть в хорошей физической форме, я устраивал десятикилометровые пробеги на время.

В один особенно ясный и солнечный день я решил забыть про время и просто прокатиться на лыжах в свое удовольствие. Ехал я в размеренном темпе, любовался пейзажами. И вдруг заметил белого зайца, который забавно и легко прыгал по свежему снегу. Заяц тоже заметил меня, остановился, подняв длинные уши. Постоял так несколько секунд и поскакал дальше. Потом вновь вспомнил про меня, остановился и повернул морду в мою сторону. Эта заячья игра заворожила меня.

В лесу я обнаружил на снегу свежие следы лисы и отпечатки крыльев какой-то большой птицы, купавшейся в снегу. Продолжая путь, я любовался красотой заснеженных берез. Картины природы, как произведения искусства, зачаровывали меня. Особенно запомнилась маленькая птичка. Уцепившись лапками за березовую ветку, она пила капли растаявшего на солнце снега. Я посмотрел на горы — Ютунхаймен и Рондане были озарены каким-то особым сияющим светом.

В свою избушку я вернулся почти другим человеком. Прогулка оказалась для меня своеобразным богослужением. Меня захлестнули внутренний покой и радость. Я спрашивал сам себя:

— Почему же раньше я не замечал этого сказочного богатства? Ведь все, что я видел во время своих усиленных тренировок, это — лыжню и время на часах!

Мы очень многого не замечаем. Мы смотрим на все привычными глазами. И слишком часто видим лишь то, что хотим видеть. Но Бог хочет, чтобы постоянно открывали Его творения, видели Его прикосновение ко всему, что нас окружает. Чтобы мы научились ценить близких людей, заботиться обо всех, кто встречается на нашем пути. Потому что мир начинается именно с этого! Каждому из нас дарована свобода превращать каждый день в новое открытие!

Француз Блез Паскаль — один из великих мыслителей в европейской истории. Он также был математиком и естествоиспытателем, но прославился именно как мыслитель. Паскаль родился в 1623 году и прожил всего 39 лет. Несколько лет назад я натолкнулся на некоторые его высказывания, которые поразили меня. Вот одно из них:

«Истина столь мало известна в наше время, а ложь пустила такие сильные корни, что если мы не полюбим истину, мы никогда не познаем ее».

Один из самых больших даров жизни, на мой взгляд, — это открытое и радостное отношение к истине, к совести. Совесть и любовь к истине — два прочных и верных проводника в радости и в горе, это лучшие советники в трудных и мучительных ситуациях, когда мы поставлены перед выбором. Это они стали моим спасением, когда мне приходилось выбирать между сотрудничеством с Гестапо или смертью. Они были для меня путеводной звездой, когда я писал рапорт о Германии. Они спасали меня от сетей зла, когда моя слабая человеческая природа подвергалась искушениям.

Способность любить истину и следовать голосу совести не появляется сама по себе. Но если мы стремимся найти ее в себе,

то совесть и истина приходят к нам на помощь и делают за нас то, что мы не в состоянии сделать самостоятельно. Это, по-моему, и является самым ценным даром жизни, ее великой тайной. Я не побоюсь сказать, что любовь к истине и голос совести являются жизненной необходимостью в наше разобщенное и не всегда ясное время. Они помогают человеку сохранить свою личность естественной и целостной, несмотря на массирующее, враждебное давление со всех сторон, на стремление сил зла завладеть нашими мыслями и чувствами. Я глубоко убежден, что в тот момент, когда в нас вымирает голос совести, вместе с ним исчезает и наша свобода, а с ней и человеческое достоинство.

Знаменитый виолончелист Мстислав Ростропович после одного из своих концертов, беседуя с молодыми слушателями, дал им такой совет:

— Обращайте внимание не столько на политику, сколько на то, что говорит вам ваша совесть. В политике все меняется день ото дня, но человеческие идеалы и голос совести остаются неизменными.

Во время одной из моих бесед с Милованом Джиласом в Белграде я привел известные слова героя романа Федора Достоевского:

— Ежели Бога нет, то все дозволено.

Джилас тогда добавил:

— Есть Бог или нет, дозволено все-таки не все.

Он имел в виду один из важнейших даров, которые дает нам свобода, а именно — способность свободного самоограничения. Слишком много людей в наше время, по-моему, не понимают значения свободы. Они принимают ее как отсутствие всяческих ограничений. Живут под девизом:

— Если хочется, то можно!

Такая свобода, при которой отсутствуют внутренний стержень и ответственность, на мой взгляд, скорее убивает идею подлинной свободы. Я убежден, что свобода подразумевает,

прежде всего, ответственность. Именно такая свобода служит основой для настоящей демократии.

Позвольте мне привести еще одну цитату, очень мне любившуюся. Она принадлежит известному американскому теологу Рейнхольду Нибуру:

«Способность человека творить добро делает демократию возможной, в то время как способность человека совершать зло, делает ее необходимой».

Я постоянно размышляю о будущем. И не скрою, с постоянным чувством беспокойства. Во время моей молодости и мне, и поколению моих сверстников не слишком-то нравились ограничения, которые, как считалось, защищали общественную мораль. Но тогда мы не понимали, насколько они были необходимы.

Сегодня многие границы сняты, и так называемое прогрессивное развитие подчас несет разрушение. Когда я наблюдаю многих политических лидеров Скандинавии и Европы, у меня возникает впечатление, что прагматизм, словно эпидемия, поразил политические партии и движения. У них одна цель — одержать победу на выборах. Но практически никто не заявляет об ответственности за идеи будущего.

Меня занимает вопрос о том, какие ценности сегодня закладываются в основу будущего общества. Возможно, новое поколение сможет развить более реалистическое видение будущего. Я думаю, что мое поколение свое дело уже сделало. Теперь очередь молодых людей стать первооткрывателями нового и лучшего пути. Позвольте поделиться мыслями выдающегося, на мой взгляд, государственного деятеля, экс-президента Чехии Вацлава Гавелла. Они взяты из его эссе «Духовная задача Европы»:

- ◆ Идея метафизически укорененного чувства ответственности была одной из основных ценностей, заключенных в европейской традиции. Современный

исторический момент приглашает нас снова прибегнуть к ней и искренно признать, что существуют ценности, охватывающие нечто большее, чем наши непосредственные интересы. Мы несем ответственность не только перед своими партиями, избирателями, лоббистами или государством, но и перед всем человечеством, включая тех, кто придет после нас.

◆ В конце концов, наши поступки будут оценивать без учета окружавших нас обстоятельств. Это значит, что мы должны уметь слушать голос, идущий из глубины нашей совести. Несколько экзальтированно можно сказать, что задача Европы сегодня состоит в том, чтобы заново обнаружить свою совесть и свое чувство ответственности в самом глубоком значении этого слова. При этом должна быть учтена не только своя, личная политическая архитектура, но и остальной мир, его нравственное измерение.

◆ Единственно значимой задачей для Европы в следующем столетии станет попытка заново вдохнуть жизнь в свои лучшие духовные традиции, способствовать созданию нового образца глобального сосуществования. Мы делаем все возможное для мира, когда просто поступаем в соответствии с голосом совести. Возможно, у нас появятся последователи. А, может быть, и нет. Но не надо ждать, пока все поголовно начнут следовать духовному императиву. Надо начинать с себя. Лучшее из того, что Европа может сделать для самой себя сегодня, – это открыть новые политические измерения, восстановить духовный образ, чтобы нравственная совесть могла привести к новому рассвету».

На мою долю выпало быть близким другом многих людей, которые решились противостоять тоталитарной власти, навязанной России Сталиным и его пособниками. Это были так называемые диссиденты — люди, которые не могли примириться с ложью. Они отстаивали правду, их борьба имела значение и для России, и для нас, живущих в так называемом свободном

мире. Свободный мир принимал к сведению все, что происходило в Советском Союзе. Лично я глубоко благодарен диссидентам за то, что они побуждали нас, свободных западных людей, быть солидарными в борьбе за соблюдение прав человека.

На протяжении нескольких лет я проводил определенную работу для того, чтобы Нобелевская премия мира была вручена академику Андрею Сахарову и лидеру рабочего движения Леху Валенсе. Их деятельность имела огромное значение для всего мира. Эти люди заложили фундамент для таких вечных ценностей, как свобода, человеческое достоинство и мирное сосуществование.

Милован Джилас принадлежал к тем, кто действительно понимал и ценил борьбу диссидентов. Он постоянно интересовался ситуацией в России. В последние десять лет его жизни произошло множество событий. Каждый раз, когда я приезжал к нему в Белград, он ждал от меня подробного рассказа обо всем, что я видел и пережил в Москве и Санкт-Петербурге. Джилас верил в Россию. Однажды, когда мы обсуждали последние события, он сказал:

— Я почти боюсь говорить об этом, но сейчас, когда свобода постепенно возвращается в Россию, я надеюсь, что именно этот народ, столь сильно пострадавший в период сталинизма и Второй мировой войны, сможет приблизиться к более глубокому пониманию свободы. Это важно и для Запада. Потому что нам не хватает такого понимания, мы принимаем свободы, как данность.

Демократия не появляется сама по себе, как грибы после дождя. Хотя многие на Западе ошибочно считают, что дело обстоит именно так. Поэтому попытка Запада ускорить процесс становления демократии в других странах, с другим историческим наследием и памятью, выглядит наивной и самодовольной. Мы должны понять, что демократию нельзя передать, словно эстафетную палочку. Надо способствовать ее развитию, учиты-

вая множество особенностей каждой конкретной страны. Чтобы убедиться в правильности этого тезиса, достаточно посмотреть на результаты действий Америки в Ираке. Демократия может родиться только изнутри. Народ должен желать и добиваться ее.

...К числу моих близких друзей принадлежит и русский православный священник Георгий Эдельштейн. Он отвечает за три церковных прихода в Костромской области. Он рассказал мне такую историю. При Горбачеве церковь получила гораздо больше свободы. Священники, например, получили право заниматься в приходах и с детьми. Как-то раз Эдельштейн устроил для приходских детей спортивные соревнования. Когда он стал раздавать призы, то оказалось, что награды для восьмилетней девочки не хватает. Девочка очень огорчилась, заплакала и убежала к бабушке. Но Эдельштейн подошел к ней и сказал:

— Пойдем со мной, я найду твой приз.

Священник положил на стол перед девочкой три куклы и сказал:

— Можешь выбрать одну из них, это и будет твоей наградой.

Две куклы были совсем новые, а третья — без ноги, в старом платье. Эдельштейн удивился, когда девочка выбрала именно эту куклу.

— Почему ты выбрала именно ее? — спросил он.

— Потому что этой кукле я нужна. Я могу постирать ей платье, приделать ногу и я буду ее любить!

Эдельштейн был так тронут ответом, что отдал девочке все три куклы. Позднее ему сказали, что новых кукол она подарила подругам.

Хочу обратиться к новому поколению молодых людей — вы нужны своей стране. Вы нужны Европе. Вы нужны миру.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Достоевский писал, что совесть – это действие Бога в человеческой душе. Читая эти слова, я вспоминал Лейфа Ховельсена. Что-то в нем на самом деле неожиданно действовало. Я знаю Лейфа много лет и не сомневаюсь в достоверности его рассказов. Но на каком языке говорит Бог, или Божественная сила, или сила вечно непостижимого, прорастающего через пространство и время в красоте природы, а в человеке – через сердце, открытое своим глубинам? Неужели Бог говорит по-норвежски с Лейфом, на иврите с Моисеем, по-арабски с Мохаммедом? Сразу выношу за скобки то, о чем шел разговор: о единичном поступке или о великих законах. И пророк, и скромный праведник слышали что-то на своем родном языке. И вот мой вопрос: текст, возникший в уме, что это – Божий подлинник или человеческий перевод? Если подлинник, то почему столько разных пророчеств и споров, какое пророчество истинно – Моисея или Мохаммеда? И почему Христос считал возможным формально нарушать законы Моисея, если логика закона нарушает неписанный закон любви?

Опыт Лейфа Ховельсена перекликается с моим опытом полемики. Я не раз чувствовал, что сознаю и мыслю на разных уровнях. Есть самый поверхностный, бытовой, склонный к эгоизму. И есть ряд других пла-

стов, все более и более глубоких, до того, где мудрецы Вед открывали свой Атман, тождественный Брахману. Когда человек совершает обыденный выбор, платит злом за зло, поверхность радуется мести, а глубокие пласты выходят из тишины, и человек вдруг чувствует, что им больно от поверхностного захлеба. Потому что наша отдельность – иллюзия, потому что «человек – часть суши, часть великого континента», как говорил Джон Донн, и каждый порыв злобы вносит трещину в наш «континентальный» уровень, и мы чувствуем боль в глубине своего сердца, мы не можем дальше жить, отдаваясь ненависти и расширяя рану, которую сами себе нанесли. Если, конечно, не заглушаем своего чувства боли общим одобрением или верностью принципам, верностью закону «око за око» или просто вином. Стоны в глубине сердца вызывают неожиданную мысль, парадоксальную, даже абсурдную с точки зрения здравого смысла. Так к Ховельсену пришла мысль: «Ты должен простить своего палача». Так к госпоже Лор пришла мысль, что она должна погасить ненависть, вызванную допросами в Гестапо. Так госпоже Гофмайер пришла мысль, что она должна простить африканцев Кении, убивших ее отца. Если бы эта мысль приходила к людям несколько чаще, мы не имели бы неразрешимых конфликтов на Ближнем Востоке, на Кавказе – и история человечества не подошла бы так близко к абсурду саморазрушения.

В этом великое значение странного для большинства решения, принятого одним человеком в 1945 году. В таких случаях оправдывается мысль Франка Бухмана: «Один человек и Бог – это уже большинство». Это уже больше, чем большинство, подсчитанное при опросах общественного мнения, и мы начинаем верить, что в человеке, с раннего детства, прорастает что-то вечное, и если не глушить и не топтать то, что растет из святой глубины, человечество найдет Божий след.

Григорий Померанц
